НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

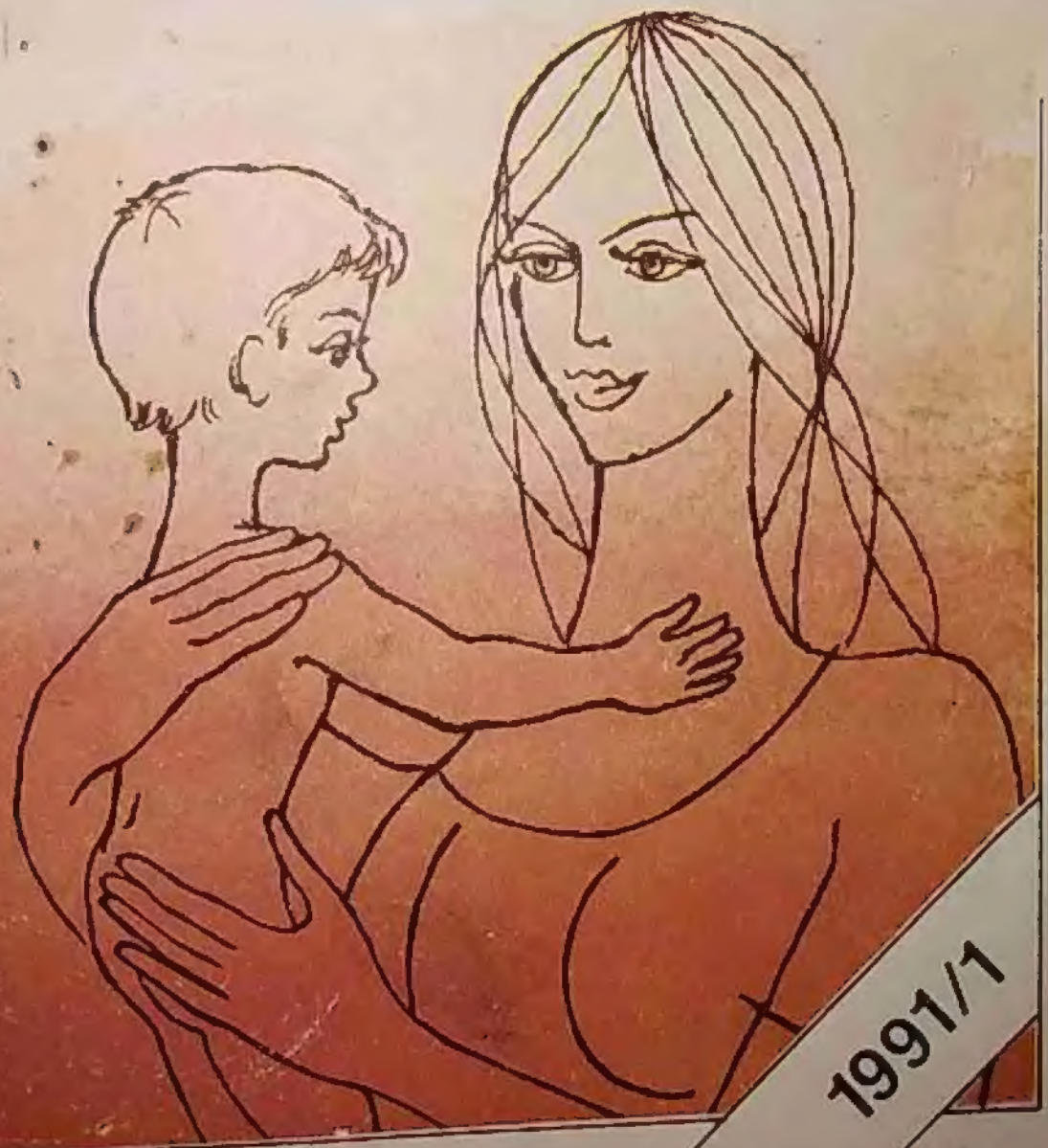
Издательство «Знание»

Педагогический

ФАКУЛЬТЕТ

Януш Корчак

Как любить детей



1991/1

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190

НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Издательство Знание

Педагогический

ФАКУЛЬТЕТ

Издается
с 1964 г.

1991/1

Януш Корчак

КАК ЛЮБИТЬ ДЕТЕЙ

ПЕРЕВОД С ПОЛЬСКОГО К. СЕНКЕВИЧ

Издательство «Знание»
Москва 1991

ББК 74.90
К 66

Автор: КОРЧАК Януш — известный польский педагог, писатель, врач.

Редактор: СВЕРДЛОВА О. Г.

СОДЕРЖАНИЕ

Ребенок в семье 3
Интернат 76
Летние колонии 147
Шуточная педагогика 184

Корчак Януш.
К 66 Как любить детей. — М.: Знание, 1991. — 192 с. — (Нар. ун-т. Пед. фак.; № 1)
ISBN 5-07-001828-0
55 к.

Каждое поколение родителей вновь обращается к талантливой книге замечательного польского педагога и писателя, прекрасного врача и человека большого мужества.

В произведениях Корчака родители найдут много интересных педагогических раздумий мудрого человека, глубокого знатока детства, создателя оригинальной системы воспитания.

4303000000 **ББК 74.90**

ISBN 5-07-001828-0

© Издательство «Знание», 1991 г., сокращенный перевод на русский язык

Ведь родиться — не то, что воскреснуть: могила отдаст нас, но не взглянет на нас, как мать.

Ангелли

1. Как, когда, сколько, почему!

Я предвижу много вопросов, которые ждут ответа, и сомнений, нуждающихся в разъяснении.

И отвечаю:

— Не знаю.

Каждый раз, когда, отложив книгу, ты начинаешь раздумывать, книга достигла цели. Если же, быстро листая страницы, ты станешь искать предписания и рецепты, досадуя, что их мало, знай: если и есть тут советы и указания, это вышло не помимо, а вопреки воле автора.

Я не знаю и не могу знать, как неизвестные мне родители могут в неизвестных мне условиях воспитывать неизвестного мне ребенка, подчеркиваю — «могут», а не «хотят», а не «обязаны».

В «не знаю» для науки — первозданный хаос, рождение новых мыслей, все более близких истине. В «не знаю» для ума, не искушенного в научном мышлении, — мучительная пустота.

Я хочу научить понимать и любить это дивное, полное жизни и ярчайших неожиданностей творческое «не знаю» современной науки о ребенке.

Я хочу, чтобы поняли, никакая книга, никакой врач не заменят собственной зоркой мысли и внимательного наблюдения.

Часто можно встретить мнение, что материнство облагораживает женщину, что лишь как мать она созревает духовно. Да, материнство ставит огненными буквами вопросы, охватывающие все стороны внешнего и

внутреннего мира, но их можно и не заметить, трусливо отодвинуть в далекое будущее или возмущаться, что нельзя купить их решение.

Велеть кому-нибудь дать тебе готовые мысли — это поручить другой женщине родить твое дитя. Есть мысли, которые надо самому рожать в муках, и они-то самые ценные. Это они решают, дашь ли ты, мать, грудь или вымя, воспитаешь как человек или как самка, станешь руководить или повлечешь на ремне принуждения, или, пока ребенок мал, будешь играть им, находя в детских ласках дополнение к скупым или немилым ласкам супруга, а потом чуть подрастет, бросишь без призора или захочешь переламывать.

* * *

5. Ты говоришь: «Он должен... Я хочу, чтобы он...»

И выбираешь для него, кем должен быть, — жизнь, какую желала бы.

Ничего, что кругом скудость и заурядность. Ничего, что кругом серость.

Люди суетятся, хлопочут, стараются — мелкие заботы, тусклые стремления, низменные цели...

Несбывшиеся надежды, мучительные сожаления, вечная тоска.

Всюду несправедливость.

Цепенеешь от бездушия, задыхаешься от лицемерия.

Имеющее клыки и когти нападает, тихое уходит в себя.

И не только страдают люди, а и марают душу...

Кем должен быть твой ребенок?

Борцом или только работником? Командующим или рядовым? Или только счастливым?

Где счастье, в чем счастье? Знаешь ли к нему путь? Да и есть ли такие люди, которые знают?

Справишься ли?..

Как предвидеть, как оградить?

Мотылек над пенным потоком жизни... Как придать прочность крыльям, не снижая полета, закалять, не утомляя?

Собственным примером, помогая советами, словом и делом?

А если отвергнет?

Лет через пятнадцать он обращен к будущему, ты — к прошлому. У тебя — воспоминания и привычки, у него — поиски нового и дерзновенная надежда. Ты сомневаешься, он ждет и верит, ты боишься, а он бесстрашен.

Юность, если она не издевается, не проклинает, не презирает, всегда стремится изменить неправильное прошлое.

Так и должно быть. И все же...

Пусть идет, лишь бы не заблуждался, пусть взбирается, лишь бы не упал, пусть искореняет, лишь бы не разбил в кровь руки, пусть борется, только осторожно-осторожно.

Скажет:

— Я другого мнения. Довольно опеки.

— Значит, не нужна я тебе?

— Тяготит тебя моя любовь?

— Неосмотрительное мое детище, не знаешь ты жизни, бедное, неблагодарное!

6. Неблагодарное.

Благодарна ли земля солнышку, что ей светит? Дерево зерну, что из него выросло? Поет ли соловушка матери, что выгрела его грудью?

Отдаешь ли ребенку то, что взяла у родителей, или лишь одалживаешь, чтобы получить обратно, и тщательно записываешь и высчитываешь проценты?

Заслуга ли любовь, что ты требуешь плату?

. . .

8. «Красив ли? А мне все равно». Так говорят неискренние матери, когда хотят подчеркнуть свой серьезный взгляд на цели воспитания.

Красота, грация, внешность, приятный голос — капитал, переданный тобой ребенку; как ум и как здоровье, он облегчает жизненный путь. Но не следует переоценивать красоту: не подкрепленная другими до-

стоинствами, она может принести вред. (И тем более требует зоркой мысли.)

Красивого ребенка надо воспитывать иначе, чем некрасивого. А раз воспитание без участия в нем самого ребенка не существует, не надо стыдливо утаивать от детей значения красоты, ибо это-то и портит.

Это как бы презрение к человеческой красоте — пережиток средневековья. Человеку, чуткому к прелести цветка, бабочки, пейзажа, — как остаться равнодушным к красе человека?

Хочешь скрыть от ребенка, что он красив? Если ему про это не скажет никто из домашних, скажут чужие люди: на улице, в магазине, в парке, всюду восклицанием, улыбкой, взглядом, взрослые ли, ровесники ли. Скажет злая доля детей некрасивых и безобразных. И ребенок поймет, что красота дает особые права, как понимает, что рука — это его рука, которой он пользуется.

Как слабый ребенок может развиваться благополучно, а здоровый попасть в катастрофу, так и красивый — оказаться несчастным, а одетый в броню непривлекательности — невыделяемый, незамечаемый — жить счастливо. Ибо ты должен, обязан помнить, что жизнь, заметив каждое ценное качество, захочет купить его, выманить или украсть. Эта совокупность тысяч и тысяч отклонений рождает неожиданности, изумляющие воспитателя мучительными многократными «почему?»

— А мне все равно, красивый или некрасивый.

Ты начинаешь с ошибки и лицемерия.

9. Умен ли?

Вначале мать спрашивает с тревогой, вскоре она будет требовать.

Ешь, хотя и сыт, хотя бы с отвращением; ложись спать; хотя бы со слезами, даже если заснешь лишь через час. Должен, требую, чтобы ты был здоров.

Не играй песком, не ходи растрепой: требую, чтобы ты был красив.

«Он еще не говорит... Он старше на... и, несмотря на это, еще... Он плохо учится...»

Вместо того чтобы наблюдать, изучать и знать, берется первый попавшийся «удачный» ребенок и предъ-

является т
быть похож
Нельзя,
стал ремес
падшим и
Не любо
благо лично
а путы шабл
Ум быва
настойчивый
ный, творчес
кий, конкрет
ственника ил
память; ловк
честная нере
вдумчивость
далее развит
ность интерес
Но кому к
«Пусть хот
руки родители
Предчувств
го труда, я ви
общества. А до
с каждым искл
неровным по с
Не «умен л
него ум?»
Наивный пр
тяжелую жертв
тей ребенка усп
родителей. Разум
дущего.
10. Хороший
Надо остерега
ным».
Мало плачет,
коен — хороший.
А плохой — к
повода, доставляет
чем приятных.

является требование своему: вот на кого ты должен быть похож.

Нельзя, чтобы ребенок состоятельных родителей стал ремесленником. Пусть уж лучше будет человеком падшим и несчастным.

Не любовь к ребенку, а родительский эгоизм, не благо личности, а тщеславие толпы, не поиски пути, а путы шаблона.

Ум бывает активный и пассивный, живой и вялый, настойчивый и безвольный, покладистый и своенравный, творческий и подражательный, показной и глубокий, конкретный и абстрактный, ум математика и естественника или писателя; блестящая и посредственная память; ловкая манипуляция случайными знаниями и честная нерешительность; врожденный деспотизм — вдумчивость — критицизм; преждевременное и запоздалое развитие; односторонность или разносторонность интересов.

Но кому какое до этого дело?

«Пусть хоть четыре класса окончит», — опускают руки родители.

Предчувствуя блистательный Ренессанс физического труда, я вижу кандидатов к нему во всех классах общества. А до тех пор — борьба родителей и школы с каждым исключительным, нетипичным, слабым или неровным по своим способностям ребенком.

Не «умен ли вообще», а скорее «какого склада у него ум?»

Наивный призыв к семье добровольно принести тяжелую жертву. Пристальное изучение способностей ребенка успешно обуздает эгоистичные амбиции родителей. Разумеется, все это песнь отдаленного будущего.

10. Хороший ребенок.

Надо остерегаться смешивать «хороший» с «удобным».

Мало плачет, ночью нас не будит, доверчив, спокоен — хороший.

А плохой — капризен, кричит без явного к тому повода, доставляет матери больше неприятных эмоций, чем приятных.

Ребенок может быть более или менее терпелив от рождения независимо от самочувствия. С одного довольно единицы страдания, чтобы дать реакцию десяти единиц крика, а другой на десяток единиц недомогания реагирует одной единицей крика.

Один вял, движения ленивы, сосание замедленно, крик без острого напряжения, четкой эмоции.

Другой легко возбудим, движения живы, сон чуток, сосание яростно, крик вплоть до синюхи.

Зайдется, задохнется, надо приводить в чувство, порой с трудом возвращается к жизни. Я знаю: это болезнь, мы лечим от нее рыбьим жиром, фосфором и безмолочной диетой. Но болезнь эта позволяет младенцу вырасти человеком могучей воли, стихийного натиска, гениального ума. Наполеон в детстве заходился плачем.

Все современное воспитание направлено на то, чтобы ребенок был удобен, последовательно, шаг за шагом, стремится усыпить, подавить, истребить все, что является волей и свободой ребенка, стойкостью его духа, силой его требований и намерений.

Вежлив, послушен, хорош, удобен, а и мысли нет о том, что будет внутренне безволен и жизненно немощен.

11. Неприятный сюрприз для молодой матери — крик ребенка.

Знала, дети плачут, но, думая о своем, проглядела, ждала лишь пленительных улыбок.

Станет соблюдать все необходимое, воспитывать будет разумно и современно, под наблюдением опытного врача. Ее ребенок не должен плакать.

Но наступает ночь, когда ошеломленная — живы еще отзвуки тяжких часов, длившихся столетия, — едва ощутив сладость усталости без забот, лени без самобичевания, отдыха после завершенной работы, отчаянного напряжения, первого в ее изнеженной жизни; едва поддавшись иллюзии, что все кончилось, ибо оно, дитя — это второй — уже само дышит; умиленная, способная задавать лишь полные таинственных шепотов вопросы природе, не требуя даже ответа...

...Вдруг слышит...

Деспотичный крик ребенка, который чего-то требует, на что-то жалуется, домогается помощи, а она не понимает!

Бодрствуй!

«Да раз я не могу, не хочу, не знаю, как!»

Этот первый крик при свете ночника — предвозвестник борьбы сдвоенной жизни: одна, зрелая, которую заставляют уступать, отрекаться и жертвовать, защищается; другая, новая, молодая, завоевывает свои права.

Сегодня ты не винишь его, он не понимает, страдает. Но есть на циферблате времени час, когда скажешь: «И я чувствую, и я страдаю».

* * *

37. Внимание! Или мы с вами сейчас договоримся, или навсегда разойдемся во мнениях! Каждую стремящуюся ускользнуть и притаиться мысль, каждое сконфузившееся без призора чувство надлежит призвать к порядку и построить усилием воли в шеренгу!

Я взываю о Magna Charta libertatis, о правах ребенка! Быть может, их и больше, я установил три основных:

1. Право ребенка на смерть.
2. Право ребенка на сегодняшний день.
3. Право ребенка быть тем, что он есть.

Надо ребенка знать, чтобы, представляя, делать как можно меньше ошибок. А ошибки неизбежны. Но спокойно: исправлять их будет он сам — на удивление зоркий, — лишь бы мы не ослабили эту ценную способность, эту его могучую защитную силу.

Мы дали слишком обильную или неподходящую пищу, чересчур много молока, несвежее яйцо — ребенка вырвало. Дали неудобоваримые сведения — не понял, неразумный совет — не усвоил, не послушался. Это не пустая фраза, когда я говорю: счастье для человечества, что мы не в силах подчинить детей нашим педагогическим влияниям и дидактическим покушениям на их здравый рассудок и здравую человеческую волю.

У меня еще не выкристаллизовалось понимание того, что первое, неоспоримое право ребенка — выска-

зывать свои мысли, активно участвовать в наших рассуждениях о нем и приговорах. Когда мы дорастем до его уважения и доверия, когда он поверит нам и сам скажет, в чем его право, загадок и ошибок станет меньше.

• • •

39. «Ку-ку, бедная детусенька, где у тебя бобо?»

Ребенок с трудом отыскивает чуть видные знаки позавчерашних царапин, показывает место, где, ушибись он сильнее, был бы синяк, доходит до совершенства в нахождении коросточек, пятнышек и следов.

Если каждое «бобо» взрослого и сопровождают тон, жест, мимика бессильной покорности и безнадежного смирения, детские «фи», «бяка», «нехороший» сочетаются с проявлениями отвращения и ненависти. Надо видеть, как младенец держит перепачканные в шоколаде руки, пока мама не вытрет их батистовым платочком, все его отвращение и беспомощность, чтобы задать вопрос: «Не лучше было бы, если бы ребенок, ударившись лбом о стул, давал ему пощечину, а во время мытья, с глазами, полными мыла, плевался и пинал няньку?..»

Двери — прищемит палец, окно — высунется и упадет, косточка — подавится, стул — опрокинет на себя, нож — порежется, палка — выколет глаз, поднял с пола коробок — заразится, спичка — ай, пожар, горит!

«Сломаешь руки, попадешь под машину, укусит собака. Не ешь слив, не пей сырую воду, не ходи босой, не бегай на солнце, застегни пальто, завяжи шарфик. Вот видишь, не послушался. Гляди — хромой, гляди — слепой. «На помощь — кровь! Кто дал ему ножницы?» Ушиб — это не синяк, а боязнь сотрясения мозга; рвота — не засорение желудка, а боязнь скарлатины. Всюду ловушки и опасности, все грозное, зловещее.

И если ребенок поверит и не съест украдкой фунт незрелых слив и, обманув бдительных старших, не зажжет с сильно бьющимся сердцем где-нибудь в углу спичку, если послушно, пассивно, доверчиво подчинится требованию избегать всяких опытов, отказываться от

попыток
предприм
ществе по
Есть ли
чества чер
добно уда
эрекции и
Да, реб
как будет р
десятка ле
40. Из ст
мы отнима
умер, не да
Сами во
ожидании то
волшебное б
в сегодняшн
ной встрече
нести с собой
уже ходил, г
Ребенок в
бока о тверды
будет перема
это с е г о д н
т р а? Если р
А когда, на
вое завтра. Иб
что его как бы
знает, а только
еще когда-то с
ждать.
Половина ч
Жизнь ее — шу
мимолетны, взгл
взрослых: в жизн
больше, чем в жи
ся от нашей жизн
А что сделано на
условия, в которы
Страх за жизнь
боязнь увечья сце

попыток и отрекаться от каждого усилия воли — что предпримет он, когда в себе, в своем духовном существе почувствует что-то, что грызет, жжет, ранит?

Есть ли у вас план, как возносить ребенка с младенчества через детство в период созревания, когда, подобно удару молнии, поразят ее менструации, его эрекции и поллюции?

Да, ребенок еще сосет грудь, а я уже спрашиваю, как будет рожать, ибо это проблема, над которой и два десятка лет думать не слишком много.

40. Из страха, как бы смерть не отняла у нас ребенка, мы отнимаем ребенка у жизни; не желая, чтобы он умер, не даем ему жить.

Сами воспитанные в деморализующем пассивном ожидании того, что будет, мы беспрерывно спешим в волшебное будущее. Ленивые, не хотим искать красоты в сегодняшнем дне, чтобы подготовить себя к достойной встрече завтрашнего утра: завтра само должно нести с собой вдохновение. И что такое это «хоть бы он уже ходил, говорил», что, как не истерия ожидания?

Ребенок вскоре будет ходить, будет обивать себе бока о твердые края дубовых стульев. Будет говорить, будет перемалывать языком сечку серых будней. Чем это с е г о д н я ребенка хуже, менее ценно, чем з а в т р а? Если речь идет о труде, сегодня — труднее.

А когда, наконец, это завтра настало, мы ждем новое завтра. Ибо в принципе наш взгляд на ребенка — что его как бы еще нет, он только еще будет, еще не знает, а только еще будет знать, еще не может, а только еще когда-то сможет — заставляет нас беспрерывно ждать.

Половина человечества как бы не существует. Жизнь ее — шутка, стремление — наивны, чувства — мимолетны, взгляды — смешны. Да, дети отличаются от взрослых: в жизни ребенка чего-то недостает, а чего-то больше, чем в жизни взрослого, но эта их отличающаяся от нашей жизни — действительность, а не фантазия. А что сделано нами, чтобы познать ребенка и создать условия, в которых он мог бы существовать и зреть?

Страх за жизнь ребенка соединен с боязнью увечья; боязнь увечья сцеплена с чистотой, залогом здоровья;

тут полоса запретов перекидывается на новое колесо: чистота и сохранность платья, чулок, галстука, перчаток, башмаков. Дыра уже не во лбу, а на коленках брюк. Не здоровье и благо ребенка, а тщеславие наше и карман. Новый ряд приказов и запретов вызван нашим собственным удобством.

«Не бегай, попадешь под лошадь. Не бегай, вспотеешь. Не бегай, забрызгаешься. Не бегай, у меня голова болит».

(А ведь в принципе мы даем детям бегать: единственное, чем даем им жить.)

И вся эта чудовищная машина работает долгие годы, круша волю, подавляя энергию, пуская силы ребенка на ветер.

Ради завтра пренебрегают тем, что радует, печалит, удивляет, сердит, занимает ребенка сегодня. Ради завтра, которое ребенок не понимает и не испытывает потребности понять, расхищаются годы и годы жизни.

«Мал еще, помолчи немножко. — Время терпит. Погоди, вот вырастешь... — Ого, уже длинные штанишки! — Хо-хо! да ты при часах. — Покажись-ка: у тебя уже усы растут!»

А ребенок думает:

«Я н и ч т о. Чем-то могут быть только взрослые. А вот я уже н и ч т о чуть постарше. А сколько мне еще лет ждать? Но погодите, дайте мне только вырасти...»

И он ждет — прозябает, ждет — задыхается, ждет — притаился, ждет — глотает слюнки. Волшебное детство? Нет, просто скучное, а если и бывают в нем хорошие минуты, так отвоеванные, а чаще краденные.

Ни слова о всеобщем обучении, сельских школах, городах-парках, харцерстве. Так все это было безнадежно далеко и потому несущественно. Книга, ее содержание зависят от того, какими категориями переживаний и опыта оперирует автор, каково было поле его деятельности и творческая лаборатория, — какова была почва, вскормившая его мысль. Вот почему мы встречаем наивные суждения у авторитетов, и тем более иностранных.

41. Стало быть, все позволять? Ни за что: из скучающего раба мы сделаем изнывающего со скуки тирана.

А запрещ
направлен
изобретат
ра, будим
правда, од
ляя же де
зам, не по
волю, здес
Это не
лю, дам во
дать, купить
не делал, я
«Вот съе
ходи гулять
Детское
должны стол
этих первых
успех целого
работы.
Мать не хо
лениво, трусл
том. Не хочет
бенка, ни устр
го, неисполни
проверенного
трагичного сто
ной области де
рящую свечку
требует нож —
мне жалко, хоч
тать. Мы должн
Младенец т
чонку, не помог
глаз соблазн. Ес
пол погремушку
а затем сердито
Обманщица-мать
Кто не проду
и приказов, когда
всех, когда их бу
42. Деревенск

А запрещая, закаляем как-никак волю, хотя бы лишь в направлении обуздания, ограничения себя, развиваем изобретательность, умение ускользнуть из-под надзора, будим критицизм. И это чего-то да стоит, как — правда, односторонняя — подготовка к жизни. Позволяя же детям «все», бойтесь, как бы, потакая капризам, не подавить сильных желаний. Там мы ослабляли волю, здесь отравляем.

Это не «делай, что хочешь», а «я тебе сделаю, куплю, дам все, что хочешь, ты только скажи, что тебе дать, купить, сделать. Я плачу́ за то, чтобы ты сам ничего не делал, я плачу за то, чтобы ты был послушный».

«Вот съешь котлетку, мама купит тебе книжечку. Не ходи гулять — на тебе за это шоколадку».

Детское «дай», даже просто протянутая молча рука должны столкнуться когда-нибудь с нашим «нет», а от этих первых «не дам, нельзя, не разрешаю» зависит успех целого и огромнейшего раздела воспитательной работы.

Мать не хочет видеть этой проблемы, предпочитает лениво, трусливо отсрочить, отложить на после, на потом. Не хочет знать, что ей не удастся, воспитывая ребенка, ни устранить трагичную коллизию неправильного, неисполнимого, не проверенного на деле хотения и проверенного на деле запрета, ни избежать еще более трагичного столкновения двух желаний, двух прав в одной области деятельности. Ребенок хочет взять в рот горящую свечку — я не могу ему этого позволить; он требует нож — я боюсь дать, он тянется к вазе, которую мне жалко, хочет играть со мной в мяч — а я хочу читать. Мы должны разграничивать его и мои права.

Младенец тянется за стаканом — мать целует ручонку, не помогло — дает погремушку, велит убрать с глаз соблазн. Если младенец вырывает руку, бросает на пол погремушку, ищет взглядом спрятанный предмет, а затем сердито смотрит на мать, спрашиваю, кто прав? Обманщица-мать или младенец, который ее презирает?

Кто не продумает основательно вопроса запретов и приказов, когда их мало, тот растеряется и не охватит всех, когда их будет много.

42. Деревенский мальчишка Ендрек. Он уже ходит.

Держась за дверной косяк, осторожно переваливается через порог в сени. Из сеней по двум каменным ступенькам сползает на четвереньках. У избы встретил кошку, оглядели друг друга и разошлись. Споткнулся о ком сухой грязи, остановился, глядит. Нашел палочку, сел, ковыряет в песке. Валяются очистки от картофеля, берет в рот, песок во рту, морщится, плюет, бросает. Опять встал на ноги, бежит прямо на собаку; дрянная собака его опрокидывает. Сморщился, вот-вот заревет, да нет, вспомнил что-то и тащит метлу. Мать по воду пошла; ухватился за подол и бежит уже увереннее. Кучка ребят постарше, с тележкой — он глядит; прогнали его — встал в сторону, глядит. Дерутся два петуха — глядит. Посадили Ендрека на тележку, везут, вывалили. Мать позвала. И это лишь одна, первая половина шестнадцатичасового дня.

Никто не говорит ему, что мал; сам чувствует, когда не под силу. Никто не говорит ему, что кошка царапается, что он не умеет сходить по ступенькам. Никто не учит, как относиться к большим ребятам. «По мере того как Ендрек подрастал, прогулки уводили его все дальше от хаты» (Виткевич).

Часто путает, ошибается; в результате — шишка, в результате — большая шишка, в результате — шрам.

Да нет, я вовсе не хочу заменить чрезмерную заботу отсутствием всякой заботы. Я лишь показываю, что деревенский годовалый ребенок уже живет, тогда как наш зрелый юноша еще только будет когда-то жить. Боже мой, да когда же?

43. Бронек хочет открыть дверь. Двигает стул. Останавливается и отдыхает, помощи не просит. Стул тяжелый, Бронек устал. Работа идет медленно, но становится легче. Стул уже от двери близко; Бронеку кажется, что дотянется, вскарабкивается, встал на ноги. Я придерживаю слегка за платьице. Пошатнулся, испугался, слез. Придвигает к самой двери, но ручка осталась в стороне. Вторая неудачная попытка. Ни тени нетерпения. Опять трудится, лишь дольше передышки. Взбирается в третий раз; нога — вверх, рывок рукой, упор на согнутое колено, повис, ищет равновесия, новое усилие, рука цепляется за край стула, лег на живот, пауза.

бросок тел
из платья —
великанов!
что-нибудь
ме. Чтобы
жение всей
наконец две

Дверь от
бокий вздох
после каждо
внимания. Ко
тоже вздыха

Такой глуб
этого дыхани
достаточное;
следит, силит
да, до отравле
ги в дыхател
который восст

Если вы ум
силу, вы долж
преодоленной
тайны, радость
овладения и об

— Где мам

Нашел! Поч

— Убегай, м
догнать!

Ох и счастли

Почему хоче
Обычная сценка
от няньки, видит
и, забыв об опас
свободы — и или
или, пойманный,
жит.

Скажете: изб
сторона, я ищу п

Спрашиваю, по
держать стакан,
почему, когда уже

бросок тела вперед, встал на колени, выпутывает ноги из платья — стоит. Бедные вы мои лилипутики в стране великанов! Голова у вас вечно задрана вверх, чтобы что-нибудь да увидеть. Окно где-то высоко, как в тюрьме. Чтобы сесть на стул, надо быть акробатом. Напряжение всей мускулатуры и всех сил ума, чтобы достать наконец дверную ручку...

Дверь открыта, Бронек глубоко вздохнул. Этот глубокий вздох облегчения мы видим уже у младенцев после каждого усилия воли, длительного напряжения внимания. Когда кончаешь интересную сказку, ребенок тоже вздыхает. Я хочу, чтобы это поняли.

Такой глубокий отдельный вздох доказывает, что до этого дыхание было замедленное, поверхностное, недостаточное; затаив дыхание, ребенок смотрит, ждет, следит, силится вплоть до полного исчерпания кислорода, до отравления тканей. Организм шлет сигнал тревоги в дыхательный центр, наступает глубокий вздох, который восстанавливает кислородный обмен.

Если вы умеете определять радость ребенка и ее силу, вы должны знать, что самая высокая радость — преодоленной трудности, достигнутой цели, раскрытой тайны, радость триумфа и счастье самостоятельности, овладения и обладания.

— Где мама? Нет мамы. Ищи.

Нашел! Почему так смеется?

— Убегай, мама сейчас тебя поймает! Ой, не может догнать!

Ох и счастлив же!

Почему хочет ползать, ходить, вырывает из рук? Обычная сценка: семеня ножонками, ребенок отходит от няньки, видит — нянька гонится, он давай убегать, и, забыв об опасности, летит, очертя голову, в экстазе свободы — и или растягивается во весь рост на земле, или, пойманный, вырывается, пинается ногами и визжит.

Скажете: избыток энергии? Это физиологическая сторона, я ищу психофизиологическую.

Спрашиваю, почему ребенок хочет, когда пьет, сам держать стакан, чтобы мать даже не притрагивалась; почему, когда уже и не хочется есть, ест, если позволи-

ли самому черпать ложкой? Почему с такой самозабвенной радостью гасит спичку, волочит комнатные туфли отца, несет скамеечку бабушке? Подражание? Нет, нечто значительно большее и ценнейшее.

— Я сам! — восклицает ребенок тысячи раз жестом, взглядом, смехом, мольбой, гневом, слезами.

44. — А ты умеешь сам открывать дверь? — спросил я у пациента, мать которого предупредила меня, что он боится докторов.

— Даже в уборной, — поспешно ответил он.

Я рассмеялся. Мальчуган смутился, а я еще больше. Я вырвал у него признание в тайном торжестве и осмеял.

Нетрудно догадаться, что было время, когда все двери уже стояли перед ним настежь, а дверь от уборной не поддавалась его усилиям и была целью его честолюбивых стремлений; он походил в этом на молодого хирурга, который мечтает провести трудную операцию.

Он не доверялся никому, зная, что в том, что составляет его внутренний мир, он не найдет отклика у окружающих.

Быть может, не раз его обругали или обидели недоверием:

«И чего ты там все вертишься, чего ты там ковыряешься? Оставь, испортишь. Сию же минуту марш в комнату!»

Так он украдкой, тайком трудился и наконец... открыл!

Обратили ли вы внимание, как часто, когда раздается в передней звонок, вы слышите просьбу:

— Я отворю?

Во-первых, замок у входных дверей трудный, во-вторых, чувство, что там, за дверью, стоит взрослый, который сам не может сладить и ждет, когда ты, маленький, поможешь...

Вот какие небольшие победы празднует ребенок, уже грезящий о дальних путешествиях; в мечтах он — Робинзон на безлюдном острове, а в действительности рад-радехонек, когда позволят выглянуть в окошко.

— Ты умеешь сам влезать на стул? Умеешь прыгать на одной ножке? А можешь левой рукой ловить мячик?

И ребенок забывает, что не знает меня, что я стану осматривать ему горло и пропишу лекарство. Я затрагиваю то, что в нем берет верх над чувством смущения, страха, неприязни, и он радостно восклицает:

— Умею!

Видали ли вы, как младенец долго, терпеливо, с застывшим лицом, открытым ртом и сосредоточенным взглядом снимает и натягивает чулочек или башмачок? Это не игра, не подражание, не бессмысленное битье баклуш, а труд.

Какую пищу дадите вы его воле, когда ему исполнится три года, пять лет, десять?

45. Я!

Когда новорожденный сам себя царапает; когда младенец, сидя, тащит в рот ногу, валится назад и сердито ищет вокруг виновника; когда, дернув себя за волосы, морщится от боли, но возобновляет опыт; когда ударяет себя ложкой по голове и смотрит вверх — что там такое, чего он не видит, но чувствует? — он не знает себя.

Когда изучает движения рук; когда, сося кулачок, внимательно рассматривает его; когда во время кормления бросает сосать и сравнивает ногу с грудью матери; когда, семеня ножонками, останавливается и глядит вниз, выискивая то, что поддерживает его совсем иначе, чем материнские руки; когда сравнивает правую ногу, в чулке, с левой, без чулка, он стремится познать и знать.

Когда, купаясь, исследует воду, отыскивая во многих неосознающих себя каплях — себя, каплю сознающую, он предугадывает великую истину, которую заключает короткое слово «я».

Лишь художник-футурист может изобразить нам младенца таким, каким он себя видит: пальцы, кулачок, менее четко ноги, быть может, животик, быть может, даже и голова, но только пунктирной линией, как на карте Заполярья.

Работа еще не кончена: оборачиваясь, он наклоняет голову, чтобы увидеть, что таится у него сзади, изучает себя в зеркале и присматривается к фотогра-

фии, находя то углубление пупка, то возвышение родинки; а тут уже ждет его новая работа: надо отыскать себя среди окружающих. Мать, отец, какой-то дядя, какая-то тетя, одни часто появляются, другие редко — полным-полно таинственных личностей, чье происхождение неясно, а поступки загадочны.

Едва ребенок установил, что мама у него для того, чтобы выполнять его желания или идти им наперекор, папа приносит деньги, а тети — шоколадки, как у себя в мыслях, где-то в себе он открывает новый, еще более удивительный невидимый мир.

А дальше надо отыскать себя в обществе, себя в человечестве, себя во Вселенной.

Вот, волосы седые, а работа не кончена.

46. Мое.

Где таится эта простейшая мысль — чувство? Быть может, сливается с понятием «я»? Быть может, когда младенец протестует против завертывания рук, он борется за них как за «мое», а не за «я»? А забирая у него ложку, которой он стучит по столу, ты лишаешь его не собственности, а способности давать выход энергии, высказываться на особый лад, звуком?

Рука эта — не совсем рука, а скорее, послушный дух Алладина — держит бисквит, приобретая новую ценную собственность, и ребенок защищает ее.

Каким образом понятие собственности вяжется у него с понятием повышенной мощи? Лук для дикаря был не только собственностью, но и усовершенствованной рукой, поражавшей на расстоянии.

Ребенок не хочет отдать газету, которую рвет, ибо он исследует, тренируется, ибо это материал, как рука — инструмент, который звука не издает и в еду не годится, но в соединении с погремушкой — говорит, а в соединении с булочкой придает сосанию добавочное приятное ощущение.

И лишь потом приходит подражание, соперничество, желание выдвинуться. Ибо собственность вызывает уважение, повышает цену, дает власть. Без мяча он остался бы незамеченным, а с мячом может занять в игре видное положение независимо от заслуг, с игрушечной саблей становится офицером, с вожжами —

кучером, а рядовой, лошадка, — тот, кто ничем не владеет.

«Дай мне, позволь, уступи» — просьба, которая щекочет самолюбие.

«Захочу — дам, а не захочу — не дам», в зависимости от каприза, потому что это «мое».

47. Хочу иметь — имею, хочу знать — знаю, хочу мочь — могу — вот три разветвления общего ствола воли, корни которой два чувства: удовлетворения и неудовлетворения.

Младенец старается понять себя и окружающий его мир, живой и мертвый, — с этим связано его благополучие. Спрашивая словами или взглядом: «Что это?» — он требует не название, а оценку.

— Что это?

— Фи, брось, это «бяка», это нельзя брать в руки.

— Что это?

— Цветочек, — улыбка, и ласковое выражение лица — разрешение.

Бывает, спрашивая о предмете нейтральном и получая название без эмоциональной мимической оценки, ребенок не знает, что делать с ответом, и, удивленно и как бы разочарованно глядя на мать, повторяет, растягивая, название. Чтобы понять, что, кроме желаемого и нежелаемого, есть еще мир нейтральный, ему надо иметь опыт.

— Что это?

— Вата.

— Ва-а-ата? — и ребенок всматривается в лицо матери, ожидая указания, что об этом думать.

Путешествуй я в обществе туземца по субтропическому лесу и спроси я при виде растения с неизвестным мне плодом: «Что это?» — туземец, не зная языка, но угадывая мой вопрос, отвечал бы окриком, гримасой или улыбкой, что это яд, вкусная пища или бесполезный предмет, который не стоит класть в рюкзак.

Детские «что это?» означают: какой? для чего служит? какая от него может быть польза?

48. Обычная, но интересная картинка:

Сошлись, семеня еще не твердыми ножонками, два

малыша; у одного мяч или пряник, а другой хочет это отнять.

Матери неприятно, когда ее ребенок вырывает что-нибудь у другого ребенка, не хочет отдать, поделиться, «дать поиграть». То, что ребенок выходит из общепринятой нормы, условных приличий, компрометирует ее.

В сцене, о которой идет речь, ход событий может быть троякий:

Один ребенок вырывает, другой удивленно смотрит, потом переводит глаза на мать, ожидая оценки непонятной ситуации.

Или: один старается вырвать, но коса нашла на камень — подвергшийся нападению прячет предмет общих вожделений за спину, отталкивает нападающего, опрокидывает его. Матери спешат на помощь.

Или: смотрят друг на дружку, боязливо сходятся, один неуверенно тянется, другой также неуверенно защищается. И только после долгой подготовки вступают в конфликт.

Здесь играет роль возраст обоих и жизненный опыт. Ребенок, у которого есть старшая сестра или старший брат, уже многократно выступал в защиту своих прав или собственности, а подчас атаковал и сам. Но откинем все случайное, и мы увидим две отличные индивидуальности, два характерных типа: деятельный и бездеятельный, активный и пассивный.

«Он добрый: все отдаст».

Или:

«Глупышка: все у себя даст забрать».

Это не доброта и не глупость.

49. Кротость, слабый жизненный порыв, низкий взлет воли, боязнь действия. Ребенок избегает резких движений, живых экспериментов, трудных начинаний.

Меньше действуя, меньше и добывает фактических истин, потому вынужден больше верить и дольше подчиняться.

Менее ценный интеллект? Нет, просто иной. У ребенка пассивного меньше синяков и досадных ошибок, и ему не хватает горького опыта; хотя приобретенный он, может быть, помнит лучше. У активного боль-

ше шишек и разочарований, и, быть может, он скорее их забывает. Первый переживает медленнее, меньше, но, может быть, глубже.

Пассивный удобнее. Оставленный один, не выпадет из коляски, не поднимет по пустякам весь дом на ноги, поплачет и легко успокоится, не требует слишком настойчиво, меньше ломает, рвет, портит.

— Дай, — не протестует. — Надень, возьми, сними, съешь, — подчиняется.

Две сценки:

Ребенок не голоден, но на блюдечке осталась ложка каши — значит, должен доесть, количество назначено врачом. Нехотя открывает рот, долго и лениво жует, медленно и с усилием глотает. Другой, тоже не голодный, стискивает зубы, энергично мотает головой, отталкивает, выплевывает, защищается.

А воспитание?

Судить о данном ребенке по двум диаметрально противоположным типам детей — это говорить о воде на основании свойств кипятка и льда. Шкала — сто градусов, где же мы поместим свое дитя? Но мать может знать, что врожденное, а что с трудом выработанное, и обязана помнить, что все, что достигнуто дрессировкой, нажимом, насилием, непрочно, неверно и ненадежно. И если податливый, «хороший» ребенок делается вдруг непослушным и строптивым, не надо сердиться на то, что ребенок есть то, что он есть.

50. Крестьянин, чей взор устремлен на небо и землю — сам плод и продукт земли, — знает предел человеческой власти. Быстрая, ленивая, пугливая, норовистая лошадь, ноская курица, молочная корова, урожайная и неурожайная почва, дождливое лето, зима без снега — всюду встречает он что-то, что можно слегка изменить или изрядно подправить надзором, тяжким трудом, кнутом. А бывает, что и никак не сладишь.

У мещанина слишком высокое понятие о человеческой мощи. Картофель не уродился, но достать можно, надо только заплатить подороже. Зима — надевает шубу, дождь — калоши, засуха — поливают улицы, чтобы не было пыли. Все можно купить, всяко-

му горю помочь. Ребенок бледен — врач, плохо учится — репетитор. А книжка, поясняя, что надо делать, создает иллюзию, что можно всего добиться.

Ну как тут поверить, что ребенок должен быть тем, что он есть, что, как говорят французы, экзематика можно выбелить, но не вылечить?

Я хочу раскормить худого ребенка? Я делаю это постепенно, осторожно и — удалось: килограмм веса завоеван. Но достаточно небольшого недомогания, насморка, не вовремя данной груши, и пациент теряет эти с трудом добытые два фунта.

Летние колонии для детей бедняков. Солнце, лес, река; ребята впитывают веселье, доброту, приличные манеры. Вчера — маленький дикарь, сегодня он — симпатичный участник игр. Забит, пуглив, туп — через неделю смел, жив, полон инициативы и песен. Здесь перемена с часу на час, там с недели на неделю; кое-где никакой. Это не чудо и не отсутствие чуда; есть только то, что было и ждало, а чего не было, того и нет.

Учу недоразвитого ребенка: два пальца, две пуговки, две спички, две монеты — «два». Он уже считает до пяти. Но измени порядок слов, интонацию, жест — и опять не знает, не умеет.

Ребенок с пороком сердца: смирный, медлительные движения, речь, даже смех. Задыхается, каждое движение поживее для него — кашель, страдание, боль. Он должен быть таким.

Материнство облагораживает женщину, когда она отказывается, отрекается, жертвует; и деморализует, когда, прикрываясь мнимым благом ребенка, отдает его на растерзание своему тщеславию, вкусам и страстям.

Мой ребенок — это моя собственность, мой раб, моя комнатная собачка. Я щекочу его за ухом, глажу по спинке, нацепив бант, веду на прогулку, дрессирую, чтобы был смышлен и вежлив, а надоест мне: «Иди поиграй. Иди позанимайся. Спать пора!»

Говорят, лечение истерии заключается в этом: «Вы утверждаете, что вы петух? Ну и оставайтесь им, только не пойте».

— Ты вст
дерись, толь
раз в день.
Если хоти
педагогическ
51. Видиш
во все горло,
нибудь знаме
которые при
стояние. Да-д
прах одумается
ученым. Кто б
Видишь др
взглядом за и
жет, подойдет
сел. И он ста
открытия. Чуде
Нет, ни мал
ными. Один ста
почтовым служ
Это преходя
невыдающееся
ным. Мы более
ника на площа
своего имени —
мена. Если не ч
упоминание в
тие... Оставил с
венных кругах».
Улицы, больн
святых патронов
нархов, это было
ных и артистов,
воздвигаются пам
ям — тем, у кого
Ребенок — н
должен пасть в
магистратуры или
есть своя искра,
счастья и истины
лении, быть мож

— Ты всплывчив, — говорю я мальчику. — Ладно, дерись, только не слишком больно, злись, но только раз в день.

Если хотите, в этой одной фразе я изложил весь педагогический метод, которым я пользуюсь.

51. Видишь этого мальчишку, как он носится, крича во все горло, и барахтается в песке? Он будет когда-нибудь знаменитым химиком и сделает открытия, которые принесут ему уважение, высокий пост, состояние. Да-да, вдруг между гулянкой и балом вертопрах одумается, запрется в своей лаборатории и выйдет ученым. Кто бы мог ожидать?

Видишь другого, как равнодушно следит сонным взглядом за игрой сверстников? Зевнул, встал — может, подойдет к разыгравшейся ребятне? Нет, опять сел. И он станет знаменитым химиком, и сделает открытия. Чудеса: кто бы мог предполагать?

Нет, ни маленький сорванец, ни соня не будут учеными. Один станет учителем физкультуры, а другой — почтовым служащим.

Это преходящая мода, ошибка, неразумие, что все невыдающееся кажется нам неудавшимся, малоценным. Мы болеем бессмертием. Кто не дорос до памятника на площади, хочет иметь хотя бы переулок своего имени — дарственную запись на вечные времена. Если не четыре столбца посмертно, то хотя бы упоминание в тексте: «Принимал деятельное участие... Оставил сожаление о себе в широких общественных кругах».

Улицы, больницы, приюты носили когда-то имена святых патронов, и это имело смысл; позже — монархов, это было знамением времени; нынче — ученых и артистов, и в этом нет никакого смысла. Уже воздвигаются памятники идеям и безымянным героям — тем, у кого нет памятника.

Ребенок — не лотерейный билет, на который должен пасть выигрыш в виде портрета в зале магистратуры или бюста в фойе театра. В каждом есть своя искра, которая может зажигать костры счастья и истины и в каком-нибудь десятом поколении, быть может, заполыхает пожаром гения и

спалит род свой, одарив человечество светом нового солнца.

Ребенок — не почва, вспаханная наследственностью под посев жизни; мы можем лишь содействовать росту того, что дает буйные побеги еще до первого его вздоха.

Известность нужна новым сортам табака и новым маркам вина, но не людям.

52. Стало быть, фатум наследственности, абсолютная предопределенность, банкротство медицины, педагогики? Фраза мечет молнии.

Я назвал ребенка сплошь исписанным пергаментом, уже засеянной землей? Отбросим сравнения, они вводят в заблуждение.

Существуют случаи, когда при современном уровне знаний мы бываем бессильны. Сегодня их меньше, чем вчера, но они существуют.

Существуют случаи, когда в современных условиях жизни мы бываем беспомощны. Этих несколько меньше.

Вот ребенок, которому самое горячее желание добра и самые упорные старания дадут мало.

А вот другой, которому дали бы много, да мешают условия. Одному деревня, горы, море дадут немного, другому и помогли бы, да мы не можем их ему предоставить.

Когда мы встречаем ребенка, гибнущего из-за недостатка ухода, воздуха и одежды, мы не виним родителей. Когда мы видим ребенка, которого калечат излишней заботой, перекармливают, перегревают, оберегая от мнимых опасностей, мы склонны винить мать, нам кажется, что беде легко помочь, было бы желание понять. Нет, нужно очень большое мужество, чтобы действием, а не бесплодной критикой оказать сопротивление нормам поведения, выработанным данным классом или прослойкой. Если там мать не может умыть ребенка и вытереть ему нос, здесь не может позволить ходить чумазым и в худых башмаках. Если там со слезами забирает из школы и отдает в учение к мастеру, здесь с равно мучительным чувством должна посылать в школу.

— Пропадет мой парнишка без школы, — говорит одна, отнимая книжку.

— Испортят мне моего ребенка в школе, — говорит другая, покупая новые полпуда учебников.

53. Для широких кругов общества наследственность является фактом, который заслоняет собой все встречающиеся исключения, для науки — это проблема, находящаяся в стадии изучения. Существует обширная литература, стремящаяся решить один лишь вопрос: рождается ли ребенок туберкулезных родителей уже больным, только с предрасположением или заражается после рождения? Принимали ли вы во внимание, когда думали о наследственности, следующие простые факты: что, кроме передачи по наследству болезней, существует передача по наследству крепкого здоровья, что братья и сестры не являются братьями и сестрами по полученным ими плюсам или минусам, запасам здоровья и его изъянам? Не принимали? А должны были и обязаны были принимать. Первого ребенка рожают здоровые родители; второй будет уже ребенком сифилитиков, если родители заболели этой болезнью; третий — ребенком сифилитиков — туберкулезников, если родители заразились еще и туберкулезом. В этом отношении эти трое детей — чужие друг другу люди: не отягощенный тяжелой наследственностью, и наоборот, больной отец вылечился, и из двоих детей этого отца первый ребенок — больного родителя, второй — здорового.

Потому ли ребенок нервный, что рожден нервными родителями, или потому, что воспитан ими? Где граница между невропатичностью и утонченностью психической конституции — наследственной одухотворенностью?

Рождает ли отец-гуляка расточителя-сына или заражает своим примером?

«Скажи мне, кто тебя породил, и я скажу, кто ты» — но не всегда.

«Скажи мне, кто тебя воспитал, и я скажу, кто ты» — и это не так.

Отчего у здоровых родителей бывает слабое потомство? Отчего в порядочной семье вырастает подлец?

Отчего в заурядной семье появляется знаменитый потомок?

Кроме законов наследственности, надо параллельно изучать воспитывающую среду, тогда, может быть, не одна загадка найдет свое разрешение.

Воспитывающей средой я называю тот дух, который царит в семье: отдельные члены семьи не могут занимать по отношению к нему произвольной позиции. Этот руководящий дух подчиняет и не терпит сопротивления.

* * *

Дух, который царит в семье? Согласен. Но где дух эпохи? Останавливался у границ попранной свободы; мы трусливо прятали от него ребенка. «Легенда молодой Польши» Бжозовского не уберегла меня от узкого взгляда на жизнь.

* * *

59. Что представляет собой ребенок? Что представляет хотя бы только физически? Развивающийся организм. Правильно. Но увеличение в весе и в росте — лишь одно из многих проявлений этого развития. Науке уже известно несколько частных моментов роста: он неравномерен, темп его то более интенсивный, то вялый. Кроме того, мы знаем, что ребенок не только растет, но и меняет пропорции.

Широкие массы родителей не знают и этого. Сколько раз, бывало, мать вызывает врача, жалуясь, что ребенок побледнел, похудел, тельце сделалось вялое, личико и головка уменьшились. Она не знает, что младенец, вступая в период первого детства, утрачивает жировые складки, что с развитием грудной клетки голова скрадывается расширяющимися плечами, что как части тела, так и внутренние органы развиваются по-разному, что мозг, сердце, желудок, голова, глаза, кости конечностей растут каждый по-своему, что, не будь этого, взрослый человек был бы чудовищем с огромной головой на коротком толстом туловище и не мог бы двигаться на двух жировых валиках ног, что росту сопутствует изменение пропорций.

Мы имеем несколько десятков тысяч примеров, несколько не совсем совпадающих графиков обычного процесса роста и не знаем ничего о значении встречающихся у детей ускорений, запозданий и отклонений в развитии. Зная с пятого на десятое анатомию роста, мы не знаем его физиологию, потому что добросовестно изучали больного ребенка и лишь недавно начали приглядываться и то издали, к здоровому. Вот уже сто лет, как нашей клиникой является больница и не начала еще быть ею школа.

60. Ребенок переменился. С ним что-то случилось. Мать не всегда умеет сказать, в чем перемена, зато у нее всегда готов ответ на вопрос, чему следует ее приписать.

— Ребенок переменился после прорезывания зубов, после прививки от кори, после отнятия от груди, после того, как выпал из кроватки.

Уже ходил и вдруг перестал ходить, просился на горшок и опять мочится; «ничего» не ест, спит неспокойно, мало или чересчур много, стал капризен, слишком подвижен или слишком вял, похудел.

Другой этап:

После поступления в школу, после возвращения из деревни, после кори, после прописанных ванн, после испуга из-за пожара. Изменился сон, аппетит, изменился характер: раньше ребенок был послушный, теперь озорник, раньше прилежный, теперь рассеянный и ленивый. Бледненький, сутулится, какие-то некрасивые выходки. Может, невоспитанные товарищи, может, учеба, может, болен?

Двухлетнее пребывание в Доме Сирот и скорее рассматривание ребенка, чем исследование, позволили установить: все, что известно как неуравновешенность периода созревания, переживается ребенком на протяжении ряда лет в виде небольших и неярких переломов, равно критических, лишь менее бросающихся в глаза и потому незамеченных наукой.

Стремясь к единству во взгляде на ребенка, некоторые рассматривают его как организм быстро утомляющийся. Отсюда большая потребность в сне, слабая сопротивляемость болезням, уязвимость органов, ма-

лая психическая выносливость. Взгляд правилен, да не для всех этапов развития. Ребенок бывает попеременно то сильным, бодрым и жизнерадостным, то слабым, усталым и угрюмым. Если он заболевает в критический период, мы склонны думать, что организм его уже был подточен болезнью; я же считаю, что болезнь развилась на почве мимолетного ослабления, что или она притаилась и ждала наиболее благоприятных условий для нападения, или, случайно занесенная извне, расхозяйничалась, не встретив сопротивления. Если мы перестанем в будущем разбивать цикл жизни на искусственные: младенец, ребенок, юноша, зрелый человек и старик, то основанием для периодизации явятся уже не рост и внешнее развитие, а еще неизвестное нам глубокое преобразование всего организма в целом, которое Шарко проследил в лекции об эволюции артрита на двух поколениях от колыбели и до могилы.

* * *

62. Ребенок не хочет есть.

Простенькая задачка по арифметике:

Ребенок родился 8 фунтов с лишним, через год он утроил свой вес и весит уже 25 фунтов. Продолжай он расти в том же темпе, к концу второго года он весил бы: 25 ф×3=75 ф.

К концу третьего года: 75 ф×3=225 ф.

К концу четвертого года: 225 ф×3=675 ф.

К концу пятого года: 675 ф×3=2025 ф.

Чтобы прокормить это пятилетнее чудовище, весящее 2000 фунтов и потребляющее ежедневно количество пищи, равное $^1/_6$—$^1/_7$ своего веса, как это имеет место у младенцев, требовалось бы ежедневно 300 фунтов продуктов питания.

В зависимости от механики роста ребенок ест мало, очень мало, много, очень много. Кривая веса поднимается медленно или внезапно, и то и не меняется месяцами. Она неумолимо последовательна: недомогая, ребенок в течение нескольких дней теряет в весе, зато в последующие настолько же и прибавляет, повинуясь внутреннему голосу, говорящему: «столько,

и не больше». Ко
мый по бедности
диету, он за недел
своего веса. Если к
через некоторое вр
или убыл:

«На прошлой не
но, нынче прибавл
ше, я не ужинал. —
сибо...»

Ребенок хочет у
чать мать, выполнен
неисчислимую поль
ку и не выпьет мо
Если же заставлять,
ные промежутки в
соответствующей д
увеличение в весе.

Принцип: ребене
хочет, не больше и
питании больного р
лишь при его учас
его контролем.

63. Заставлять де
спать, — преступлен
да и сколько часов
делить необходимое
ство часов сна легко
лить, сколько он про
выспавшимся. Я гово
рым». Бывают период
ше сна, и такие, когд
спать, а просто полеж

П е р и о д у т о м
жится — не хочется
мается — не хочется в
что не хочет спать, а
в постели, картинки,
погасят свет и запрет
вид, что спит, а то в
ваться холодной водо

и не больше». Когда здоровый, но недокармливаемый по бедности ребенок переходит на нормальную диету, он за неделю восполняет недостачу и достигает своего веса. Если каждую неделю взвешивать ребенка, через некоторое время он уж угадывает, прибыл в весе или убыл:

«На прошлой неделе я убыл на триста граммов, видно, нынче прибавлю на пятьсот. Сегодня я вешу меньше, я не ужинал. — Опять я на пятьсот прибавил, спасибо...»

Ребенок хочет угодить родителям, неприятно огорчать мать, выполнение родительской воли приносит ему неисчислимую пользу. А значит, если не съест котлетку и не выпьет молоко, это оттого, что не может. Если же заставлять, повторяющееся через определенные промежутки времени расстройство желудка с соответствующей диетой отрегулирует нормальное увеличение в весе.

Принцип: ребенок должен есть столько, сколько хочет, не больше и не меньше. Даже при усиленном питании больного ребенка меню можно составлять лишь при его участии и вести лечение лишь под его контролем.

63. Заставлять детей спать, когда им не хочется спать, — преступление. Таблица, устанавливающая, когда и сколько часов спать ребенку, — абсурд. Определить необходимое для данного ребенка количество часов сна легко, если есть часы: надо определить, сколько он проспит не просыпаясь и проснется выспавшимся. Я говорю: «выспавшимся», а не «бодрым». Бывают периоды, когда ребенку требуется больше сна, и такие, когда ребенок, хотя и устал, хочет не спать, а просто полежать в постели.

Период утомления: вечером неохотно ложится — не хочется спать; утром неохотно поднимается — не хочется вставать. Вечером делает вид, что не хочет спать, а то не позволят вырезать, лежа в постели, картинки, играть в кубики или в куклы, погасят свет и запретят разговаривать. Утром делает вид, что спит, а то велят сейчас же вставать и умываться холодной водой. С какой радостью привет-

ствует он кашель или жар, которые позволяют оставаться в постели!

Период безмятежного равновесия: быстро заснет, но проснется ни свет ни заря, полон энергии, потребности движения, озорной инициативы. Его не остановят ни пасмурное небо, ни холод в комнате: босой, в одной рубашке, разогреется, прыгая по столу и стульям. Что делать? Класть поздно спать, даже, о ужас, в одиннадцать часов. Позволить играть в постели. Спрашивается, почему разговоры перед сном должны «перебивать сон», а нервничанье, что поневоле приходится быть непослушным, не «перебивает сон»?

Принцип — неважно, правильный ли — рано ложиться, рано вставать — родители ради собственной выгоды сознательно исказили; получилось: чем больше сна, тем полезнее для здоровья. К ленивой дневной скуке добавляют нервирующую скуку вечернего ожидания сна. Трудно вообразить более деспотичный, граничащий с пыткой приказ:

— Спи!

Люди, которые поздно ложатся спать, бывают больны потому, что ночью они пьянствуют и распутничают, а должны ходить на работу рано, и они недосыпают.

Неврастеник, который как-то встал на рассвете и чувствовал себя прекрасно, поддался внушению.

Что ребенок, рано ложась спать, меньше находится при искусственном освещении — не такой уже большой плюс в городе, где нельзя с зарей выбежать на лужайку, и он валяется при опущенных шторах в постели уже обленившийся, уже мрачный, уже капризный — дурное предзнаменование для начинающего дня...

Я не могу здесь в нескольких десятках строк развить тему (это относится ко всем затронутым в книге проблемам). Моя задача — пробуждать бдительность.

64. Что представляет собой ребенок, как отличная от нашей душевная организация? Каковы его особенности, потребности, каковы скрытые, не замеченные еще возможности? Что представляет собой эта полови-

на человечеств
нами в трагичн
бремя завтраш
сегодняшнего.
Если подели
а жизнь — на д
в мире и в жизни
ные в свою борь
как не замечали
баленные классы
дети нам как м
меньше догадыв
представляем и
В одном из п
перил у лестниц
малышей. Этим д
партой и исчерпы
ло, очень мало!
для ребят со ще
бассейна в магн
Где дома и са
орудия труда и з
го дня? Еще одно
от клозета, — ар
клеенчатая лошад
промышленность;
нах — немного;
На наших глаза
человек. Веками иг
создавая тип, выра
мужчины, который
труженицу, как н
ребенка.
Ребенок еще не
Ребенок — это
актера. Иной с мат
с дедушкой, иной
гом, иной на кухне и
ми и с бедными, ин
одежде. Наивный и
кроткий и мстительн

на человечества, живущая вместе с нами, рядом с нами в трагичном раздвоении? Мы возлагаем на нее бремя завтрашнего человека, не давая прав человека сегодняшнего.

Если поделить человечество на взрослых и детей, а жизнь — на детство и зрелость, то детей и детства в мире и в жизни много, очень много. Только погруженные в свою борьбу и в свои заботы, мы их не замечаем, как не замечали раньше женщину, крестьянина, закабаленные классы и народы. Мы устроились так, чтобы дети нам как можно меньше мешали и как можно меньше догадывались, что мы на самом деле собой представляем и что мы на самом деле делаем.

В одном из парижских детдомов я видел два ряда перил у лестницы: высокие для взрослых, низкие для малышей. Этим да еще одной-единственной школьной партой и исчерпывается гений изобретательности. Мало, очень мало! Взгляните на нищенские площадки для ребят со щербатой кружкой на ржавой цепи у бассейна в магнатских парках европейских столиц.

Где дома и сады, мастерские и опытные поля — орудия труда и знания для детей, людей завтрашнего дня? Еще одно окно да тамбур, отделяющий класс от клозета, — архитектура дала лишь столько; еще клеенчатая лошадка и жестяная сабля — столько дала промышленность; яркие картинки да рукоделия на стенах — немного; сказка? — не мы ее выдумали.

На наших глазах из наложницы возникла женщина-человек. Веками играла она насильно навязанную роль, создавая тип, выработанный самовластием и эгоизмом мужчины, который не желал замечать женщину-труженицу, как не замечает и сейчас труженика-ребенка.

Ребенок еще не заговорил, он все еще слушает.

Ребенок — это сто масок, сто ролей способного актера. Иной с матерью, иной с отцом, с бабушкой, с дедушкой, иной со строгим и с ласковым педагогом, иной на кухне и среди ровесников, иной с богатыми и с бедными, иной в будничной и в праздничной одежде. Наивный и хитрый, покорный и надменный, кроткий и мстительный, благовоспитанный и шаловли-

вый, он умеет так до поры до времени затаиться, так замкнуться в себе, что вводит нас в заблуждение и использует в своих целях.

В области инстинктов ему недостает лишь одного, вернее, он есть, только пока еще рассеянный, как бы туман эротических предчувствий.

В области чувств превосходит нас силой, так как не отработано торможение.

В области интеллекта по меньшей мере равен нам, недостает лишь опыта.

Оттого так часто человек зрелый бывает ребенком, а ребенок — взрослым.

Вся же остальная разница в том, что ребенок не зарабатывает деньги и, будучи на содержании, вынужден подчиняться.

Детские дома теперь уже меньше похожи на казармы и монастыри — это почти больницы. Гигиена есть, зато нет в них улыбки и радости, неожиданности и шаловливости; они серьезны, если не суровы, только по-другому. Архитектура их еще не замечает; «детского стиля» нет. Взрослый фасад, взрослые пропорции, старческий хлад деталей. Француз говорит, что Наполеон колокол монастырского воспитания заменил барабаном — правильно; я добавлю, что над духом современного воспитания тяготеет фабричный гудок.

65. Ребенок неопытен.

Приведу пример, попытаюсь объяснить.

— Я скажу маме на ушко.

И, обнимая мать за шею, бормочет таинственно:

— Мамочка, спроси доктора, можно мне булочку (шоколадку, компот).

При этом поглядывает на доктора, кокетничая улыбкой, чтобы подкупить, вынудить позволение.

Старшие дети шепчут на ухо, младшие говорят обычным голосом...

Был момент, когда окружающие признали, что ребенок достаточно созрел для морали:

«Есть желания, которые нельзя высказывать. Эти желания бывают двоякие: одни вовсе не следует иметь, а если уж они есть, их надо стыдиться; другие

допустимы, но тол
Нехорошо при
просить вторую. А
конфетку: надо жд
Нехорошо дела
ворить: «Хочу писы
смеялись, надо ска
Порой нехорош
— Почему у эт
Дядя засмеялся
да только шепотом
Ребенок не сра
ухо — чтобы тебя с
цо, и ребенок гово
— Я хочу пись-
А если и тихо
Зачем скрывать то,
от мамы узнают?
У чужих ничего
доктора можно, да
— Почему у это
спрашивает ребенок
Опять смех. Мо
бачка не обидится.
чему у этой девочки
не обидится?
Как объяснить р
зрелой фальши?
И как потом расто
говорить на ухо?
66. Ребенок неоп
Смотрит с любоп
«Яблоко, тетя, цв
«Красиво, вкусно,
«Бяка», брось, не
«Поцелуй, поздор
«Ушиблась детус
уже не больно».
Ребенок улыбается
ловала, уже не боль
ством-поцелуем.

допустимы, но только среди своих».

Нехорошо приставать; нехорошо, съев конфетку, просить вторую. А иногда вообще нехорошо просить конфетку: надо ждать, когда сами дадут.

Нехорошо делать в штанишки, но нехорошо и говорить: «Хочу пись-пись», — будут смеяться. Чтобы не смеялись, надо сказать на ухо.

Порой нехорошо вслух спрашивать:

— Почему у этого дяди нет волос?

Дядя засмеялся, и все засмеялись. Спросить можно, да только шепотом, на ухо.

Ребенок не сразу поймет, что цель говорения на ухо — чтобы тебя слышало лишь одно доверенное лицо, и ребенок говорит на ухо, но громко:

— Я хочу пись-пись, я хочу пирожное.

А если и тихо говорит, все равно не понимает. Зачем скрывать то, о чем все присутствующие и так от мамы узнают?

У чужих ничего не надо просить, почему тогда у доктора можно, да еще вслух?

— Почему у этой собачки такие длинные уши? — спрашивает ребенок тихим-претихим шепотом.

Опять смех. Можно было и вслух спросить, собачка не обидится. Но ведь нехорошо спрашивать, почему у этой девочки некрасивое платье? Ведь и платье не обидится?

Как объяснить ребенку, сколько здесь скверной зрелой фальши?

И как потом растолковать, отчего вообще нехорошо говорить на ухо?

66. Ребенок неопытен.

Смотрит с любопытством, жадно слушает и верит.

«Яблоко, тетя, цветочек, коровка» — верит!

«Красиво, вкусно, хорошо» — верит!

«Бяка», брось, нельзя, не тронь» — верит!

«Поцелуй, поздоровайся, поблагодари» — верит!

«Ушиблась детусенька, дай мамочка поцелует; уже не больно».

Ребенок улыбается сквозь слезы, мамочка поцеловала, уже не больно. Ушибся — бежит за лекарством-поцелуем.

Верит!

— Любишь меня?

— Люблю...

— Мама спит, у мамы головка болит, маму будить нельзя.

Так он тихонько, на цыпочках подходит к маме, осторожно тянет за рукав и шепотом спрашивает. Он не разбудит, он только задаст вопрос. А потом: «Спи, спи, мамочка, у тебя головка болит».

* * *

— Коровка дает молочко.

— Коровка? — спрашивает недоверчиво. — А откуда коровка берет молочко?

И сам себе отвечает:

— Из колодца.

Ребенок верит, ведь всякий раз, когда сам хочет что-нибудь придумать, он ошибается — приходится верить.

67. Ребенок неопытен.

Уронил стакан на пол. Вышло что-то очень странное. Стакан пропал, зато появились совсем другие предметы. Ребенок наклоняется, берет в руки осколок, порезался, больно, из пальца течет кровь. Все полно тайн и неожиданностей.

Двигает перед собой стул. Вдруг что-то мелькнуло перед глазами, дернуло, застучало. Стул стал другой, а сам он сидит на полу. Опять боль и испуг. Полно на свете чудес и опасностей.

Тащит одеяло, чтобы извлечь из-под него себя. Теряя равновесие, хватается за материну юбку. Встав на цыпочки, дотягивается до края кровати. Обогащенный опытом, стаскивает со стола скатерть.

Опять катастрофа!

Ребенок ищет помощи, потому что сам не способен справиться. При самостоятельных попытках терпит поражение. Завися же от других, раздражается.

И если даже и не доверяет или не совсем доверяет — его много раз обманывают, — ему все равно приходится следовать указаниям взрослых так же, как неопытному работодателю терпеть недобросовестно-

го работника, без
как паралитику с
Подчеркиваю,
удивление незнан
та, неудачная по
мость напоминаю
индивида. Мы бе
больного, у старик
нин в городе, гор
дети. Профан зад
ветский делает де
68. Ребенок по
Лишь подражая
вает большинство б
что сжился со сред
постичь, которые
Самые грубые о
ке происходят имен
и чувства затеряны
слов и форм, кото
в них совершенно о
Будущее, любовь
все эти окаменевш
живут, растут, меня
чем-то иным в кажд
над собой большое
песка, которую реб
вершиной Альп. Кто
людьми слов, у того с
юношей и взрослым,
ним предстанет челов
от возраста, класса,
существо, мыслящее
шего опыта. Люди ра
политических лозунг
мых) — это люди с р
Ребенок не понима
лей, не догадывается
никого не уважает и
«когда вырасту», но
самой любимой»,

го работника, без которого он не может обойтись, или как паралитику сносить грубости санитара.

Подчеркиваю, всякая беспомощность, всякое удивление незнания, ошибка при использовании опыта, неудачная попытка подражать и всякая зависимость напоминают ребенка, несмотря на возраст индивида. Мы без труда находим детские черты у больного, у старика, солдата, заключенного. Крестьянин в городе, горожанин в деревне удивляются, как дети. Профан задает детские вопросы, человек несветский делает детские промахи.

68. Ребенок подражает взрослым.

Лишь подражая, ребенок учится говорить и осваивает большинство бытовых форм, создавая видимость, что сжился со средой взрослых, которых он не может постичь, которые чужды ему по духу и непонятны.

Самые грубые ошибки в наших суждениях о ребенке происходят именно потому, что истинные его мысли и чувства затеряны среди перенятых им у взрослых слов и форм, которыми он пользуется, вкладывая в них совершенно отличное, собственное содержание.

Будущее, любовь, родина, бог, уважение, долг — все эти окаменевшие в словах понятия рождаются, живут, растут, меняются, крепнут, слабеют, являясь чем-то иным в каждый период жизни. Надо сделать над собой большое усилие, чтобы не смешать кучу песка, которую ребенок зовет горой, со снежной вершиной Альп. Кто вдумается в душу употребляемых людьми слов, у того сотрется разница между ребенком, юношей и взрослым, невеждой и мыслителем; перед ним предстанет человек интеллектуальный независимо от возраста, класса, уровня образования и культуры, существо, мыслящее в пределах большего или меньшего опыта. Люди разных убеждений (я говорю не о политических лозунгах, подчас насильно внедряемых) — это люди с разным опытом.

Ребенок не понимает будущего, не любит родителей, не догадывается о родине, не постигает бога, никого не уважает и не знает обязанностей. Говорит «когда вырасту», но не верит в это, зовет мать «самой-самой любимой», но не чувствует этого; родина его —

сад или двор. Бог для него добрый дядюшка или надоеда-ворчун. Ребенок делает вид, что уважает, уступая силе, воплощенной для него в том, кто приказал и следит. Надо помнить, что приказать можно не только с помощью палки, но и просьбой, и ласковым взглядом. Подчас ребенок угадывает будущее, но это лишь моменты, своего рода ясновидение.

Ребенок подражает? А что делает путешественник, которого мандарин пригласил принять участие в местном обряде или церемонии? Смотрит и старается не отличаться, не вызывать замешательства, схватывает суть и связь эпизодов, гордясь, что справился с ролью. Что делает человек несветский, попав на обед к знатным господам? Старается приспособиться. А конторщик в имении, чиновник в городе, офицер в полку? Не подражают ли они речью, движениями, улыбкой, манерой стричься и одеваться патрону?

Есть еще одна форма подражания: когда девочка, идя по грязи, приподнимает короткое платьице, это значит, что она взрослая. Когда мальчик подражает подписи учителя, он проверяет до известной степени свою пригодность для высокого поста. Эту форму подражания мы легко найдем и у взрослых.

69. Эгоцентризм детского мировоззрения — это тоже отсутствие опыта.

От эгоцентризма личного, когда его сознание является средоточием всех вещей и явлений, ребенок переходит к эгоцентризму семейному, более или менее длительному в зависимости от условий, в которых воспитывается ребенок; мы сами укореняем его в заблуждении, преувеличивая значение семьи и дома и указывая на мнимые и действительные опасности, угрожающие ему вне досягаемости нашей помощи и заботы.

— Оставайся у меня, — говорит тетя.

Ребенок со слезами на глазах льнет к матери и ни за что не остается.

— Он ко мне так привязан.

Ребенок с удивлением и испугом смотрит на чужих мам, которые даже ему не тети.

Но настает минута, когда он начинает спокойно

сопоставлять то, ч
есть у него. Сначал
лу, сад, канарейку.
что бывают други
а может, и лучше?
— Вот если бы
Ребенок городс
приобретает соотве
печаль, которую ни
рая веселит лишь
именин — праздни
«А мой папа, а
часто встречающая
своими родителями
а подчас и трагична
чешь верить, но нач
— Погоди, вот я
— Очень я твоей
И правда, папа мо
Эгоцентричным
текущий момент —
живет одним настоя
ра перестает быть де
жется небылицей. О
бенок отрекается от
понять, что испорчен
зу негодным к употр
быстрей поддающим
была девочкой, — и
граничащим с ужасо
пришельца, который
детских лет — по им
— Меня еще не б
А юношеский эгоц
с нас?
А партийный, кла
ризм? Многие ли до
ловека в человечестве
люди примирились с
и является лишь пла
масс, вопреки всякой

сопоставлять то, что видит в других домах, с тем, что есть у него. Сначала ему хочется только такую же куклу, сад, канарейку, но у себя дома. Потом замечает, что бывают другие матери и отцы, тоже хорошие, а может, и лучше?

— Вот если бы она была моей мамой...

Ребенок городских задворков и деревенской избы приобретает соответствующий опыт раньше, познавая печаль, которую никто с ним не делит, радость, которая веселит лишь домашних, понимает, что день его именин — праздник лишь для него самого.

«А мой папа, а у нас, а моя мама» — эта столь часто встречающаяся в детских спорах похвальба своими родителями — скорее, полемическая формула, а подчас и трагичная защита иллюзии, в которую хочешь верить, но начинаешь сомневаться.

— Погоди, вот я скажу папе...

— Очень я твоего папу боюсь.

И правда, папа мой страшен только для меня самого.

Эгоцентричным я назвал бы и взгляд ребенка на текущий момент — по отсутствию опыта ребенок живет одним настоящим. Отложенная на неделю игра перестает быть действительностью. Зима летом кажется небылицей. Оставляя пирожное на завтра, ребенок отрекается от него поневоле. Ребенку трудно понять, что испорченный предмет может стать не сразу негодным к употреблению, а лишь менее прочным, быстрей поддающимся износу. Рассказ о том, как мама была девочкой, — интересная сказка. С удивлением, граничащим с ужасом, смотрит ребенок на чуждого пришельца, который зовет его отца — товарища своих детских лет — по имени.

— Меня еще не было на свете...

А юношеский эгоцентризм: все на свете начинается с нас?

А партийный, классовый, национальный эгоцентризм? Многие ли дорастают до сознания места человека в человечестве и Вселенной? С каким трудом люди примирились с мыслью, что Земля вращается и является лишь планетой! А глубокое убеждение масс, вопреки всякой действительности, что в XX веке

ужасы войны невозможны?

Да и наше отношение к детям — не проявление ли эгоцентризма взрослых?

Я не знал, что ребенок так крепко помнит и так терпеливо ждет. Многие наши ошибки происходят оттого, что мы имеем дело с детьми принуждения, рабства и крепостничества, испорченными, обиженными и бунтующими; приходится с трудом догадываться, какие они на самом деле есть и какими могут быть.

70. Наблюдательность ребенка.

На экране кинематографа потрясающая драма. Вдруг раздается звонкий возглас ребенка:

— Ой, собачка...

Никто не заметил, а он заметил.

Подобные возгласы слышишь подчас в театре, в костеле, во время многих торжеств; они вызывают переполох среди ближних и улыбки в публике.

Не охватывая целого, не вдумываясь в непонятное содержание, ребенок, счастливый, приветствует знакомую, близкую деталь. Но ведь и мы радостно приветствуем в многочисленном чужом и стеснительном для нас обществе случайно встреченного знакомого...

Не будучи в состоянии жить бездеятельно, ребенок заберется в любой уголок, заглянет в каждую щель, сыщет и спросит; ему интересно все: и движущаяся точечка — букашка, и блестящая бусинка, и услышанное слово или фраза. Как же похожи мы на детей в чужом городе, в необычной среде!..

Ребенок знает окружающих, их настроения, повадки, слабости, знает и, можно добавить, умело их использует. Угадывает расположение, чувствует лицемерие, схватывает на лету смешное.

Читает по нашим лицам так, как крестьянин по небу, какую оно сулит погоду. Ведь и ребенок годами всматривается и изучает; и в школах, и в интернатах; эта работа по вниканию в нас ведется у них коллективно, общими усилиями. Только мы не хотим замечать и, пока не нарушат нам наш драгоценный покой, предпочитаем обобщаться, что — наивный — ребенок не знает, не понимает, легко дает себя обмануть видимости. Иная точка зрения поставила бы перед на-

ми дилемму: или
мое совершенство,
жает нас в их глаз
71. Говорят, ре
и впечатлений ниче
игра ему быстро н
ему враг, чтобы ч
ным приятелем.
Наблюдение, в с
нок капризничает,
сердится, в гостях
брошена в угол, на
усидит спокойно.
Учтем, однако,
устал, на скамейку
гостях смущался, и
учиться заставили, а
что приятно провед
Как часто похож
пив кошке бантик, п
картинки и удивляет
улизнуть или, отчаяв
В гостях ребенку
крывается коробка,
и что там блестит в
картинки, хотелось б
риуме и съесть мног
не выдаст своих жел
— Пойдем домо
ребенок.
Ему обещали заб
такль, он ждал и раз
— Ну как, весело
— Очень, — отве
воту, чтобы не обиде
Летние колонии.
время рассказа подни
затем другой, третий
спрашиваю их: один п
про нее, когда я расс
взяли; у второго бо

ми дилемму: или открыто отречься от права на мимое совершенство, или искоренить в себе то, что унижает нас в их глазах, делает посмешищем, обедняет.

71. Говорят, ребенок в поисках все новых эмоций и впечатлений ничем не может долго заняться, даже игра ему быстро надоедает: час тому назад друг уже ему враг, чтобы через минуту опять стать закадычным приятелем.

Наблюдение, в общем, правильное: в поезде ребенок капризничает, посадишь в саду на скамейку — сердится, в гостях — пристает, любимая игрушка заброшена в угол, на уроке вертится, даже в театре не усидит спокойно.

Учтем, однако, что в вагоне он был возбужден, устал, на скамейку его взгромоздили против воли, в гостях смущался, игрушку и товарища ему выбрали, учиться заставили, а рвался он в театр в твердой вере, что приятно проведет время.

Как часто похожи мы на ребенка, когда он, нацепив кошке бантик, потчует ее грушей, дает поглядеть картинки и удивляется, что негодяйка хочет тактично улизнуть или, отчаявшись, царапнет!

В гостях ребенку хотелось бы посмотреть, как открывается коробка, которая стоит на подзеркальнике, и что там блестит в углу, и есть ли в большой книжке картинки, хотелось бы поймать золотую рыбку в аквариуме и съесть много-много шоколадок. Но он ничем не выдаст своих желаний, ведь это некрасиво.

— Пойдем домой, — торопит дурно воспитанный ребенок.

Ему обещали забаву: флажки, фейерверки, спектакль, он ждал и разочаровался.

— Ну как, весело тебе?

— Очень, — отвечает он, зевая или подавляя зевоту, чтобы не обидеть.

Летние колонии. Рассказываю в лесу сказку. Во время рассказа поднимается и уходит один мальчик, затем другой, третий. Это меня удивило, назавтра спрашиваю их: один положил под куст палку, вспомнил про нее, когда я рассказывал, и испугался, как бы не взяли; у второго болел порезанный палец, а третий

не любит вымышленных историй. Не уйдет ли и взрослый из театра, если пьеса его не занимает, докучает боль или оставил в кармане пальто портсигар?

У меня есть много доказательств того, что ребенок может неделями, месяцами заниматься одним и тем же и не желать перемены. Любимая игрушка никогда не теряет очарования. Одну и ту же сказку выслушает много раз с неослабным интересом. И наоборот, у меня есть доказательства того, что матерей раздражает однообразие интересов ребенка. Сколько раз, случалось, матери просят врача «разнообразить диету, кашки и компоты ребенку уже надоели».

— Вам они надоели, а не ребенку, — приходилось мне им объяснять.

72. Скука — тема для солидных исследований.

Скука — одиночество, отсутствие впечатлений; скука — избыток впечатлений, шум, гам, суматоха. Скука — нельзя, погоди, осторожно, нехорошо. Скука нового платья, скованности и смущения, наказов и заказов и обязанностей.

Полускука балкона и выглядывания из окошка, прогулки, визиты, игры со случайными и неподходящими товарищами.

Скука — острая, как болезнь с высокой температурой, и хроническая, с рецидивами и осложнениями.

Скука — дурное самочувствие ребенка: значит, чрезмерная жара, холод, голод, жажда, переедание, сонливость и часы принудительного сна, боль и усталость.

Скука — апатия, безразличие, малоподвижность, неразговорчивость, понижение жизненного тонуса. Ребенок лениво подымается, ходит сгорбившись, шаркая ногами, потягивается, отвечает мимикой, односложно, тихим голосом, досадливо морщась. Нетребователен: но каждое обращенное к нему требование встречает в штыки. Отдельные непонятные и слабомотивированные внезапные взрывы.

Скука — усиленная подвижность. Ни минуты не усидит на месте, ничем не займется, капризен, недисциплинирован, злобен; обижает, задирает, досаждает, плачет и злится. Подчас нарочно идет на скандал, видя

в ожидаемом нака
Часто мы види
там, где существуе
гии там, где отчая
Скука приобре
хоза. Не умея ор
подходя друг дру
необычных условия
смысленного крика
Кричат, толкают
кружатся до потер
подзадоривая друг
ным смехом. Чаще
назреет естественна
драка, порванная о
сильней, а значит,
нения. Порой настр
дается чье-нибудь
лись бы, что вы д
энергичные руки —
да.

Боюсь, эти не сл
стояния массовой де
торые воспитатели ск
детей, «предоставлен
73. Даже игры д
дождались солидных
Следует помнить,
ко дети; что не всег
все, что мы зовем игр
гие детские игры —
ности взрослых; что и
а в стенах города или
рассматривать детски
места, которое они зан
Мяч.
Погляди на усилия
с земли и проковылять
лении.
Погляди на изнур
как они старается

в ожидаемом наказании желанное сильное ощущение.

Часто мы видим сознательное упорство злой воли там, где существует банкротство воли; и избыток энергии там, где отчаяние усталости.

Скука приобретает иногда черты массового психоза. Не умея организовать игру или стесняясь, не подходя друг другу по возрасту и характеру или в необычных условиях, дети впадают в неистовство бессмысленного крика и шума.

Кричат, толкаются, опрокидывают и тянут за ноги, кружатся до потери сознания, падая на пол; взаимно подзадоривая друг друга, закатываются ненатуральным смехом. Чаще всего «игру» (и это раньше, чем назреет естественная реакция) прерывает катастрофа: драка, порванная одежда, сломанный стул, ушиб посильней, а значит, замешательство и взаимные обвинения. Порой настроение крика и шума гаснет; раздается чье-нибудь «бросьте дурить» или «постыдились бы, что вы делаете», инициатива переходит в энергичные руки — и сказка, хоровое пение, беседа.

Боюсь, эти не слишком частые патологические состояния массовой действующей на нервы скуки некоторые воспитатели склонны считать нормальной игрой детей, «предоставленных самим себе».

73. Даже игры детей, как нечто несерьезное, не дождались солидных клинических исследований.

Следует помнить, что играют и взрослые, не только дети; что не всегда дети играют охотно; что не все, что мы зовем игрой, на самом деле игра; что многие детские игры — подражание серьезной деятельности взрослых; что игры на вольном просторе одни, а в стенах города или дома другие; и что мы можем рассматривать детские игры лишь с точки зрения места, которое они занимают в современном обществе.

Мяч.

Погляди на усилия самого маленького поднять мяч с земли и проковылять по полу в задуманном направлении.

Погляди на изнурительные упражнения старшего, как он старается научиться ловить правой и левой ру-

кой, заставить отскочить несколько раз от земли, от стены, подбить лаптой, попасть в цель. Кто дальше всех, кто выше всех, кто метче всех, кто больше всех. Соревнование, познавание путем сравнения своей ценности, победы и поражения, совершенствование.

Неожиданности часто комического характера. Уже был в руках — и выскользнул, отскочил от одного и попал прямо в руки к другому; ловя мяч, стукнулись головами; улетел под шкаф и сам оттуда покорно выкатывается.

Треволнения. Мяч падает на траву, поднять — значит, рисковать. Потерялся — поиски. Едва не выбил стекло. Залетел на шкаф, как достать? Совещание. Ударил или не ударил? Кто виноват: кто криво бросил или кто не поймал? Оживленный спор.

Индивидуализация, внесение разнообразия. Ребенок обманывает: делает вид, что бросает; целится в одного, кидает в другого; ловко прячет мяч, будто у него его нет. Бросил и дунул на мяч, чтобы быстрей летел; ловит и падает понарошку; пытается поймать ртом; ему бросили мяч, а он делает вид, что боится; притворяется, что мяч его ушиб. Колотит мячик: «Ты, мячик, я тебе дам!» «Там, в мячике, что-то стучит», — трясет и слушает.

Есть дети, которые сами не играют, а любят смотреть, подобно тому как смотрят взрослые на играющих в бильярд или в шахматы. И в игре в мяч бывают интересные, неверные и гениальные движения.

Целесообразность движений — лишь одна из многих сторон, которые делают этот вид спорта приятным.

74. Игры не столько стихия ребенка, сколько единственная область, где мы предоставляем ему более или менее широкую инициативу. Лишь в играх ребенок чувствует себя до некоторой степени независимым. Все остальное — мимолетная милость, временная уступка, на игру же у ребенка есть право.

Играя в лошадки, войну, сыщиков-разбойников, пожарных, ребенок дает выход своей энергии в мнимо целенаправленных движениях, на какой-то миг поддается иллюзии или сознательно убегает от подлинной жизни. Потому-то так ценят дети участие ровесни-

ков с живым воо
тивой, большим за
и так покорно подч
ти — благодаря и
видимость действи
лых и чужих дети
сознавая их ничтож
достатков подлинн
по ней тоски!

Палка для ребен
стоящей лошади, п
ной. И если дети пль
нате — это не катан

Когда у ребенка
чений, лес с ягодами
деревьях, голубятня
саду, цветник перед
ной или меняет в ко

Какой ребенок сл
ную, на колесиках? Н
пони за коня-качалку

Ребенок обращае
злой скуки, прячась
от холодного долга.
играть, чем зубрить
лицу умножения.

Ребенок привязыв
горшке, потому что
нет; узник или старик
му, потому что у них
во что попало; лишь
собой делать, не име

Мы слышим, как
на хорошего тона, ка
слышим, как жалуется
поверяет шепотом заб
— Что я тебе ска
повторяй.
— Ты добрый песи
не сделал ничего

ков с живым воображением, разносторонней инициативой, большим запасом почерпнутых из книг мотивов и так покорно подчиняются их часто деспотичной власти — благодаря им легче облечь туманные грезы в видимость действительности. В присутствии взрослых и чужих дети стесняются, стыдятся своих игр, сознавая их ничтожность.

Сколько в ребячьих играх горького сознания недостатков подлинной жизни, сколько мучительной по ней тоски!

Палка для ребенка — не лошадь, но, не имея настоящей лошади, приходится мириться и с деревянной. И если дети плывут на перевернутом стуле по комнате — это не катание на лодках на озере...

Когда у ребенка в плане дня купание без ограничений, лес с ягодами, удочка, птичьи гнезда высоко на деревьях, голубятня, куры, кролики, сливы в чужом саду, цветник перед домом, игра становится ненужной или меняет в корне характер.

Какой ребенок сменяет живую собаку на игрушечную, на колесиках? Какой ребенок отдаст настоящего пони за коня-качалку?

Ребенок обращается к игре поневоле, спасаясь от злой скуки, прячась от ужасающей пустоты, скрываясь от холодного долга. Да, ребенок лучше уж будет играть, чем зубрить грамматические правила или таблицу умножения.

Ребенок привязывается к кукле, щеглу, цветку в горшке, потому что пока еще у него ничего больше нет; узник или старик привязывается к тому же самому, потому что у них уже ничего нет. Ребенок играет во что попало, лишь бы убить время, не зная, что с собой делать, не имея другого выбора.

Мы слышим, как девочка преподает кукле правила хорошего тона, как пугает ее и отчитывает; и не слышим, как жалуется ей в постели на окружающих, поверяет шепотом заботы, неудачи, мечты.

— Что я тебе скажу, куколка! Только никому не повторяй.

— Ты добрый песик, я на тебя не сержусь, ты мне не сделал ничего плохого.

Это одиночество ребенка наделяет куклу душой. Жизнь ребенка не рай, а драма.

75. Пастушонок охотнее будет играть в карты, чем в мячик: довольно набегался, гоняясь за коровами. Маленький продавец газет или мальчик на побегушках носятся вовсю лишь поначалу; быстро учатся размерять усилия, раскладывая их на целый день. Не играет в куклы ребенок, которому приходится нянчить младенца; наоборот, бежит от неприятной обязанности.

Значит, дети не любят работать? Труд детей бедняков утилитарен, не воспитывает, не рассчитан на их силы и индивидуальные склонности. Было бы смешно выдавать жизнь нищих детей за пример для подражания: и здесь скука, зимняя скука тесной лачуги и летняя — двора или придорожной канавы, скука лишь в иной форме. И ни родители, ни мы не можем заполнить ребенку дня так, чтобы ряд их, логично связанных друг с другом, раскрывал красочное содержание жизни, от вчера через сегодня к завтра.

Многочисленные игры ребят — работа.

Если вчетвером строят шалаш: копают обрезком жести, стеклом, гвоздем землю, вбивают колья, связывают их, накрывают крышей из веток и выстилают пол мхом, работая то напряженно и молча, то вяло, но зато проектируя улучшения, строя дальнейшие планы, делясь результатами добытых наблюдений, — это не игра, а неумелая работа несовершенными орудиями над недостаточным материалом, стало быть, малоплодотворная, но организованная так, что каждый в зависимости от возраста, сил и умения вносит столько усилий, насколько его хватает.

Если детская комната, вопреки нашим запретам, так часто бывает мастерской и складом хлама, а значит, складом материалов для предполагаемых работ, не в этом ли направлении обратить нам поиски? Быть может, для комнаты маленького ребенка нужен не линолеум, а воз полезного для здоровья желтого песка, изрядная вязанка палок и тачка камней? Быть может, доска, картон, фунт гвоздей, пила, молоток и токарный станок были бы более желанным подарком, чем

игра, а учитель труд... гимнастики или игры... бы изгнать из детской... ную чистоту и боязнь... Разумные родители... зывают: «Играй» — и... только играй и играй»... ничего другого?

Многое изменилось... допускаются с известны... дены уже в школьную... вание школьных участк... психика среднего отца... поспевает.

76. Вопреки тому, что... которым и одиночество... деятельности они не нуж... рых чужие матери ставят... Они не скучают, сами себ... прикажи, станут играть,... Это пассивные дети; они... а потому легко уступают,... вительность, тем более ч... лье.

В толпе такие ребята т... ного безразличия, не пос... ком. Вместо того чтобы п... мятся переделать, насил... медленно, осторожно уда... ным усилием, опытом мн... попыток, мучительного ун... тельный наказ ухудшает по... играй с ребятами» оскорбл... го: «Поиграли и хватит». Как же их легко узнать... Например, хоровод в... ребятишек поют, держась... ролях в середине:

— Ну ступай же, поигра...

Девочке не хочется, о... раз как-то пробовал...

игра, а учитель труда полезнее, чем преподаватель гимнастики или игры на пианино? Но тогда пришлось бы изгнать из детской больничную тишину, больничную чистоту и боязнь порезанных пальцев.

Разумные родители с неприятным чувством прикажут: «Играй» — и с болью слышат в ответ: «Все только играй и играй». А что поделаешь, коли нет ничего другого?

Многое изменилось. Игры и развлечения не только допускаются с известным пренебрежением, но и введены уже в школьную программу; все громче требование школьных участков. Перемены с часу на час; психика среднего отца семейства и воспитателя не поспевает.

76. Вопреки тому, что сказано выше, бывают дети, которым и одиночество не слишком надоедает, да и в деятельности они не нуждаются. Этих тихоньких, которых чужие матери ставят в пример, дома «не слышно». Они не скучают, сами себе выдумают игру, в которую, прикажи, станут играть, прикажи, послушно бросят. Это пассивные дети; они хотят немного и не сильно, а потому легко уступают, вымысел заменяет им действительность, тем более что этого-то и желают взрослые.

В толпе такие ребята теряются, страдают от холодного безразличия, не поспевают за ее бурным потоком. Вместо того чтобы понять, и здесь матери стремятся переделать, насильно навязать то, что лишь медленно, осторожно удается выработать утомительным усилием, опытом многих неуспехов, неудачных попыток, мучительного унижения. Всякий неосмотрительный наказ ухудшает положение вещей. «Поди, поиграй с ребятами» оскорбляет одного так же, как другого: «Поиграли и хватит».

Как же их легко узнать в толпе!

Например, хоровод в саду. Несколько десятков ребятишек поют, держась за руки, двое на первых ролях в середине:

— Ну ступай же, поиграй с ними!

Девочке не хочется, она не знает игры, детей; когда раз как-то пробовала, ей сказали: «Нам не нужно, у

нас и так много» или «Да ты растяпа». Быть может, завтра или через неделю она и попробует опять... Но мать не хочет ждать, силком выталкивает. Робея, девочка нехотя берет за руки соседок, хочет, чтобы ее не замечали, и так и будет стоять, — быть может, и заинтересуется постепенно, быть может, и сделает первый шаг к примирению с новой коллективной жизнью... Тут мать совершает новую бестактность — думает приохотить ее более живым участием:

— Девочки, почему у вас все одни и те же в кругу? Вот эта еще не была, выберите ее!

Одна из коноводок отказывает, две другие соглашаются, но неохотно.

Бедная дебютантка оказывается в недоброжелательном коллективе.

Сцена эта кончилась слезами девочки, гневом матери, замешательством среди участников хоровода.

77. Хоровод в саду как практическое упражнение в наблюдательности для воспитателя: количество подмеченных моментов. Общее наблюдение (трудное, всех занятых в игре детей), индивидуальное (одного произвольно выбранного ребенка).

Инициатива, начало, расцвет и распад игры. Кто подает сигнал, организует, ведет за собой, чей выход из игры конец всему собранию? Кто выбирает знакомых, а кто берет за руку двух случайных ребят? Кто охотно разлучается, чтобы дать место новому участнику, и кто протестует? Кто часто меняет место и кто придерживается одного? Кто в перерывах терпеливо ждет и кто торопит: «Ну, скорее! Ну, давайте начинать!» Кто стоит неподвижно и кто переминается с ноги на ногу, размахивает руками, громко смеется? Кто и зевает, да не уходит, и кто бросает играть: потому ли, что неинтересно, потому ли, что обиделся, кто пристает, пока не получит главную роль? Мать хочет втолкнуть в хоровод совсем маленького ребенка: «Нет, он еще мал», — а другой: «Ну чем он помешает, пускай себе стоит».

Если бы игрой руководил взрослый, он ввел бы очередность, поверхностно справедливое распределение ролей и, считая, что помогает, внес бы принуждение

Двое и все одни и то
играют (в волчок), выбр
ные, видно, скучают! О
третий поет — про себя
четвертый и хочет вступ
сердце так и стучит... А
холог быстро оценивает
ется.

При каждой коллекти
и в игре ребята, делая о
от друга хотя бы одним
И мы узнаем, чем реб
людей, в действии, како
кая цена, что впитывает
дать и как смотрит на это
тельность, сопротивляем
Из дружеской беседы мы
ся, а наблюдая в толпе,
здесь — каково его отно
тые мотивы этого отноше
только одного, мы будем
Если имеет авторитет
пользует; если не имеет
ли от того, что не имеет
дует ли пассивно, добива
рит или редко, справедл
ководствуясь самолюбие
или грубо навязывает св
или льнет к ним?
«Послушайте, давайте
так, может, лучше! А я
ты хочешь?»
78. Что такое спокойн
седа, обмен мнениями,
драматизированная греза
высказывают свои истинны
автор в романе или пьесе
Поэтому часто видишь зд
на взрослых: дети играю
принимают гостей, угощ
дают, нанимают и уво

Двое и все одни и те же бегают (кошка и мышка), играют (в волчок), выбирают (при танце), а остальные, видно, скучают? Один смотрит, другой слушает, третий поет — про себя, вполголоса, а то и в голос, четвертый и хочет вступить в круг, да не решается, а сердце так и стучит... А десятилетний заправила-психолог быстро оценивает, захватывает и распоряжается.

При каждой коллективной деятельности, а значит, и в игре ребята, делая одно и то же, отличаются друг от друга хотя бы одним мелким штрихом.

И мы узнаем, чем ребенок является в жизни, среди людей, в действии, какова его не истинная, а рыночная цена, что впитывает в себя и что сам способен дать и как смотрит на это толпа, какова его самостоятельность, сопротивляемость массовому внушению. Из дружеской беседы мы узнаем, к чему он стремится, а наблюдая в толпе, что способен осуществить; здесь — каково его отношение к людям, там — скрытые мотивы этого отношения. Если мы видим ребенка только одного, мы будем знать его односторонне.

Если имеет авторитет — как его приобрел, как использует; если не имеет — хочет ли иметь, страдает ли от того, что не имеет, злится ли, дуется ли, завидует ли пассивно, добивается или отходит? Часто спорит или редко, справедливо или несправедливо, руководствуясь самолюбием или капризом, тактично или грубо навязывает свою волю? Избегает вожаков или льнет к ним?

«Послушайте, давайте делать вот так! Подождите, так, может, лучше! А я не играю! Ладно, скажи, как ты хочешь?»

78. Что такое спокойные игры детей, как не беседа, обмен мнениями, мечты на избранную тему, драматизированная греза о могуществе? Играя, дети высказывают свои истинные взгляды, подобно тому как автор в романе или пьесе развивает главную мысль. Поэтому часто видишь здесь бессознательную сатиру на взрослых: дети играют в школу, наносят визиты, принимают гостей, угощают кукол, покупают и продают, нанимают и увольняют прислугу... Пассивные игру

в школу принимают всерьез, хотят, чтобы похвалили; активные предпочитают роль озорников, и часто их выходки вызывают общие протесты — не выдают ли они невольно свое подлинное отношение к школе?

Не имея возможности выйти хотя бы в сад, ребенок тем охотнее путешествует по необитаемым островам и океанам; у него нет даже Полкана, который слушался бы его, но он лихо командует полками. Будучи ничем, хочет быть всем. Но только ли ребенок? А политические партии? По мере приобретения влияния на общественные события не меняют ли они воздушные замки на ржаной хлеб реальных завоеваний?

Мы недолюбливаем некоторые детские игры, исследования и опыты. Ребенок ходит на четвереньках и лает, чтобы понять, как справляется с этим собака, пробует хромать, подражает горбатому старику, косоглазит, заикается, качается как пьяный, изображает увиденного на улице сумасшедшего, ходит, закрыв глаза (слепой), затыкает уши (глухой), ложится неподвижно, удерживая дыхание (умер), смотрит через очки, затягивается папиросой, тайком пробует завести часы, обрывает у мухи крылья (как она полетит?), притягивает магнитом перо, интересуется строением уха (что там за барабанная перепонка?), горла (что там за миндалины?), предлагает девочке играть в доктора, надеясь, что увидит, как там у нее, бежит с зажигательным стеклом на солнце, слушает шум в раковине, бьет кремнем о кремень.

Все, в чем можно убедиться самому, он хочет увидеть, проверить, испытать; и так столько еще остается, чему надо верить на слово!

Говорят, месяц только один, а ведь везде его видно.

— Слушай, я встану за забором, а ты в огороде.

Закрыли калитку.

— Ну что, есть в огороде месяц?

— Есть.

— И здесь есть.

Переменились местами, проверили вторично: теперь точно знают, что месяцев — два.

79. Особое место
проверка силы, позна
достичь, лишь сравнив
Поэтому у кого боль
дет с закрытыми глаза
одной ножке, не морг
глаза, кто может дольше
нет, дальше плюнет, выш
сит камень? Кто соскочит
пенек, прыгнет выше и
боль при стискивании па
кто кого поднимет, пере
«Я могу. Я умею. Я зн
«А я могу лучше. А я зн
А потом:
«Мои папа и мама, они
Так приобретается увах
ующее положение в свое
что благополучие детей за
того, как их расценивают вз
а быть может, и в больш
сверстников, у которых ин
дые правила оценки членов
ва и их прав.
Пятилетний ребенок м
щество восьмилетних, а т
принять к себе десятилетн
один на улицу и у которых
записная книжка. Такой, ст
мальчик разрешит многие
го или даже даром просвет
Магнит притягивает желе
чен. Самые лучшие лошади
кие ноги. У королей кровь
льва, и у орла, наверно, то
еще у кого-нибудь спросит
за руку, то уж не вырвешь.
у которых вместо волос на
на картинке и даже в ле
тому что вблизи как
овек превращается

79. Особое место занимают игры, цель которых — проверка силы, познание своей цены; а это удается достичь, лишь сравнивая себя с другими.

Поэтому у кого больше шаг, сколько шагов пройдет с закрытыми глазами, кто дольше простоит на одной ножке, не моргнет, не рассмеется, глядя в глаза, кто может дольше не дышать? Кто громче крикнет, дальше плюнет, выше пустит струю мочи или бросит камень? Кто соскочит с большего количества ступенек, прыгнет выше и дальше, дольше выдержит боль при стискивании пальцев? Кто скорее добежит, кто кого поднимет, перетянет, повалит?

«Я могу. Я умею. Я знаю, у меня есть».

«А я могу лучше. А я знаю больше. А у меня лучше».

А потом:

«Мои папа и мама, они могут, у них есть».

Так приобретается уважение, занимается соответствующее положение в своей среде. А следует помнить, что благополучие детей зависит не исключительно от того, как их расценивают взрослые, но и — это в равной, а быть может, и в большей степени — от мнения сверстников, у которых иные, но тем не менее твердые правила оценки членов своего ребячьего общества и их прав.

Пятилетний ребенок может быть допущен в общество восьмилетних, а тех могут в свою очередь принять к себе десятилетние, которые уже выходят одни на улицу и у которых есть пенал с ключиком и записная книжка. Такой, старше тебя на два класса, мальчик разрешит многие сомнения, за полпирожного или даже даром просветит и обучит:

Магнит притягивает железо, потому что он намагничен. Самые лучшие лошади — это арабские, у них тонкие ноги. У королей кровь голубая, а не красная. И у льва, и у орла, наверно, тоже голубая (надо про это еще у кого-нибудь спросить). Если мертвец схватит за руку, то уж не вырвешь. В лесу бывают женщины, у которых вместо волос на голове змеи; он сам видел на картинке и даже в лесу видел, только издали, потому что вблизи как взглянет такая женщина, так человек превращается в камень (врет, небось?). Он ви-

дел утопленника, знает, как родятся дети, и умеет из бумаги сделать кошелек.

И не только говорит, что умеет, но и сделал бумажный кошелек, а мама этого не умеет.

80. Не относись мы к ребенку, его чувствам, стремлениям, а значит, и к играм свысока, мы понимали бы, что он правильно делает, когда с одним охотно общается, а другого избегает, встречает поневоле и неохотно играет. Можно подраться с самым лучшим приятелем и скоро помириться, а с немилым и без ссор не захочешь водиться.

С ним нельзя играть: чуть что — в плач, сразу обижается, жалуется, кричит и беснуется, хвастает, дерется, хочет верховодить, сплетничает, обманывает — фальшивый, нескладный, маленький, глупый, грязный и некрасивый.

Этакая одна пискля неотвязная портит всю игру. Посмотри, как остальные дети стараются его обезвредить! Старшие ребята охотно примут в игру и малыша, и он может сгодиться, только пусть будет доволен второстепенной ролью, пусть не мешает.

«Дай ему, уступи, позволь: он ведь маленький».

Неправда: взрослые тоже детям не уступают...

Почему он не любит ходить туда в гости? Ведь там есть дети, с которыми он охотно играет?

Охотно, да только у себя или в парке. А там есть один человек, который кричит, там насильно целуют, прислуга обидела его, старшая сестра дразнится, и там собака, которую он боится. Самолюбие не позволяет ему назвать истинную причину, а мать считает, что капризничает.

Ребенок не хочет идти в парк. Почему? Большой мальчик грозился избить, гувернантка одной девочки обещала пожаловаться, и когда он шел по газону за мячиком, садовник погрозил палкой; обещал принести мальчику марку, а она куда-то задевалась.

Бывают капризные дети, я перевидал их на врачебных приемах много десятков. Эти дети знают, чего хотят, только им этого не дадут: им нечем дышать, они задыхаются под тяжестью нежной заботы. Но если взрослые с патологически капризными детьми

холодны, дети их пр...
...ю истязать неразумно...
...их под защиту.

81. Мы выдали дет...
...сни любят нас, уважаю...
...ны, легковерны и благо...
...бескорыстных опекунов...
...мых нами жертвах, и, м...
...ало — до поры до
потом сомневаются, ст...
...крадывающиеся подозр...
...бороться, а увидев бесп...
...ся нас обманывать, под...

Выманивают просьба...
...ми, поцелуями, шуточк...
...за уступки, изредка так...
...дают некоторыми права...
...ниями, порой прямо сп...
...получу?»

Сто разновидностей
рабов.

«Нехорошо, вредно,
...рила в школе... Ой, если
«Не хочешь, как хоче...
...же умная, как и ты... Ну
...мне сделает?»

Нам не нравится, когда...
...тываем, бормочет что-то с...
...слетают искренние слова,
У ребенка есть совест...
...ных стычках ее голос не
...ружу тайная ненависть к
...справедливой) власти сил...
...венных) мира сего.

Если ребенок любит ве...
...что благодаря ему он на...
...что тот вносит жизнь, прин...
...дорог, что удовлетворил...
...ребенок намного меньше...
...мает, и неохотно...
...ных. «Ишь, купил»,

холодны, дети их презирают и ненавидят. Детей можно истязать неразумной любовью; закон должен взять их под защиту.

81. Мы выдали детям мундир детства и верим, что они любят нас, уважают и доверяют и что они невинны, легковерны и благодарны. Безупречно играем роль бескорыстных опекунов, умиляемся мысли о приносимых нами жертвах, и, можно сказать, нам с детьми хорошо — до поры до времени. Дети сначала верят, потом сомневаются, стараются откинуть коварно закрадывающиеся подозрения, иногда пробуют с ними бороться, а увидев бесплодность борьбы, принимаются нас обманывать, подкупать и эксплуатировать.

Выманивают просьбами, очаровательными улыбками, поцелуями, шуточками, послушанием, покупают за уступки, изредка тактично дают понять, что обладают некоторыми правами, подчас вынудят приставаниями, порой прямо спрашивают: «А что я за это получу?»

Сто разновидностей покорных и взбунтовавшихся рабов.

«Нехорошо, вредно, грешно... Учительница говорила в школе... Ой, если бы мамочка узнала».

«Не хочешь, как хочешь... Твоя учительница такая же умная, как и ты... Ну и пусть мама знает, что она мне сделает?»

Нам не нравится, когда ребенок, которого мы отчитываем, бормочет что-то себе под нос, в гневе с языка слетают искренние слова, а они нас не интересуют.

У ребенка есть совесть, только в мелких будничных стычках ее голос не слышен, зато выплывает наружу тайная ненависть к деспотичной (а значит, несправедливой) власти сильных (а значит, безответственных) мира сего.

Если ребенок любит веселого дядюшку, так за то, что благодаря ему он на какой-то момент свободен, что тот вносит жизнь, принес подарок. А подарок тем дорог, что удовлетворил давно лелеянную мечту. Ребенок намного меньше ценит подарки, чем мы думаем, и неохотно принимает от людей несимпатичных. «Ишь, купил», — кипятится униженный.

82. Взрослые не умные: не умеют пользоваться свободой, которой они обладают. Ведь такие счастливые, могут покупать все, что хочется, все им можно, а всегда на что-нибудь злятся и из-за чего-нибудь да кричат.

Взрослые не все знают; часто отвечают, лишь бы отделаться, или в шутку, или так, что нельзя понять; один говорит одно, другой другое, и неизвестно, где правда. Сколько звезд в небе? Как по-негритянски «тетрадка»? Как человек засыпает? А вода живая? И откуда она знает, что на улице из нее должен сделаться лед? Где ад? Как этот человек сделал, что в шляпе из часов поджарил яичницу: и часы не испортились, и шляпа цела — это чудо?

Взрослые не добрые. Правда, родители дают детям есть, но они и должны давать, а то мы умерли бы. Они ничего детям не позволяют: скажешь им, а они в смех, и вместо того, чтобы объяснить, нарочно еще дразнятся. И они не справедливые, их обманывают, а они верят. Любят, чтобы к ним подлизывались. Если они в хорошем настроении, так все можно, а сердятся — все мешает.

Взрослые лгут. Неправда, что от конфет бывают глисты и что, когда не ешь, снятся цыгане; что, когда балуешься огнем, ночью будешь рыбу ловить, а болтаешь ногами, так черта качаешь. Они не держат слова: обещают, а потом забывают, или увиливают, или не позволяют якобы за провинность, а ведь все равно не позволили бы.

Велят говорить правду, а скажешь, так обижаются. Неискренние: в глаза одно, а за глаза другое. Не любят кого-нибудь, а притворяются, что любят. Только и слышится: «Пожалуйста, спасибо, извините, всего хорошего», — можно подумать, что и в самом деле.

Усиленно прошу обратить внимание на выражение лица ребенка, когда он весело подбежит к взрослому и скажет в запале или сделает что-либо неполагающееся, а его резко и грубо одернут.

Отец пишет; вбегает ребенок с каким-то сообщением и тянет отца за рукав. Откуда ребенку знать, что на важный документ может сесть клякса! Отец

...кобешан, ребенок смотр...
...случилось?
Опыт нескольких неум...
...шутан, выданных секрет...
...учит ребенка относиться
...ным диким зверям, на ко...
...положиться.

84. Оговорка. Наряду
...которые ребенок несомн...
...возникающими у него и св...
...их, у ребенка есть понима...
...ется полностью от навязы...
...внушенных чувств. Актив...
...сивный — позже и в смяг...
...конфликты раздвоения ли...
...ике: самостоятельно, пасс...
...товарищ по недоле и невол...
...стематизирует, как это сде...
...сложна, как и наша, полна
...тех же трагичных вечных
...могу, знаю, что надо, и не
Воспитатель, который не
...не подавляет, а возносит,
...не диктует, а учит, не тре...
...живет вместе с ребенком
...нут, не раз следя увлажне...
...ангела с сатаною, где светл...
Солгал. Взял потихоньку
...ское платье. Бросал камн...
...над горбатым. Разбил статуэ...
...было видно. Курил папирос...
...про себя отца.
Поступил плохо и чувствуе...
...ний раз, что опять на чем-нибу...
...лагает или подговорят.
Бывает, ребенок делается
...кумливым. Взрослые это зн...
...кстаз. Нередко этой странно...
...шая буря чувств, плач

взбешен, ребенок смотрит с недоумением: что вдруг случилось?

Опыт нескольких неуместных вопросов, неудачных шуток, выданных секретов, опрометчивых излияний учит ребенка относиться к взрослым как к прирученным диким зверям, на которых никогда нельзя вполне положиться.

* * *

84. Оговорка. Наряду со всеми этими чувствами, которые ребенок несомненно испытывает, наряду с возникающими у него и своими собственными мыслями, у ребенка есть понимание долга; он не освобождается полностью от навязываемых ему нами взглядов и внушенных чувств. Активный — ярче и раньше, пассивный — позже и в смягченной форме переживают конфликты раздвоения личности. Активный размышляет самостоятельно, пассивному «открывает глаза» товарищ по недоле и неволе; ни тот ни другой не систематизирует, как это сделал я. Душа ребенка равно сложна, как и наша, полна подобных противоречий, в тех же трагичных вечных борениях: стремлюсь и не могу, знаю, что надо, и не умею себя заставить.

Воспитатель, который не сковывает, а освобождает, не подавляет, а возносит, не комкает, а формирует, не диктует, а учит, не требует, а спрашивает, переживет вместе с ребенком много вдохновляющих минут, не раз следя увлажненным взором за борьбой ангела с сатаною, где светлый ангел побеждает.

Солгал. Взял потихоньку цукат с торта. Задрал девочке платье. Бросал камнями в лягушек. Смеялся над горбатым. Разбил статуэтку и составил, чтобы не было видно. Курил папиросы. Разозлился и проклял про себя отца.

Поступил плохо и чувствует, что это он не в последний раз, что опять на чем-нибудь споткнется, — самого потянет или подговорят.

Бывает, ребенок делается вдруг тихим, покорным, услужливым. Взрослые это знают: «Верно, совесть нечиста». Нередко этой странной перемене предшествует целая буря чувств, плач в подушку, раскаяние и тор-

жественная клятва. Бывает, мы готовы простить, получить бы лишь заверение — ах, не гарантию — иллюзию, что проступок больше не повторится.

«А я не буду другим. Не могу я этого обещать».

Эти слова диктует честность, а не обязательно упрямство.

— Я понимаю то, что вы говорите, только я этого не чувствую, — сказал двенадцатилетний мальчик.

Эту достойную всяческого уважения честность мы встречаем и у ребят с дурными наклонностями:

— Я знаю, воровать не надо, это стыдно, грешно. Я не хочу воровать! Но я не знаю, украду я еще или не украду. Я в этом не виноват!

Воспитатель переживает мучительные минуты, видя в беспомощности ребенка собственное бессилие.

85. Мы находимся во власти иллюзии, что ребенка может долго удовлетворять блаженное мировоззрение, где все просто, добро и разумно, что сумеем утаить от него наше незнание, слабость, противоречия, поражения и падения, — и отсутствие формулы счастья. Наивно предписание педагогических самоучек воспитывать детей последовательно — чтобы отец не критиковал поступков матери, взрослые не говорили при детях о своих делах, а прислуга не лгала, что «хозяев нет дома», когда стучится нежеланный гость.

А почему зверей мучить нельзя, а мухи — сотнями! — гибнут в таких муках на липучке? Почему мама покупает красивое платье, а говорить про платье, что красивое, нехорошо? А кошка обязательно должна быть «притворчивая»? Сверкнула молния, няня перекрестилась — это бог, говорит, а учительница говорит, что электричество. А за что надо взрослых уважать? И вора тоже? Дядя сказал: «Ах брюхо подвело», — а так нехорошо говорить. Почему «сукин сын» — ругательство? Кухарка верит в сны, а мама нет. Почему говорится «здоров как бык», ведь и быки болеют? ...А почему некрасиво спрашивать, сколько стоит подарок?

Как утаить, как разъяснить, не углубляя непонимания?

Ох, эти наши ответы...

Мне дважды до
ребенку перед витр
— Что это за мя
— Да такой уж
А в другой раз:
— Мама, что это
— Это не шар, а
шадки, и мамуся...
— И мамуся-я-?
сочувствием и испуго
86. Мы видим дет
и печали, когда дети
внешне резко не вы
думчивости, глубокой
умения, мучительног
сомнения, в которых
бенок бывает не толь
ножке, но и когда за
Надо только исключ
ных» детей, бессмы
или перенятые у взр
жет думать «как боль
детски вникать в серь
достаток знаний и опы
Я рассказываю сказ
фей, заколдованные к
с виду наивный вопро
— А это правда?
И слышу, кто-то то
— Вы ведь говорил
И персонажи и дей
могло бы быть, но вс
предупредили: в сказк
Человеческая
развеять ужасы и чуд
рог, углубила и увели
ная текущая жизнь
жизнь в некотор
теперь нова

Мне дважды довелось выслушать, как объясняли ребенку перед витриной магазина, что такое глобус.

— Что это за мячик? — спрашивает ребенок.

— Да такой уж мячик, — объясняет няня.

А в другой раз:

— Мама, что это за шар?

— Это не шар, а земля. Там и домики есть, и лошадки, и мамуся...

— И мамуся-я-? — ребенок взглянул на мать с сочувствием и испугом и не возобновил вопроса.

86. Мы видим детей в бурных проявлениях радости и печали, когда дети отличаются от нас, и не замечаем внешне резко не выраженных настроений: тихой задумчивости, глубокой растроганности, горького недоумения, мучительного подозрения и унизительного сомнения, в которых на нас похожи. «Настоящим» ребенок бывает не только тогда, когда скачет на одной ножке, но и когда задумывается над сказкой жизни. Надо только исключить действительно «ненатуральных» детей, бессмысленно твердящих заученные или перенятые у взрослых фразы. Ребенок не может думать «как большой», но может по-своему, по-детски вникать в серьезные проблемы взрослых; недостаток знаний и опыта заставляет его мыслить иначе.

Я рассказываю сказку: волшебники, драконы, злые феи, заколдованные королевны, — и вдруг раздается с виду наивный вопрос:

— А это правда?

И слышу, кто-то тоном превосходства поясняет:

— Вы ведь говорили, что это сказка.

И персонажи и действия правдоподобны; все это могло бы быть, но всего этого нет, потому что мы предупредили: в сказках все неправда.

Человеческая речь, которая должна была развеять ужасы и чудеса окружающего мира, наоборот, углубила и увеличила незнание. Раньше крохотная текущая жизнь личных потребностей нуждалась лишь в некотором количестве решительных ответов, теперь новая большая жизнь слова погрузила детей сразу во все вчерашние и завтрашние, отдаленные и отдаленнейшие проблемы. Нет времени не то что все

...ить, но и просто рассмотреть. Теоретические ... отрываются от повседневной жизни и становятся вне проверяемости.

Темпераменты — активный или пассивный — выражаются в складе ума: практическом или умозрительном.

Ребенок с практическим складом ума верит или не верит в зависимости от воли авторитета: верить удобнее, выгоднее; с умозрительным — расспрашивает, делает выводы, отрицает, бунтует и в мыслях, и в действиях. Бессознательную фальшь первого мы противопоставляем стремлению к истине второго; это ошибка, которая затрудняет диагностику и делает менее эффективной воспитательную терапию.

В психиатрических клиниках стенографист записывает монологи и беседы пациентов. То же самое предстоит будущим педагогическим клиникам. Сегодня у нас есть лишь материал детских вопросов.

• • •

87. Жизнь — сказка.

• • •

88. Сказки о народах.

Негр черный, хоть не знай как мойся. А язык у него не черный, и зубы тоже не черные. Это не черт: ни рогов, ни хвоста у него нет. И дети их тоже черные. Негры ужас какие дикие: едят людей. И в бога не верят, а верят в лягушек. А до этого верили в деревья, глупые были; а греки тоже верили во всякие глупости, но были умные! Так почему верили? Негры ходят на улице раздетые, и им вовсе не стыдно. Вставляют себе в нос раковины и думают, что красиво; почему им никто не скажет, чтобы они так не делали? Счастливые негры: едят фиги, финики и бананы, и обезьяны у них есть, и не учатся вовсе, маленький мальчишка, а сразу на охоту идет.

У китайцев косы, это очень смешно. Французы умнее всех, а так смешно говорят: нон — бон — пон. А немцы деридас, капуста и квас. Евреи всего боятся, кричат «вайвай» и обсчитывают. Еврей хоть не знай что,

а должен обсчитать; они распяли Иисуса Христа. В Америке тоже есть поляки. Что они там делают, для чего им ломают ноги и велят просить милостыню или отдают в цирк? А приятно, должно быть, выступать в цирке! А если раз вывернуть руки, так всегда уже потом можно делать разные штуки? А бывают на свете гномы? А почему не бывают, а если не бывают, то откуда люди знают, какие они? Шел по улице маленький человечек, и все оглядывались; лилипуты уже никогда не вырастут, это они в наказание маленькие? Были ли финикийцы волшебниками: как они могли из песка делать стекло? А это трудно? Ходят ли горцы и по таким горам, которые огнедышащие? А моряки — народ? А могут они жить в воде? А кем труднее быть, водолазом или моряком, и кто важнее?

Подчас вопрос вызывает у вас беспокойство:

— А если я весь-весь вымазался бы чернилами, негры меня узнали бы?

Ребенок с трудом мирится со сведениями, которые он не может применить на деле. Он тоже хотел бы так сделать, попробовать на вкус или по крайней мере увидеть вблизи.

* * *

92. Мрачная сказка, таинственная нищета.

Почему он голодный, почему он бедный, почему ему холодно, почему он не купит, почему у него нет денег, почему ему так не дадут?

Ты говоришь ребенку:

«Дети бедняков грязные, употребляют нехорошие слова, в голове у них насекомые. Дети бедняков хворые, от них можно заразиться. Они дерутся, бросают камни и глаза выбивают. Во двор ходить нельзя и в кухню нельзя: ничего интересного там нет».

А жизнь заявляет:

«Вовсе не хворые, весь день бегают, веселятся, пьют воду из колодца и покупают вкусные-превкусные разноцветные конфетки. Ловко орудуя метлой, мальчишка подметает двор или снег чистит, а это очень приятно. И никаких насекомых у них нет, неправда это, и камнями не бросаются, и глаза целы, и не де-

ются, а борются. Нехорошие слова смешные, а на кухне в сто раз приятнее, чем в комнатах».

Ты говоришь:

«Бедных надо любить, уважать, они добрые и много работают. Надо быть благодарным кухарке, она готовит обед, и сторожу, он смотрит за порядком. Поиграй с детьми сторожа».

А жизнь:

«Кухарка зарезала курицу, завтра мы ее будем есть, и мама будет есть, ведь курицу сварили и ей не больно, а вот кухарка так резала ее живую, мама даже смотреть не могла. Сторож утопил щенят, а такие они были хорошенькие! У кухарки шершавые руки, все в грязной воде полощется. От мужика воняет, от еврея воняет. Про торговку не говорят «госпожа торговка», а просто «торговка» и про сторожа просто «сторож». Бедные дети грязные, что ни покажи им, сразу: «Дай мне», а не дашь, шляпу сдернут и хохочут, а один даже плюнул, в лицо плюнул...»

Ребенок еще и не слышал про злых колдунов, а уже со страхом подходит к старику-нищему подать грошик.

Ребенок знает, что и здесь ему всего не говорят, что и здесь кроется что-то нехорошее, чего ему не хотят или не могут объяснить.

93. Чудачества светской жизни и хороших манер.

Нехорошо класть палец в рот, ковырять в носу, шмыгать носом. Нехорошо просить, говорить: «Я не хочу», отодвигаться, когда тебя целуют, говорить: «Неправда». Нехорошо громко зевать, говорить: «Мне скучно». Некрасиво сидеть, опираясь локтями на стол, первому подавать руку взрослым. Некрасиво болтать ногами, держать руки в карманах, оглядываться на улице. Нехорошо делать вслух замечания и показывать пальцем.

Почему?

Эти запрещения и распоряжения имеют разные истоки, дети не могут уловить их суть и связь.

Нехорошо бегать в одной рубашке и нехорошо плевать на пол.

Почему нехорошо отвечать на вопросы взрослым сидя? И даже с отцом на улице надо здороваться?

А что делать, когда го...
говорит: «Ты девочка»,
вста", или: «Я тебя у та...
ложь!

— Почему с девочкам...
спросил у меня ученик.

— Это объясняется ис...

— Почему ты написал
сил я несколько минут сп...

— Это объясняется ис...
злой ухмылкой.

На тот же вопрос одна...

— Видишь ли, девочке...
лей, она будет болеть и т...

Вскоре брат и сестра с...

— Ну, мамочка, ну как...
рожать детей! Я хочу, что...
класса.

Наименее удачным каж...
чающееся объяснение:

— Над тобой станут см...

Правда, оно удобное, эф...
кого смешного.

Но станут смеяться и над...
ри матери и что собирается...
ты, не пить водку, не ходи...

Да и родители из боязн...
нелепые ошибки. И самую в...
горюки ребенка и упущения...
до поры до времени изоб...
Щедрую плату хорошо воспи...

94. Родной язык — это не...
ребенка правила и нравоуч...
вышит его душа наравне с ду...
исхождения, вера и обычаи, ли...
ность, резвость и важность, в...
ливость, богатство и бедност...
ыка вдохновения поэт и изр...
ий, столетия истового тру...
ина.

Кто думал о том,

А что делать, когда говорят неправду? Например, дядя говорит: «Ты девочка», а он мальчик, или: «Ты моя невеста», или: «Я тебя у твоей мамы купил» — ведь это ложь!

— Почему с девочками надо быть вежливыми? — спросил у меня ученик.

— Это объясняется исторически, — ответил я.

— Почему ты написал «сабака», через «а»? — спросил я несколько минут спустя.

— Это объясняется исторически, — отвечает он со злой ухмылкой.

На тот же вопрос одна мать ответила:

— Видишь ли, девочке придется потом рожать детей, она будет болеть и т. д.

Вскоре брат и сестра опять поссорились.

— Ну, мамочка, ну какое мне дело, как она будет рожать детей! Я хочу, чтобы она не была плакса, она плакса.

Наименее удачным кажется мне чаще всего встречающееся объяснение:

— Над тобой станут смеяться.

Правда, оно удобное, эффективное, ребенок боится всего смешного.

Но станут смеяться и над тем, что он обо всем говорит матери и что собирается в будущем не играть в карты, не пить водку, не ходить в публичный дом.

Да и родители из боязни всего смешного делают нелепые ошибки. И самую вредную ошибку: скрывают пороки ребенка и упущения в его воспитании; ребенок до поры до времени изображает перед гостями за щедрую плату хорошо воспитанного, а потом мстит.

94. Родной язык — это не нарочно подобранные для ребенка правила и нравоучения, а воздух, которым дышит его душа наравне с душой всего народа. Правда и сомнения, вера и обычаи, любовь и недоброжелательность, резвость и важность, всевозможное достоинство и низость, богатство и бедность — все, что создал в порыве вдохновения поэт и изрыгнул в пьяном трепе бандит, столетия истового труда и мрачные годы рабства.

Кто думал о том, кто писал, кто исследовал, как

убивать бактерии и насыщать эту стихию кислородом? Быть может, оказалось бы, что не здоровое простонародное «обосрался», а салонное «согрешил» содержит в себе зародыши разложения?

«Бог помочь. Бог его покарал, Черт меня дернул. Сущий рай. На восьмом небе. Дома ад. С богом. Как у Христа за пазухой. Бог подаст. Читает как пономарь, Святоша. Богомаз. Ни копейки за душой. Душа в пятки ушла. Черту душу продал бы. Грешки за ними водятся. Седина в бороду, бес в ребро. Морковкино заговенье.

На здоровье. Твое здоровье. В пятницу дело пятится. Икота — кто-то вспоминает. Влюблена, пересолила суп. Нож упал, голодный мужик торопится. Типун тебе на язык. Одной ногой в могиле.

Китайские церемонии. Цыганский пот. Русское авось. Барская милость. Хамская морда. Сиротская доля.

Старый [illegible]. Старый дурак. Старая кочерга. Сопляк, пигалица, щенок, желторотый, молоко на губах не обсохло.

Слепой? Нет, незрячий. Старый? Нет, древний. Калека? Нет, убогий.

Собачья погода. Собачья смерть. Сукин сын, сукина дочь. Со злости бесится. Мечется как угорелая кошка. Волчий аппетит. Я из тебя котлету сделаю.

Пустая голова. У него голова трухой набита. Втирает очки. Шариков не хватает. Лопну со смеху. Сухим из воды выйдет. Знает как свои пять пальцев. Будет из нее штучка. Отравляет мне жизнь».

— Что это? Откуда взялось? Почему так говорят?

— «Бутылка» — имя существительное, «бутылка» — подлежащее. «Пробка» — имя существительное...

— Но почему: глуп как пробка? А этот человек, который выдумал грамматику, был умный?

95. Дети не любят непонятных выражений, порой пытаются поразить ими окружающих. Дети не без выбора усваивают язык взрослых и некоторым нашим оборотам оказывают явное сопротивление. Слушай, дай мне. Эй, слышь, одолжи. Послушай, покажи.

«Слушай», «послушай» соответствуют нашему «пожалуйста». Просить — это просить милостыню (нищий

просит милостыню). Ребе
ное выражение. «Думае
проси его! Стану я его т
у меня напросишься!»
Я знаю один лишь о
Выражением «видишь
нее неприятное «прости,
«Видишь ли, я это неч
этого. Видишь ли, я не з
А богатство средств вы
дить, предостеречь, не д
«Перестань, оставь, луч
Да брось же! Я тебе добро
тебя, перестань (просьба з
казание). Да уйдешь ты
наконец?»
Угроза:
«Хочешь получить? Схл
жалеешь. Заревешь ты у
Пренебрежительное сд
«Ладно, ладно... Знаю,
Мы заставляем ребенка
«Очень я боюсь! Думаеш
бояться!»
Каждая собственность р
дать, не спросив, нельзя п
пользования (и тем более
обладание).
— Это твоя лавка, твой
— Мой (или: А может,
Я первый.
«Первый» занял место,
боться о своем покое, взро
решают споры ребят.
«Это он начал! Он первы
«Ну помни, не надуй! Ты
слово!»

просит милостыню). Ребенок не любит это унизительное выражение. «Думаешь, я тебя просить буду! Не проси его! Стану я его там просить! Подожди, ты еще у меня напросишься!»

Я знаю один лишь особо торжественный оборот:

— Эх ты какой, а я тебя так прошу!

Выражением «видишь ли» ребенок заменяет не менее неприятное «прости, пожалуйста».

«Видишь ли, я это нечаянно. Видишь ли, я не хотел этого. Видишь ли, я не знал».

А богатство средств выражения, цель которых убедить, предостеречь, не допустить бурных сцен?

«Перестань, оставь, лучше не трогай, отстань, уйди. Да брось же! Я тебе добром говорю, перестань! Прошу тебя, перестань (просьба здесь — категорическое приказание). Да уйдешь ты? Слушай, перестанешь ты, наконец?»

Угроза:

«Хочешь получить? Схлопочешь! Вот увидишь, пожалеешь. Заревешь ты у меня!»

Пренебрежительное сдваивание слов:

«Ладно, ладно... Знаю, знаю... Погоди, погоди...»

Мы заставляем ребенка бояться.

«Очень я боюсь! Думаешь, испугался! Буду я его там бояться!»

Каждая собственность ребенка спорная: нельзя отдать, не спросив, нельзя портить, у него лишь право пользования (и тем более ценит он нераздельное обладание).

— Это твоя лавка, твой стол?

— Мой (или: А может, твой?)

Я первый.

«Первый» занял место, начал играть, копать. Заботясь о своем покое, взрослые очень поверхностно решают споры ребят.

«Это он начал! Он первый начал! Стою я, а он...»

• • •

«Ну помни, не надуй! Ты ведь слово дал. Нарушил слово!»

Кто не сдержал обещания, тот свинья. Взрослые обязаны это помнить.

Богатый материал для изучения.

96. Ребенок, не вконец восстановленный против бедных людей, любит кухню и любит не потому, что там сушеные сливы и изюм, а потому, что в кухне что-то происходит, а в комнатах ничего не происходит; и сказка там интереснее, и, кроме сказки, услышит рассказ из всамделишной жизни, да и сам что-нибудь расскажет, и его выслушают с интересом, потому что на кухне он человек, а не собачонка на атласной подушке.

«Так сказку тебе сказать? Да уж ладно, скажу. Как это там было-то? Дай, вспомню».

Прежде чем сказка начнется, у ребенка есть время принять удобную позу, оправить платье, откашляться, приготовиться к долгому слушанию.

«Идет она, идет по лесу. А в лесу темно, ничего не видать: ни дерева, ни зверя, ни камня. Темнешенько. Страшно ей, ух как страшно! Перекрестилась она раз — страх-то и поубавился, перекрестилась другой, дальше идет».

Я пробовал так рассказывать. Нелегкое это дело! Нам не хватает терпения, мы торопимся, мы не уважаем ни сказки, ни слушателя. Ребенок не успевает за темпом наших рассказов.

Умей мы так рассказывать о полотне, которое делают из льна, быть может, ребенок не думал бы, что рубашки растут на деревьях, а на полях золу сеют...

А вот и подлинное происшествие:

— Утром встаю я, а в глазах у меня все двоится: вижу всего по два. Смотрю на печку — две печки, смотрю на стол — два стола. Я знаю, стол один, а вижу два. Протираю глаза — не помогает. А в голове так и стучит, так и стучит...

Ребенок ждет разрешения загадки, и когда наконец дело доходит до незнакомого названия «тиф», он уже готов принять это новое слово.

— Доктор говорит: тиф...

Пауза. Рассказчик отдыхает, отдыхает и слушатель.

— Так вот, заболел я этим самым тифом...

Повествование продолжается.

Простой рассказ
торый ни одной соб
об заклад и злого
словно теленка, — п
бе один бабой пере
жик искал украденн
Немного заботли
эстрадах появятся с
рассказывать детям
титься надо, а мы в
97. А это правда
Надо понять суть
бим и считаем лишн
Если мама или у
правда.
Ан нет! Ребенок у
обладает лишь часть
о лошадях даже боль
кий скажет, хотя и зн
подгоняют правду по
или сознательно иск
Кроме знания, ес
гой нет; бабушка ве
пра?
Наконец, ложь-шу
— Правда ли, что
Все говорят, что
скажет, что неправда
— Вот вы были в
сапог?
Ребенок хочет зна
других — откуда ты э
ти короткие, уверен
ные, честные.
Как термометр и
Один говорит — р
ребро (почему живое
гда разве термомет
узнаешь.
Сказка про
ный шутл

Простой рассказ о том, что в деревне был мужик, который ни одной собаки не боялся, и что побился он раз об заклад и злого как волк пса взял на руки и понес, словно теленка, — превращается в эпос. И как на свадьбе один бабой переоделся и никто не узнал. И как мужик искал украденную лошадь.

Немного заботливого отношения, и быть может, на эстрадах появятся сказочники в сермягах и научат нас рассказывать детям так, чтобы они нас слушали. Заботиться надо, а мы все хотим запрещать.

97. А это правда?

Надо понять суть этого вопроса, который мы не любим и считаем лишним.

Если мама или учительница говорили, значит, это правда.

Ан нет! Ребенок уже убедился, что каждый человек обладает лишь частью знания и, например, кучер знает о лошадях даже больше, чем папа. А потом ведь не всякий скажет, хотя и знает. Порой просто не хотят, иногда подгоняют правду под детский уровень, часто утаивают или сознательно искажают.

Кроме знания, есть также вера; один верит, а другой нет; бабушка верит в сны, а мама не верит. Кто прав?

Наконец, ложь-шутка и ложь-похвальба.

— Правда ли, что земля — шар?

Все говорят, что правда. Но если кто-нибудь один скажет, что неправда, останется тень сомнения.

— Вот вы были в Италии; правда это, что Италия как сапог?

Ребенок хочет знать, сам ли ты видел или знаешь от других — откуда ты это знаешь; хочет, чтобы ответы были короткие, уверенные, понятные, одинаковые, серьезные, честные.

Как термометр измеряет температуру?

Один говорит — ртуть, другой говорит — живое серебро (почему живое?), третий — что тела расширяются (а разве термометр тело!), а четвертый — что после узнаешь.

Сказка про аиста обижает и сердит детей, как каждый шутливый ответ на серьезный вопрос, неважно,

будь это «откуда берутся дети?» или «почему собака лает на кошку?»

«Не хотите, не помогайте, но зачем мешаете, зачем насмехаетесь надо мной, что хочу знать?»

Ребенок, мстя товарищу, говорит:

— Я что-то знаю, но раз ты такой, я тебе не скажу.

Да, он в наказание не скажет, а вот взрослые за что ребенка наказывают?

Привожу еще несколько детских вопросов:

«Этого никто на свете не знает? Этого нельзя знать? А кто это сказал? Все или только он один? А это всегда так? А это обязательно так должно быть?»

98. Можно?

Не позволяют, потому что грешно, нездорово, некрасиво, потому что он слишком мал, потому что не позволяют, и конец.

И тут не все ясно и просто. Подчас что-нибудь вредно, когда мама сердится, а подчас позволят и малышу, раз отец в хорошем настроении или гости.

— Почему запрещают, чем бы это им помешало!

К счастью, рекомендуемая теорией последовательность на практике неосуществима. Ну как вы хотите ввести ребенка в жизнь с убеждением, что все правильно, справедливо, разумно мотивировано и неизменно? Теоретизируя, мы забываем, что обязаны учить ребенка не только ценить правду, но и распознавать ложь, не только любить, но и ненавидеть, не только уважать, но и презирать, не только соглашаться, но и возмущаться, не только подчиняться, но и бунтовать.

Часто мы встречаем зрелых уже людей, которые возмущаются, когда достаточно пренебречь, и презирают, где следует проявить участие. В области негативных чувств мы самоучки; обучая азбуке жизни, взрослые учат нас лишь нескольким буквам, а остальные утаивают. Удивительно ли, что мы читаем неправильно!

Ребенок чувствует свою неволю, страдает из-за окон, тоскует по свободе, но ему ее не найти, потому что форма воспитания меняется, а содержание — запрет и принуждение — остается. Мы не можем изменить свою жизнь взрослых, так как мы воспитаны в рабстве, мы не можем д...

...х скандалах.

Если я выкину из во...
...ни отягощает мое дит...
...ние и у ровесников и...
...кладывать новый путь...
...не явятся ли для него...
Как мучительно распл...
...тах вольные птицы се...
...лет относительной сво...
...ской...

Я писал эту книгу...
...пушек, во время войны...

101. Второй период...
...я могу сказать опреде...
...ствует, я назвал бы шко...
...вание, незнание, отступ...
...которые пускает в обо...
...профанов, что она...
...складываться.

Школьная неуравно...
...ия между младенче...
...период созревания.

Физически это измен...
...ие, аппетите, понижен...
...ие, проявление скрыты...
...ие самочувствие.

Психически это чувст...
...ая, враждебное отноше...
...ложенность к моральн...
...тех склонностей против...
...«Что с ним случилось...
...листика, которую дае...
...я иногда:
...я думала, это капр...
...а, а он, видно, уже...
...Для матери тех...
...тических из...

стве, мы не можем дать ребенку свободу, пока сами мы в кандалах.

Если я выкину из воспитания все, что прежде времени отягощает мое дитя, оно встретит суровое осуждение и у ровесников и у взрослых. Необходимость прокладывать новый путь, трудность пути против течения не явятся ли для него еще более тяжким бременем? Как мучительно расплачиваются в школьных интернатах вольные птицы сельских усадеб за эти несколько лет относительной свободы в поле, в конюшне и в людской...

Я писал эту книгу в полевом госпитале под грохот пушек, во время войны; одной терпимости было мало.

• • •

101. Второй период неуравновешенности, о котором я могу сказать определенно лишь то, что он существует, я назвал бы школьным. Название это — увиливание, незнание, отступное, одна из многих этикеток, которые пускает в оборот наука, создавая видимость у профанов, что она знает, тогда как еле начинает догадываться.

Школьная неуравновешенность — не перелом на грани между младенчеством и первым детством и не период созревания.

Физически это изменение к худшему во внешности, сне, аппетите, пониженная сопротивляемость болезням, проявление скрытых наследственных изъянов, плохое самочувствие.

Психически это чувство одиночества, душевный разлад, враждебное отношение к окружающим, предрасположенность к моральным инфекциям, бунт врожденных склонностей против навязываемого воспитания.

«Что с ним случилось? Я его не узнаю», — вот характеристика, которую дает мать.

А иногда:

«Я думала, это капризы, сердилась, выговаривала ему, а он, видно, уже давно болен».

Для матери тесная связь замеченных физических и психических изменений неожиданна:

«А я это приписывала плохому влиянию товарищей».

Да, но отчего среди многих детей он выбрал плохих, отчего они так легко нашли отклик, оказали влияние?

Ребенок, с болью отрываясь от самых близких, слабо еще сросшись с ребячьим обществом, тем сильнее обижается, что ему не хотят помочь, что не с кем посоветоваться, не к кому приласкаться.

Когда встречаешь эти небольшие изменения в интернате со значительным числом ребят, когда из сотни ребят сегодня один, завтра другой «портится», делается вдруг ленивым, неуклюжим, сонным, капризным, раздражительным, недисциплинированным и лживым, чтобы через год опять выравняться, «исправиться», трудно сомневаться в том, что эти массовые перемены связаны с процессом роста, известное знание законов которого дают объективные и беспристрастные измерительные приборы: весы и ростомер.

Предчувствую минуту, когда весы, ростомер и, может быть, другие изобретенные человеческим гением приборы станут сейсмографом скрытых сил организма и позволят не только опознавать, но и предвидеть.

102. Неправда, что ребенку подавай то стекло из окошка, то звезду с неба, что его можно подкупить подачками и уступками, что он врожденный анархист. Нет, у ребенка есть чувство долга, не навязываемое извне, любит он и расписание, и порядок и не отказывается от обязанностей и соблюдения правил. Требует лишь, чтобы ярмо не было слишком тяжелым, не натирало холку и чтобы он встречал понимание, когда не устоит, поскользнется или, обессилев, остановится перевести дух.

«Давай попробуй, а мы проверим, поднимешь ли, сколько шагов сделаешь с таким грузом и одолеешь ли столько ежедневно» — вот основное правило ортофрении.

Ребенок хочет, чтобы с ним обходились серьезно, требует доверия, советов и указаний. Мы же относимся к нему шутливо, безустанно подозреваем, отталкиваем непониманием, отказываем в помощи.

Мать, придя к врачу на консультацию, не хочет приводить фактов, предпочитает общую форму:

— Нервная, капри
— Факты, многоу
— Укусила подруг
любит ее, всегда с не
Пятиминутная бес
другу, которая смеется
назвала тряпичницей.
Другой пример: ре
те, мысль о приближа
чанне.
— Почему же ты
— А вот именно
Мать не посчитал
бонтся.

Потрясающе одино
страдании.
103. Положительн
тельье. Даже нервны
ными. Возвращаются
ления жизненных фун
и послушание, и хорош
кому вопросов, капри
хозяльны. Ребенок в
семьи и среды, польз
требует больше того
вывалять те из взгляд
со примут.
Школа с ее прочны
жизнью, распорядком
поражениями и побед
жение его жизни. Фа
подлое копание.
Ребенок теперь уж
порядке, что есть
справедливость и нес
ть. Не понимает
концов, до
ению.

— Нервная, капризная, непослушная.

— Факты, многоуважаемая, симптомы.

— Укусила подругу. Просто стыдно сказать. А ведь любит ее, всегда с ней играет.

Пятиминутная беседа с девочкой: ненавидит подругу, которая смеется над ней и ее платьями, а маму назвала тряпичницей.

Другой пример: ребенок боится спать один в комнате, мысль о приближающейся ночи приводит его в отчаяние.

— Почему же ты мне об этом не говорил?

— А вот именно что говорил.

Мать не посчиталась: стыдно, такой большой и боится.

. . .

Потрясающе одиноким может быть ребенок в своем страдании.

103. Положительный период — безмятежное затишье. Даже нервные дети делаются опять спокойными. Возвращаются детская живость, свежесть, гармония жизненных функций. Есть и уважение к старшим, и послушание, и хорошие манеры; нет вызывающих тревогу вопросов, капризов и выходок. Родители опять довольны. Ребенок внешне усваивает мировоззрение семьи и среды, пользуясь относительной свободой, не требует больше того, что получает, и остерегается выявлять те из взглядов, про которые знает, что их плохо примут.

Школа с ее прочными традициями, шумной и яркой жизнью, распорядком, требовательностью и заботами, поражениями и победами и друг-книжка — вот содержание его жизни. Факты не оставляют времени на бесплодное копание.

Ребенок теперь уже знает. Знает, что не все на свете в порядке, что есть и добро и зло, знание и незнание, справедливость и несправедливость, свобода и зависимость. Не понимает, так не понимает, какое ему, в конце концов, до этого дело? Он смиряется и плывет по течению.

Требуют, чтобы был примерным, веселым, наивным и благодарным родителям? Пожалуйста, к вашим услугам!

«С удовольствием, спасибо, простите, мамочка кланяется, желаю от всего сердца (а не от половинки)» — так это просто, легко, а приносит похвалу, обеспечивает покой.

Знает, когда, к кому и как и с какой обратиться просьбой, как половчее вывернуться из неприятного положения, как, кому и чем угодить, надо лишь взвесить, «стоит ли?».

Хорошее душевное самочувствие и физическое благополучие делают его снисходительным и склонным к уступкам: родители по существу добряки, мир вообще симпатяга, жизнь, опуская мелочи, прекрасна.

Этот этап, который может быть использован родителями для подготовки и себя, и ребенка к ожидающим их новым задачам, — время наивного покоя и беспечного отдыха.

«Помог ли мышьяк или железо, хорошая учительница, каток, пребывание на даче, исповедь, материнские наставления».

И родители и ребенок тешат себя иллюзией, что уже столковались, преодолели трудности, тогда как столь же важная, как и рост, но наименее покорная современному человеку функция размножения начнет вскоре трагично осложнять все еще длящуюся функцию развития индивидуума — смутит душу и пойдет в атаку на тело.

104. И опять лишь старание обойти правду, маленькое облегчение в понимании этой правды и опасность ошибиться, что постиг истину, когда она лишь еле вырисовывается.

И период неустойчивости и уравновешенности — не объяснение явления, а лишь его популярное название. Тайны разгаданные мы пишем, как объективные математические формулы; другие же, перед которыми беспомощно остановились, пугают нас и сердят. Пожар, наводнение, град — катастрофы, но лишь с точки зрения наносимых убытков; мы организуем пожарную ох-

рану, строим плотины, страхуем, оберегаем. К весне и к осени мы приспособились. С человеком же боремся безрезультатно, ибо, не зная его, не умеем согласовать наши жизни.

Сто дней ведут к весне. Еще нет ни единой былинки, ни единой почки, а в земле и в корнях уже чувствуется наказ весны, которая таится в укрытии, пульсируя, выжидая, крепчая под снегом, в нагих ветвях, в морозном вихре, чтобы вдруг вспыхнуть расцветом. Лишь поверхностное наблюдение видит непорядок в изменчивой мартовской погоде — там, в глубине, есть что-то, что логично с часу на час зреет, накапливается, строится в ряды; только мы не обособляем железного закона астрономического года от его случайных мимолетных скрещений с законами, менее известными или даже вовсе не известными.

Нет пограничных столбов между разными периодами жизни, это мы ставим их, так же как раскрасили в разные цвета карту мира, установив искусственные границы государств и меняя их каждые несколько лет.

«Он из этого вырастет, это переходный возраст, это еще изменится» — и воспитатель ждет со снисходительной улыбкой, вывезет же счастливый случай!

Каждый исследователь любит свой труд за муки поисков и упоение битвы, но добросовестный и ненавидит его — из страха перед ошибками, которыми он чреват, и лживостью результатов, к которым приводит.

Каждый ребенок переживает периоды стариковской усталости и бурлящей полноты жизненной деятельности, но это не значит, что следует уступать и оберегать, не значит, что следует перебарывать и закалять. Сердце не поспевает за ростом, стало быть, дать ему покой? или, может быть, побуждать к более живой деятельности, чтобы окрепло? Эту проблему можно решить лишь для данного случая и момента; надо, однако, чтобы мы завоевали расположение ребенка, а он заслуживал доверия.

А прежде всего надо, чтобы знание знало.

105. Надо подвергнуть коренному пересмотру все то, что мы приписываем сегодня периоду созревания, с которым мы серьезно считаемся, и правильно, что

считаемся, только не преувеличенно ли, не односторонне ли, а главное, дифференцируя ли обусловливающие его факторы? Не позволило ли бы знакомство с предыдущими этапами развития объективнее присмотреться к этому новому, но одному из многих, периоду детской неуравновешенности (который обладает общими с ними чертами), лишая его нездоровой, таинственной исключительности? Не обрядили ли мы (несколько искусственно) созревающую молодежь в мундир неуравновешенности и беспокойства, так же как детей — в мундир душевной ясности и беззаботности, и не поддалась ли она внушению? Не повлияла ли наша беспомощность на бурность процесса? Не слишком ли много о пробуждающейся жизни, заре, весне, порывах и мало фактических данных?

Что перевешивает: явление общего буйного роста или развитие отдельных органов? Что зависит от изменений в кровеносной системе, сердце и сосудах и от недостаточного или качественно измененного окисления и питания тканей мозга и что от развития желез?

Если некоторые явления сеют панику среди молодежи, больно раня и собирая богатую жатву жертв, ломая ряды и сокрушая, — это не потому, что так должно быть, а потому, что так бывает в теперешних социальных условиях, где все благоприятствует данному ходу вещей на данном отрезке жизненной орбиты.

Легко поддается панике усталый солдат; еще легче, когда с недоверием смотрит на начальство или подозревает измену; еще легче, когда, раздираемый беспокойством, не знает, где он, что перед ним, с боков и за ним; но легче всего, когда атака обрушивается нежданно-негаданно. Одиночество благоприятствует панике, сомкнутый строй, плечом к плечу, крепит спокойную отвагу.

Утомленная ростом, одинокая, блуждающая без разумного руководства в лабиринте жизненных проблем молодежь вдруг сталкивается с врагом, будучи слишком высокого мнения о его сокрушительной мощи, не зная, откуда он взялся и как укрыться и оборониться.

Еще один вопрос:

Не смешиваем ли мы патологии периода созревания с физиологией, не обоснован ли наш взгляд врачами, видящими лишь maturitas difficilis, созревание трудное, ненормальное? Не повторяем ли мы ошибок столетней давности, когда все нежелательные явления у детей до трех лет приписывались прорезыванию зубов? Быть может, то, что осталось нынче от легенды про «зубки», останется через сто лет и от легенды о половом созревании».

106. Исследования Фрейда сексуальной жизни детей запятнали детство, но не очистили ли тем самым юность? Любимая иллюзия о непорочной чистоте ребенка рассеялась и помогла рассеяться другой, но уже мучительной иллюзии: вдруг «в нем проснется животное и утопит в клоаке». Я привел это ходовое выражение, чтобы тем сильнее подчеркнуть, как фаталистичен наш взгляд на эволюцию полового влечения, которое связано с жизнью как и рост.

Нет, не позорное пятно — этот туман эротических ощущений, которым лишь осознанная или безотчетная развращенность придает преждевременно определенную форму; не позорное пятно и то смутное «что-то», которое постепенно, в течение ряда лет, все более явно окрашивает чувства двух полов, чтобы с наступлением зрелости полового влечения и полной зрелости половых органов привести к зачатию нового существа, преемника ряда поколений.

Половая зрелость: организм готов без вреда для себя дать здорового потомка.

Зрелость полового влечения: четко оформившееся желание нормального совокупления с индивидом другого пола.

У юношей половая жизнь начинается иногда даже раньше, чем созреет влечение; у девушек осложняется в зависимости от замужества или изнасилования.

Трудная проблема, но тем неразумнее беспечность, когда дитя ничего не знает, и недовольство, когда о чем-то догадывается.

Не затем ли мы грубо отталкиваем его всякий раз, когда его вопрос вторгается в запретную область, чтобы не отваживался обращаться к нам в будущем,

...да начнет не только предчувствовать, но и чувствовать!

107. Любовь. Ее арендовало искусство, приделало крылья, а поверх них натянуло смирительную рубашку, попеременно преклоняло колени и давало в морду, сажало на трон и велело на перекрестке завлекать прохожих — совершало тысячи нелепостей обожания и посрамления. А лысая наука, нацепив на нос очки, тогда признавала ее достойной внимания, когда могла изучать ее гнойники. Физиология любви имеет одностороннее назначение: «служить сохранению вида». Маловато? Бедновато! Астрономия знает больше, чем то, что солнце светит и греет.

И вышло, что любовь в общем грязна и сумасбродна и всегда подозрительна и смешна. Достойна уважения лишь привязанность, которая всегда приходит после совместного рождения законного ребенка.

Поэтому мы смеемся, когда шестилетний мальчуган отдает девочке половинку своего пирожного; смеемся, когда девочка вспыхивает в ответ на поклон соученика. Смеемся, подкараулив школьника, когда он любуется «ее» фотографией; смеемся, что кинулась отворить дверь репетитору брата.

Но морщим лоб, когда он и она как-то слишком тихо играют или, борясь, повалились запыхавшись на пол. Но впадаем в гнев, когда любовь сына или дочки расстраивает наши планы.

Смеемся, ибо далека, хмуримся, ибо приближается, возмущаемся, когда опрокидывает расчеты. Раним детей насмешками и подозрениями, бесчестим чувство, не сулящее нам дохода.

Поэтому дети прячутся, не любят друг друга.

Он любит ее за то, что она не такая маленькая дочка, как все, веселая, не ссорится, носит распущенные волосы, что у нее нет отца, что какая-то такая славная.

Она любит его за то, что не такой, как все мальчики, не хулиган, за то, что смешной, что у него светятся глаза, красивое имя, что какой-то такой славный.

...Причутся и любят друг друга.

Он любит ее за то, что похожа на ангела с картины

в боковом крыле алтар
ходил на одну улицу по
Она любит его за то
при единственном усло
в одной с ней комнате.
только в руку, а раз —
...Испытывают все чу
грубо заподозренного,
«Вместо того, чтобы
бы ты... Вместо того, чт
голову, лучше бы ты...»
Почему выследили и
Разве это плохо, что
влюблены, а просто оче
Даже больше, чем родит
дешево?
А случись кому умер
здоровья для всех!
Любовь в период со
ковым. Одни влюбляют
детском возрасте издева
— Она твоя милка?
И мальчик, желая уб
подставляет ей ногу или
Выбивая из головы п
Сознаем ли мы тем са
ет!

110. Следует помнить
лей и зол потому, что
снисходительно, а р
ислена и мелочна.
Было бы ошибкой счи
бежать трудностей.
тягивая, должен подав
должен обуздывать дет
дисциплины, чужде
готовка, опыт, дух
тяжкому и
понимо

в боковом крыле алтаря, что она чистая, а он нарочно ходил на одну улицу посмотреть на «такую» у ворот.

Она любит его за то, что согласился бы жениться при единственном условии: никогда не раздеваться в одной с ней комнате. Целовал бы ее два раза в год только в руку, а раз — по-настоящему.

...Испытывают все чувства любви, кроме одного, грубо заподозренного, что звучит в резком:

«Вместо того, чтобы романами заниматься, лучше бы ты... Вместо того, чтобы забивать себе любовью голову, лучше бы ты...»

Почему выследили и травят?

Разве это плохо, что они влюблены? И даже не влюблены, а просто очень, очень любят друг друга? Даже больше, чем родителей? А быть может, это-то и грешно?

А случись кому умереть?.. Боже, но ведь я прошу здоровья для всех!

Любовь в период созревания не является чем-то новым. Одни влюбляются еще детьми, другие еще в детском возрасте издеваются над любовью.

— Она твоя милка? Она уже тебе показала?

И мальчик, желая убедить, что у него нет милки, подставляет ей ногу или больно дергает за косу.

Выбивая из головы преждевременную любовь, не вбиваем ли мы тем самым преждевременный разврат?

* * *

110. Следует помнить, что ребенок недисциплинирован и зол потому, что страдает. Мирное благополучие снисходительно, а раздражительная усталость агрессивна и мелочна.

Было бы ошибкой считать, что понять — это значит избежать трудностей. Сколько раз воспитатель, сочувствуя, должен подавлять в себе доброе чувство; должен обуздывать детские выходки ради поддержания дисциплины, чуждой его духу. Большая научная подготовка, опыт, душевное равновесие подвергаются здесь тяжкому испытанию.

«Я понимаю и прощаю, но люди, мир не простят».

«На улице ты должен вести себя прилично — уметь сдерживать слишком бурные проявления веселья, не давать воли гневу, воздерживаться от замечаний и осуждения, оказывать уважение старшим».

Даже при наличии доброй воли и стараний понять бывает трудно, тяжело; а всегда ли встречает ребенок в отчем доме беспристрастное отношение?

Его 16 лет — это родительских сорок с лишним, возраст печальных размышлений, подчас последний протест собственной жизни, минуты, когда баланс прошлого показывает явную недостачу.

— Что я имею в жизни? — говорит ребенок.

— А я что имела?

Предчувствие говорит нам, что и он не выиграет в лотерее жизни, но мы уже проиграли, а у него есть надежда, и ради этой призрачной надежды он рвется в будущее, не замечая — равнодушный, — что нас хоронит.

Помните, когда вас разбудил рано утром лепет ребенка? Тогда вы заплатили себе за труды поцелуем. Да, да, за пряник мы получали сокровища признательной улыбки. Пинетки, чепчик, слюнявчик — так все это было дешево, мило, ново, забавно. А теперь все дорого, быстро рвется, а взамен ничего, даже доброго слова не скажет... А сколько сносит подметок в погоне за идеалом и как быстро вырастает из одежды, не желая носить на рост!

— На тебе на мелкие расходы...

Ему надо развлечься, есть у него и свои небольшие потребности. Но принимает сухо, принужденно, словно милостыню от врага.

Горе ребенка отзывается на родителях, страдания родителей необдуманно бьют по ребенку. Раз конфликт так силен, насколько он был бы сильнее, если бы ребенок вопреки нашей воле, сам, своим одиночным усилием не подготовил себя исподволь к тому, что мы не всемогущи, не всеведущи и не совершенны.

115. Юность благородна.
Если вы зовете это отвагой, когда ребенок не боит-

ся высунуться из окна пятого этажа; если вы зовете это добротой, когда ребенок подает хромому нищему золотые часы, которые мама оставила на столе; если вы зовете это преступлением, если ребенок кинул в брата ножом и выбил глаз, — хорошо, я согласен: молодежь благородна, не имея опыта в таких областях — широчайших, широтою в пол человеческой жизни, — как работа по найму, социальная иерархия и законы общества.

Люди неопытные считают, что можно проявлять дружелюбие или неприязнь, уважение или презрение, в зависимости от испытываемых чувств.

Люди неопытные считают, что можно добровольно завязывать и порывать отношения, мириться или не считаться с общепринятыми формами, соблюдать или нарушать правила общежития.

«А мне начхать, плевать, какое мне дело, и пусть себе говорят, не хочу, и баста, а мне-то что?»

Еле дух перевел, хоть отчасти вырвался из-под родительской власти, ан глядь, новые путы, эх-ма!

Потому, что кто-то богат или сиятелен, потому, что где-то кто-то может что-то подумать или сказать?

Кто из нас учит молодежь, какие компромиссы — жизненная необходимость, а какие можно избежать и какой ценой? Какие заставляют страдать, но не марают душу и какие развращают? Кто указывает границы, в которых лицемерие — приличие (вроде неплевания на пол и невытирания носа о скатерть), а не преступление?

Мы говорили ребенку: люди будут смеяться.

Надо теперь добавить: и заморят голодом.

Вы говорите: идеализм молодежи. Иллюзия, что всегда можно убедить и исправить.

А что вы делаете с этим благородством? Вырываете его у своих детей с корнем, отираясь сладострастно об идеализм, веселье, свободу безымянной «молодежи», как прежде о невинность, обаяние, любовь своих детей. И создается иллюзия, что идеал — такая же возрастная болезнь, как свинка или ветряная оспа — этакая невинная обязанность, вроде посещения картинной галереи во время свадебного путешествия.

...был Фарисом, Я видел Рубенса».
...ородство не может быть утренней мглой, оно
... лучей. Если нас на это еще не хватает, давайте
...ока воспитывать просто честных людей.

116. Счастлив автор, который, кончая свой труд, сознает, что сказал в нем то, что знал, вычитал и оценил согласно признанным образцам. Сдавая такой труд в печать, он испытывает чувство благостного удовлетворения, что дал жизнь зрелому жизнеспособному детищу. А бывает и иначе: автор не видит читателя, который требует от него рядовую науку с готовыми рецептами и указанием способа применения. Творческий процесс здесь иной: вслушивание в собственные не установленные и не доказанные внезапно рождающиеся мысли. Окончание труда — печальный итог, мучительное пробуждение. Каждая глава взирает с упреком: «Покинул, прежде чем закончил!» Последняя мысль в книге не завершает целого, а удивляет: «Как, уже? и больше ничего?»

Стало быть, дополнить? Это значило бы еще раз начать, отбросив то, что уже знаю, столкнуться с новыми проблемами, о которых лишь догадываюсь, написать новую книгу, равно не законченную.

* * *

Ребенок вносит в жизнь матери дивную песнь молчания. От количества часов, которые мать проводит подле него, когда он сам еще ничего не добивается, а живет, от мыслей, которыми трудолюбиво его окутывает, зависит ее содержание, программа, сила и творчество; мать в тихом созерцании зреет для вдохновения, которого требует труд воспитания.

Не из книжки, а из себя. Тогда каждая книжка падет в цене, а моя, если убедила в этом, выполнила свою задачу.

В мудром одиночестве бодрствуй...

ИНТЕРНАТ

1. Я желаю написать книгу о городском интернате, где под наблюдением небольшого числа воспита-

телей, в собственном здании, при немногочисленном техперсонале воспитывается сто человек сирот — мальчиков и девочек школьного возраста.

Эта тема не может похвастать богатой литературой. Обычно встречаются или труды исключительно по гигиене, или страстная критика самого принципа массового воспитания детей.

В роли воспитателя я узнал яркие и мрачные тайны интерната — спальни, умывалки, зала, столовой, двора, уборной. Я знаю детей в будничном домашнем платье, а не в парадной школьной форме.

Эта книга может заинтересовать не только воспитателя тюрьмы-казармы, какой является интернат, но и тюрьмы с одиночками, какими для современных детей являются семьи.

Как в интернате, так и в семье детей истязают; более энергичные пытаются обмануть надзор, вырваться из-под неусыпного контроля — упорно и безнадежно борются за свои права.

Боюсь, читатель захочет мне слепо поверить, тогда эта книга принесет ему вред. Поэтому предупреждаю: путь, который я избрал, стремясь к своей цели, ни самый короткий, ни самый удобный, но для меня самый лучший, раз это мой — собственный — путь. Я нашел его не без труда, не без мук и лишь когда понял, что все прочитанные книги — чужой опыт и чужие мнения — лгали.

Издатели печатают подчас золотые мысли великих людей; насколько было бы полезнее составить собрание ложных высказываний классиков правды и знания. Руссо начинает своего «Эмиля» фразой, которую опровергает вся современная наука о наследственности.

2. Книга эта должна быть как можно короче, потому что я предназначаю ее в первую очередь моему юному товарищу, который попал в круговорот труднейших педагогических проблем, сложнейших жизненных обстоятельств и, ошеломленный и огорченный, взывает о помощи.

У бедняги нет времени на учебу. Ночью его два раза будили: у ребенка болел зуб, ребенок заплакал —

пришлось утешать и лечить. Едва воспитатель уснул, будит второй; этому приснился страшный сон: мертвецы, разбойники... хотели убить, бросили в реку; воспитатель опять успокаивает, убаюкивает...

Человек сонный не может читать на ночь толстых педагогических трудов, у него слипаются глаза, а если он не выспится, то станет раздражаться, выходить из себя и не сможет проводить в жизнь спасительные идеи ученой книги. Я буду краток, чтобы не лишать воспитателя его ночного отдыха.

3. Днем у него нет времени на учебу. Только он сел за книжку, подходит ребенок с жалобой, что он писал, а его подтолкнули и вышла клякса и теперь он не знает, то ли начать все сначала, то ли оставить так, то ли вырвать страницу. Другой ребенок хромает: в башмаке гвоздь, не может ходить. Третий спрашивает, можно ли взять домино. Четвертый просит ключ от шкафа. Пятый подает носовой платок: «Нашел вот, а чей — не знаю». Шестой дает на хранение четыре гроша, которые получил от тетки. Седьмой прибегает за платком: «Это мой платок, я его только на минутку положил на окно, а он уже взял!»

Там, в углу, маленький недотепушка играет ножницами — насорит, порежется — кто ему их дал? Посредине комнаты горячий спор, готовый перейти в драку, — надо вмешаться. Тот, у кого вчера болел зуб, носится теперь как угорелый и, того гляди, опять кого-нибудь подтолкнет или опрокинет чернила, а ночью снова, может быть, у него разболится зуб?

Воспитатель должен очень захотеть, чтобы одолеть хотя бы маленькую книжку.

4. Но он не очень хочет, потому что не верит. Любой автор с помощью многочисленных цитат докажет свою ученость. Еще раз повторит то, что общеизвестно. Все те же благочестивые пожелания, согревающая душу ложь, невыполнимые советы: «Воспитатель обязан... обязан... обязан...» А в конечном счете, во всех мелких и важных делах воспитатель вынужден поступать, как знает и как умеет, а главное — как может.

— Это хорошо в теории, — печально утешает себя воспитатель.

И испытывает неприязнь к автору за то, что тот, сидя в тишине, за удобным письменным столом, диктует предписания, не обязанный сам непосредственно соприкасаться с подвижной, крикливой, надоедливой, непослушной оравой, рабом которой становится каждый, кто не хочет быть ее тираном, и из которой то один, то другой так основательно отравляют тебе изо дня в день жизнь, что с трудом скрашивают остальные.

К чему дразнить его миражем глубоких знаний, серьезных задач, высоких идеалов, когда он есть и должен остаться педагогической золушкой и батраком?

5. Он чувствует, что утрачивает энтузиазм, который возникал в нем самопроизвольно, независимо от чьих-либо приказов. Раньше его тешила мысль, что вот, мол, он организует игру, приготовит детям сюрприз. Он желал внести новую радостную струю в серую однообразную жизнь интерната. А теперь доволен, если отметит у себя «все по-старому». Если никого не рвало, не били стекол и сам он не получил нагоняя, значит, день прошел хорошо.

Он утрачивает энергию: на мелкие проступки смотрит сквозь пальцы, старается меньше замечать, меньше знать — только самое необходимое.

Утрачивает инициативу: раньше, когда он получал конфеты, игрушки, у него сразу уже был план, как их лучше всего использовать. Теперь он быстро раздает лакомства: пускай уж поскорее съедят, а то опять не оберешься ссор, жалоб, претензий. Новая мебель или вещь — значит, опять надо смотреть, следить, как бы не сломали, не попортили. Какие-нибудь цветы на окно, картинка на стену — сколько всего можно сделать, а он не знает, не хочет или не может. И просто уже не замечает.

Теряет веру в себя. Раньше дня не пройдет, чтобы он не подметил что-нибудь новое в детях или в себе. И дети к нему льнули, а теперь сторонятся. Да и любит ли он их еще? Бывает резок, иногда груб.

Может быть, он станет скоро похож на тех воспита-

улей, для кого хотел быть примером и к кому питал
приязнь за их холодность, пассивность и недоброже-
лательность?

6. Он в обиде на себя, на окружающих, на детей.

Неделю тому назад он получил письмо: больна сестра. Ребята узнали и отнеслись к его горю с уважением: легли спать тихо. Он был благодарен им.

А назавтра поступил новый воспитанник. Ребята вы-
манили у него все привезенные из дома конфеты, и
поиздевались, и картинки, пригрозив, что, если пожалуется,
изобьют, а участие в этой грязной истории принимали
и те, кого он считал честными.

Ребенок бросится, обнимет ему ручонки на шею, скажет «люблю» и попросит новое платье.

Ведь тот же самый ребенок то умиляет тебя необыкновенным тактом, глубиной чувств, то оттолкнет хищным двуличием.

То «я хочу, я должен, я обязан», а то безнадежное «да стоит ли?».

Теоретические посылки и личный каждодневный опыт так смешались, что воспитатель потерял нить и, чем дольше думает, тем меньше понимает.

7. Он не понимает, что вокруг него происходит.

Старается свести наказы и запреты к самым необходимым, дает детям свободу — недовольные, дети требуют еще.

Хочет вникнуть во все их заботы. Подходит к парнишке, который против обыкновения стоит в сторонке, тихий и равнодушный. «Что с тобой? Почему ты такой грустный?» — «Ничего... я не грустный», — отвечает он неохотно. Воспитатель хочет погладить его по голове — мальчик резко отстраняется.

Вот оживленно беседует кучка ребят. Воспитатель подходит — молчание. «О чем говорили?» — «Ни о чем».

Ему кажется, дети его любят. И знает, что над ним смеются. Доверяют ему — и всегда что-нибудь да скроют. Как будто его словам верят, а охотно прислушиваются к сплетням.

Воспитатель не понимает, не знает ребят — чуждых, враждебных. Плохо ему.

А ты лучше порадуйся, о воспитатель! Ты уже отбрасываешь предвзятое сентиментальное представление о детях. Ты уже знаешь, что ты не знаешь. Это не так, как ты думал, значит, как-то по-другому. Сам того не понимая, ты уже на правильном пути. Сбился? Помни, блуждать в огромном лесу жизни — не зазорно. Даже плутая, гляди по сторонам с интересом и увидишь мозаику прекрасных образов. Страдаешь? Истина рождается в муках.

8. Будь самим собой, ищи собственный путь. Познай себя прежде, чем захочешь познать детей. Прежде чем намечать круг их прав и обязанностей, отдай себе отчет в том, на что ты способен сам. Ты сам тот ребенок, которого должен раньше чем других узнать, воспитать, научить.

Одна из грубейших ошибок считать, что педагогика является наукой о ребенке, а не о человеке.

Вспыльчивый ребенок, не помня себя, ударил; взрослый, не помня себя, убил. У простодушного ребенка выманили игрушку; у взрослого — подпись на векселе. Легкомысленный ребенок за десятку, данную ему на тетрадь, купил конфет; взрослый проиграл в карты все свое состояние. Детей нет — есть люди, но с иными влечениями, иной игрой чувств. Помни, что мы их не знаем.

Не достигшие зрелости!

Спроси старика, он тебя и в сорок лет считает не созревшим. Да что там, целые классы общества не созрели, не вошли в силу. Целые народы нуждаются в опеке, они тоже не достигли зрелости, у них нет пушек!

Будь самим собой и присматривайся к детям тогда, когда они могут быть самими собой. Присматривайся, но не предъявляй требований. Тебе не заставить живого, задорного ребенка стать сосредоточенным и тихим; недоверчивый и угрюмый не сделается общительным и откровенным; самолюбивый и своевольный не станет кротким и покорным.

А ты сам?

Если ты не обладаешь внушительной осанкой и здоровыми легкими, ты напрасно будешь призывать гал-

ребят к порядку. Но у тебя добрая улыбка и ...телливый взгляд. Не говори ничего; может быть, ...ни сами успокоятся? Дети ищут свой путь.

Не требуй от себя, чтобы ты уже сразу был степенным, зрелым воспитателем с психологической бухгалтерией в душе и педагогическим кодексом в голове. У тебя есть чудесный союзник — волшебная молодость, а ты призываешь брюзгу — дряхлый опыт.

9. Не то, что должно быть, а то, что может быть.

Ты хочешь, чтобы дети тебя любили, а сам — обязанный добросовестно выполнять предписанную работу — должен втискивать их в душные формы современной жизни, современного лицемерия, современного насилия. Дети этого не хотят, они защищаются и должны быть на тебя в обиде.

Ты хочешь, чтобы они были искренни и хорошо воспитаны, тогда как формы светской жизни — лживы и искренность — это дерзость. Знаешь, что думал мальчик, которого ты вчера спрашивал, почему он грустный? Он подумал: «Да отстань ты от меня». Он уже не искренний, не сказал, что думает, а только недовольно отстранился — и даже это тебя задело.

Жаловаться не положено, ябедничать нехорошо — а как же постичь их дела, страдания, грехи?

Не наказывать, не награждать. А должны быть и режим и сигнал, которого дети слушались бы. По звонку все должны собраться к обеду. Ну, а если опоздают, не придут, не захотят прийти?

Ты должен быть для них образцом, а куда ты денешь свои пороки, недостатки и смешные стороны? Попробуешь скрыть. Наверное, тебе это удастся: ведь чем старательней ты будешь скрывать, тем старательней дети станут притворяться, что не видят, не знают, и потешаться над тобой, только самым тихим шепотом.

Трудно тебе, даже очень трудно — согласен! Но трудности есть у каждого, а вот разрешать их можно по-разному. Ответ будет лишь относительно точен. Ведь жизнь-то задачник по арифметике, где ответ всегда один, а способов решения самое большее два.

10. Обеспечить детям свободу гармонического раз-

вития всех духовных сил, высвободить всю полноту скрытых возможностей, воспитать в уважении к добру, к красоте, к свободе... Наивный, попробуй! Общество тебе дало маленького дикаря, чтобы ты его обтесал, выдрессировал, сделал удобоваримым, и ждет. Ждут государство, церковь, будущий работодатель. Требуют, ждут, следят. Государство требует официального патриотизма, церковь — догматической веры, работодатель — честности, а все они — посредственности и смирения. Слишком сильного сломает, тихого затрет, двуличного порой подкупит, бедному всегда отрежет дорогу — кто? Да никто — жизнь!

Ты полагаешь, ребенок — это пустяки, сирота-лтенец, выпавший из гнезда, умри он и никто не заметит, порастет могилка травой? Попробуй испытай, и ты убедишься, что это не так, и заплачешь. Прочти историю приюта Прево* в свободной республиканской Франции.

Ребенок имеет право желать, домогаться, требовать, имеет право расти и созревать, а достигнув зрелости, приносить плоды. А цель воспитания: не шуметь, не рвать башмаки, слушаться и выполнять приказания, не критиковать, а верить, что все они ему во благо.

Нет, заповедь: люби ближнего своего — это гармония, простор, свобода. Глянь вокруг — улыбнись!

11. Новый воспитанник.

Ты его остриг, обрезал ему ногти, вымыл, переодел, и вот он уже похож на всех.

Он уже даже умеет кланяться, не говорит «я хочу», а «пожалуйста», знает, что, когда входит кто-нибудь чужой, надо поздороваться. Он уже на школьном вечере прочитает стишок, вытрет грязные ноги; не плюнет на пол, пользуется носовым платком.

Не обольщайся, что ты вычеркнул из его памяти тяжелые воспоминания, дурные влияния, горький опыт. Эти чистые и чисто одетые дети долго еще останутся душевно смятыми, облинявшими, больными; есть нечистые раны, которые приходится терпеливо лечить месяцами, да и то еще остаются рубцы, всегда готовые опять загноиться.

Интернат для сирот — это клиника, где встречаются
[illegible] недомогания души и тела при слабой сопро-
тивляемости организма, где отягощенная наследствен-
ность мешает, задерживает выздоровление. И если ин-
тернат не будет моральным курортом, есть угроза,
что он станет очагом заразы.

Ты запер двери интерната на все запоры, но тебе не
сделать так, чтобы не просачивался вредный уличный
шепот, чтобы не врывались непрофильтрованные сви-
репые голоса, которых не заглушить моральному пес-
нопению. Воспитатель может опустить глаза и притво-
риться, что не знает, то тем пагубнее будет их влияние
на детей.

12. Ты говоришь: я иду на компромиссы, прини-
маю тот детский материал, который дает жизнь, и
склоняю голову перед неизбежными условиями рабо-
ты, хотя они и очень тяжелы, но требую свободы в де-
талях и помощи и облегчений в самой технике ра-
боты.

Наивный, ты ничего не можешь требовать.

Начальник поставит тебе в упрек, что на полу валя-
ются бумажки, что маленький увалень набил себе шиш-
ку, что фартучки недостаточно чистые, а постели недо-
статочно гладко застланы.

Ты хочешь удалить ребенка из интерната, считая
это необходимым для блага остальных. Тебя просят не
исключать: а может, исправиться?

В комнатах холодно, у большинства твоих анемич-
ных детей поморожены пальцы. Уголь, тепло дороги,
но ведь холод заставляет детей свертываться и физи-
чески и духовно. «Нет, надо детей закалять».

Ты удивляешься, что из двух яиц выходит неполная
ложка яичницы. Ты слышишь грубый ответ, что это не
твое дело.

Твой товарищ по работе, наверное, знал, где ключ от
шкафа, может быть, сам спрятал и нарочно заставил
искать. По вечерам он уходит, оставляя спальню без
присмотра, но «не позволит лезть не в свое дело» —
в его спальню, к его ребятам.

Деспотический каприз и неосведомленность на-
чальства, нечестность администрации, недоброжела-

тельность и недобросовестность товарища по работе. Добавь: грубость техперсонала, скандал с прачкой из-за утерянной якобы тобой простыни, с кухаркой из-за подгоревшего молока, со сторожем из-за натоптанной лестницы.

Если воспитателю удается найти более приличные условия работы, его счастье. Если же именно такие, пусть не удивляется и не возмущается, а трезво рассчитывает свои силы и энергию на более длительный срок, чем несколько первых месяцев.

13. Интернат с высоты птичьего полета.

Гомон, движение, юность, веселье.

Этакое славненькое государство наивных маленьких человечков.

Сколько детей, а так чисто.

Гармония форменной одежды, ритм хорового пения.

Сигнал — и все умолкают. Молитва — ребята садятся за стол. Ни драк, ни ссор.

Мелькнет славная мордашка, блеснут веселые глазки. Этакая бедненькая крохотулька.

Воспитатель добрый, спокойный. Кто-то подбежал с вопросом — ответил. Шутливо погрозил кому-то пальцем — тот понял и послушался. Кучка самых преданных окружает вас тесным кольцом.

— Вам тут хорошо?

— Хорошо.

— Вы любите своего воспитателя?

Кокетливо потупившись, улыбаются.

— Некрасиво не отвечать, когда вас спрашивают. Любите?

— Любим.

Приятный труд, благородная задача. Малые заботы, незначительные потребности — детский мирок.

— Нате пряники, это вам.

Ребята вежливо поблагодарили. Ни один не протянул руки первым.

14. Случайный гость, взгляни лучше на тех ребят, что стоят в стороне.

Где-то в темном углу один хмурый такой, палец обвязан тряпочкой. Двое постарше о чем-то шепчут-

ронической улыбкой, внимательно провожая вас взглядом. Несколько ребят заняты и даже не замечают, что пришел кто-то посторонний. Кто-то делает вид, что читает, чтобы к нему не обратились с трафаретным вопросом. Кто-то, пользуясь, тем, что воспитатель занят, потихоньку удирает, чтобы безнаказанно нахулиганить.

Есть такой, который с нетерпением ждет, когда ты уйдешь, так как хочет что-то спросить у воспитателя. Другой нарочно подходит, чтобы его видели. Еще один притаился, желая подойти последним и побыть с вами наедине; он знает, тогда воспитатель скажет: «Это наш певец, это наша маленькая хозяйка, это жертва трагического случая». Под одинаковой одеждой бьется сто разных сердец, и каждое — особая трудность, особый характер работы, особые хлопоты и опасения.

Сто детей — сто людей, которые не когда-то там, не еще... не завтра, а уже... сейчас... люди. Не мирок, а мир, не малых, а великих, не «невинных», а глубоко человеческих ценностей, достоинств, свойств, стремлений, желаний.

Вместо того чтобы спрашивать, любят ли, спроси лучше, чем это достигается, что они слушаются, что в интернате мир, программа, порядок.

— Нет наказаний...

— Ложь.

15. Каковы твои обязанности? — Быть бдительным. Если хочешь быть надзирателем, можешь ничего не делать. Но если ты воспитатель, у тебя шестнадцатичасовой рабочий день без перерывов и без праздников, день, состоящий из работы, которую нельзя ни точно определить, ни заметить, ни проконтролировать, и из слов, мыслей, чувств, имя которым — легион. Внешний порядок, кажущаяся воспитанность, дрессировка напоказ требуют только твердой руки и многочисленных запретов. И дети всегда мученики страха за их мнимое благополучие; страх этот — источник тягчайших несправедливостей.

Воспитатель, так же как и надзиратель, хорошо знает, что, если ударить по глазу, ребенок может

ослепнуть, что ем
или вывих ноги,
чаи, когда ребено
выпал из окна, си
действительные не
ное, застраховать
Чем ниже духо
нее его моральн
пороке и удобства
и запретов, дикту
тей.
Воспитатель, ко
зов и не желает н
нет случиться, —
16. Тираном ста
цийся о нравствен
Болезненная по
лехо, что уже не д
их уединившихся р
мы будем считать
Когда-то, где-то
запрет: не держат
«А раз мне холо
могу заснуть?»
Если в комнате
он весь раскроется
минут спит. И скол
подозрений, основ
Раз я заметил,
таинственно пошеп
ную. Малыши возвр
стоило больших ус
жать писать. А заб
Как работал у фото
из-под сигар; жел
стенки, под кра
выражением лица
свету «три» пускал
Превосходный
лишей! Облит
первой

ослепнуть, что ему постоянно угрожает перелом руки или вывих ноги, но помнит и многочисленные случаи, когда ребенок едва не лишился глаза, чуть не выпал из окна, сильно ушиб, а мог сломать ногу, что действительные несчастья относительно редки, а главное, застраховать от них невозможно.

Чем ниже духовный уровень воспитателя, бесцветнее его моральный облик, больше забот о своем пороке и удобствах, тем больше он издает приказов и запретов, диктуемых якобы заботой о благе детей.

Воспитатель, который не хочет неприятных сюрпризов и не желает нести ответственность за то, что может случиться, — тиран.

16. Тираном станет и воспитатель, неумело заботящийся о нравственности детей.

Болезненная подозрительность может зайти так далеко, что уже не детей разного пола и не любых двоих уединившихся ребят, а собственные руки ребенка мы будем считать врагами.

Когда-то, где-то, кто-то безымянный продиктовал запрет: не держать руки под одеялом.

«А раз мне холодно, а раз мне страшно, а раз я не могу заснуть?»

Если в комнате тепло, ребенок не только руки, он весь раскроется. И если он сонный, он через пять минут спит. И сколько еще подобных бессмысленных подозрений, основанных на незнании ребенка!

Раз я заметил, как несколько старших мальчиков, таинственно пошептавшись, повели малышей в уборную. Малыши возвращались в сильном смущении. Мне стоило больших усилий усидеть на месте и продолжать писать. А забава была невинная. Один из ребят (он работал у фотографа) накрыл фартуком коробку из-под сигар; желающих сниматься он устанавливал у стенки, под краном, и, когда малыши с приятным выражением лица ждали, что их сейчас снимут, им по счету «три» пускали на голову струю холодной воды.

Превосходный урок разумной осторожности для малышей! Облитые водой, они уже не пойдут в уборную по первому таинственному приглашению.

...ватель, слишком односторонне следящий за ...ственностью детей! Боюсь, у тебя самого не все ...олучно.

17. Теоретик делит детей на категории согласно темпераментам, типам интеллекта и склонностям; практик знает прежде всего детей «удобных» и «неудобных»: обычных, с которыми не приходится возиться, и исключительных, на которых идет уйма времени.

«Неудобные» дети: самый младший, ниже обычного возраста; самый старший, критически настроенный и своенравный; полный, несобранный и хилый; и горячий, настырный.

Ребенок, который перерос интернатскую дисциплину, которому она в тягость, которого унижает режим спальни, столовой, молитвы, игры, прогулки.

Ребенок, у которого из уха течет гной, вскочил чирий, сошел ноготь, слезятся глаза, болит голова, жар, кашель.

Ребенок, который медленно одевается, умывается, причесывается, ест. Последним стелет постель, последним вешает полотенце, тарелку его и стакан всегда приходится дожидаться, задерживает уборку спальни и со стола и отправку посуды на кухню.

Ребенок, который поминутно обращается к тебе с вопросами, жалуется, требует, плачет, просит, который не любит общества, других детей и назойливо тянется к тебе, вечно чего-нибудь не знает, что-нибудь да просит, в чем-либо нуждается, хочет сказать что-то важное.

Ребенок, который грубо ответил, обидел кого-нибудь из техперсонала, поссорился, подрался, бросался камнями, нарочно что-то сломал или порвал, отвечает на все «не хочу».

Ребенок впечатлительный и капризный, которому больно от пустяшного замечания, хмурого взгляда, для которого холодное безразличие — наказание.

Симпатичный шалунишка, который заткнет тебе кашками умывальник, покатается на дверях, открутит кран, закроет вьюшку, отвинтит звонок, запачкает стену синим карандашом, исцарапает гвоздем подокон-

...никн, вырежет на ...тательный и неутом... Вот похитители ...гения, ферменты т... а знаешь, что это ... 18. В шесть ча... только сказать: «Д... На самом же ... встать, восемьдеся... ются и будут гото... Восьмерым же ты... пятерым — триж... крикнуть. Двоих р... зворает или, може... Девяносто ребя... жен помочь, а то... подвязха, у второ... надевается. Еще ... лок. Кто-то кому-т... дает мыло, еще ... умываясь, или пер... Одел правый баш... разлась пуговица ... но, взял блузу — ...чет: «Это мой тази... тот сегодня первы... Восемьдесят р... его времени, деся... те, а с двумя ты ... То же самое б... потеряет, заболее... То же самое бу... ребя пять лет. 19. Ты должен... коты!» — и все. А... Не успел бы, ... пропавшую подв... ребенку с отморо... не разваживи узе... Ведь за ...

ники, вырежет на столе буквы. Убийственно изобре-
тательный и неутомимый.

Вот похитители твоего времени, тираны твоего тер-
пения, ферменты твоей совести. Ты борешься с ними,
а знаешь, что это не их вина.

18. В шесть часов утра дети встают. Тебе нужно
только сказать: «Дети, вставать», — ничего больше.

На самом же деле, если ты велишь сотне ребят
встать, восемьдесят «удобных» встанут, оденутся, умо-
ются и будут готовы к новому сигналу «завтракать».
Восьмерым же ты должен повторить это дважды,
пятерым — трижды. На троих тебе придется при-
крикнуть. Двоих разбудить. У одного болит голова:
хворает или, может быть, притворяется?

Девяносто ребят одеваются сами, двоим же ты дол-
жен помочь, а то не успеют. У одного потерялась
подвязка, у второго отморожен палец и башмак не
надевается. Еще у одного на шнурке сделался узе-
лок. Кто-то кому-то мешает стелить постель. Кто-то не
дает мыло, еще кто-то толкается, или брызгается,
умываясь, или перепутал полотенца, или льет на пол.
Одел правый башмак на левую ногу, не может — обо-
рвалась пуговица — застегнуть фартук; кто-то, вид-
но, взял блузу — минуту назад была! Кто-то пла-
чет: «Это мой тазик, я всегда в нем умываюсь», но ведь
тот сегодня первый пришел.

Восемьдесят ребят ты напитал пятью минутами сво-
его времени, десять ребят поглотили у тебя по мину-
те, а с двумя ты провозился почти полчаса.

То же самое будет и завтра, только не этот, а тот
потеряет, заболеет, плохо постелит постель.

То же самое будет и через месяц, и через год, и че-
рез пять лет.

19. Ты должен был только сказать: «Ребята, вста-
вать!» — и все. А ведь ты не успел бы.

Не успел бы, не найти один из «удобных» ребят
пропавшую подвязку или блузу, не принеси другой
ребенку с отмороженным пальцем запасных башмаков,
не развяжи узелка третий.

Ведь за подвязкой надо было лезть под кровать,
башмаки принести из дальней комнаты, а над узлом

изрядно попотел твой заместитель, орудуя сначала ногтями, потом зубами, потом найденным вчера гвоздем и, наконец, одолженным с этой целью вязальным крючком.

Ты не можешь не заметить, что один ребенок чаще теряет, а другой чаще находит, один делает узлы, а другой развязывает. Один часто болеет, а другой всегда здоров. Один требует помощи, а другой сам тебе помогает. Предположим, ты не испытываешь нерасположения к первым и благодарности ко вторым.

Но вот сегодня с трудом встает тот, который вчера долго разговаривал, лежа в постели. Младший стелет постель лучше, чем старший. Тот, у кого болит горло, пьет воду из-под крана, хотя ты и предупредил, что вода холодная, а он потный. Сам подумай, что ты тогда скажешь, хотя ты и знаешь, и понимаешь, и со всем миришься и прощаешь.

Чем больше этих «неудобных», тем больше из твоих шестнадцати рабочих часов уйдет на возню, беготню, воркотню и тем меньше останется времени на «высокое», «чистое» (читай раздел «Воспитатель обязан»).

И меньше времени и меньше сил...

20. Помощь, которую дети оказывают воспитателю, может быть совершенно бескорыстной. Ребенок помогает, раз ему хочется, помогает, раз сегодня хочется, а за завтра он не отвечает.

Но такой капризный, самолюбивый и честный помощник возьмется не за каждую работу. Он легко остынет, повстречайся неожиданная трудность; обидится, вырази воспитатель неудовольствие; сомневается, спрашивает, нуждается в проверке и в указаниях. Сам он навязывать тебе свою помощь не будет; его надо найти, поощрить, ободрить; попроси — сделает это охотно, прикажи — не захочет. Полагаться на него нельзя, он может подвести, когда более всего нужен.

Надзиратель легко найдет среди ребят помощника другого типа. Ловкий, энергичный, наглый, двуличный и корыстный, он сам навяжет свою помощь; прогони его — он вернется, нужен — вырастет как из-под земли, по глазам увидит, чего ты хочешь, выполнит любое

поручение, возьмется за все.

Если выполнит плохо — вывернется, наврет. Отчитай его — прикинется тише воды, ниже травы. Такой всегда рапортует: «Все в порядке».

Если недобросовестный, неспособный или просто вымотавшийся воспитатель, не входя в малые ребячьи дела и заботы, передоверит такому дежурному свою власть, тот его выручит, легко заменит. И из ребенка, который отыщет, позовет, принесет, уберет, присмотрит, напомнит, знает, слышал, скажет, он всегда превратится в настоящего заместителя. Это не невинная школьная подлиза, это грозный фельдфебель интерната-казармы.

21. Дежурному легче справиться с ребятами, чем взрослому. Надзиратель и ударит, так не изо всей силы, пригрозит сдержанно, накажет, так за провинность. А надзиратель из ребят ударит не по мягкому месту, а по голове или в живот, ведь это больнее, пригрозит не наказанием, а с виду наивным: «Погоди, вот зарежу тебя ночью складным ножом»; хладнокровнейшим образом обвинит невинного и заставит признаться в несовершенном преступлении: «Скажешь, что съел, взял, сломал», — и малыш, трепеща, повторяет: «Это я сломал, это я украл».

Основная масса детей боится его больше, чем воспитателя, ведь дежурный все знает, он с ними все время вместе. Непослушные дети ненавидят, редко мстят, чаще подкупают.

Теперь у маленького тирана завелись уже помощники, заместители. Он уже ничего не делает сам, только командует, доносит на противников и отвечает за все перед начальством.

Нужно хорошо различать: это не фаворит, не любимчик, это настоящий помощник, доверенный слуга — наушник. Он заботится об удобствах хозяина, хозяин его терпит и, хотя и знает, что врет, обманывает и наживается на нем; не может без него обойтись — а впрочем, ждет местечка получше.

22. Таинственные угрозы исподтишка заменяют явные и шумные запрещенные драки:

«Погоди вот, я скажу воспитателю. Погоди, уж и за-

дам же я тебе ночью» — вот магические заклятия, ко-
торыми ловкий и двуличный заставит молчать, под-
даться, смириться младшего, глупенького, более сла-
бого и честного.

Уборная и спальня — вот два места, где свободно обмениваются тайнами и где концентрируется кон-спиративная жизнь интерната. Воспитатели ошибаются, полагая, что спальня и уборная требуют лишь одно-сторонней бдительности.

Я знаю случай, когда мальчик подполз ночью к кро-вати врага и щипал его, драл за уши, таскал за волосы, предупреждая: «Тише! Крикнешь, разбудишь воспита-теля и тебя исключат».

Я знаю случай, когда мальчику нарочно наливали ночью в постель воды, чтобы надзиратель подложил позорную клеенку.

Я знаю случай, когда дежурный коротко, до само-го мяса обстригал ногти нелюбимым товарищам. Дру-гой дежурный нарочно приготовил холодную ванну мальчику, с которым был в ссоре.

В интернате может укорениться террор злых сил, отравляя атмосферу, ширя моральные эпидемии, ка-леча и опустошая. В этой атмосфере лжи, принужде-ния, укрывательств, гнета, насилия, тайных расправ, ложных доносов, страха и молчания — в атмосфе-ре, насыщенной миазмами морального гниения, вспыхивают эпидемии онанизма и уголовных пре-ступлений.

Воспитатель, попав в подобную клоаку, бежит прочь, а если не может убежать, обо всем утаивает.

23. Дети быстро подметят, что надзиратель скры-вает от начальства и что те ребята, кого похвалили, пользуются у него симпатией, а те, из-за кого пришлось выслушать замечание, ему антипатичны.

Между надзирателем и детьми заключается немое соглашение: будем делать вид, что все превосходно, а случись «что-нибудь такое» — скроем.

И до главного руководителя в его укромной канце-лярии уже доходит немногое, за стены же учрежде-ния не выходит ничего. Дети совершают ряд недозво-ленных, заслуживающих наказания поступков, а он

по недомыслию или по преступной небрежности все покрывает.

Может, поэтому-то интернатские дети такие неразговорчивые и отвечают охотно лишь на самые банальные вопросы: «Тебе хорошо здесь?» «А ты послушный?» — и молчат, когда могут «засыпаться». Может, поэтому-то на интернате лежит печать каких-то дурных тайн, и разговор с ребенком, который то и дело переглядывается с воспитателем, стесняет и неприятен?

В третьей части этой книги я расскажу, как при организации Дома сирот мы обеспечили себе детскую помощь, не опасаясь каких-либо дурных последствий, потому что ввели гласность.

24. Будни с их хлопотами и возней имеют своих «удобных» и «неудобных» детей; дни торжественных ярмарок, дни показов — своих.

Для воспитателя, который ведет уроки пения, таким «удобным» будет ребенок с самым звонким голосом; для воспитателя, преподавателя гимнастики, — самый ловкий гимнаст. Первый думает о показательном хоре, второй — о публичном состязании.

Дети, способные, воспитанные, смелые, принимают гостей во время парадного визита, выставляя в выгодном свете учреждение, хорошо свидетельствуя о воспитателе. Миловидный ребенок преподнесет букет достойной особе.

Разве воспитатель может не быть им за это благодарным? Но что из того, что ребенок спел, сыграл на скрипке, ловко провел свою роль в комической пьеске? Это не его заслуга. И, полный укоров совести, честный воспитатель старается подавить приятное волнение.

Правильно ли это? И может ли притворное равнодушие обмануть ребенка, а если обманет, то не обидит ли? Для ребенка это важный, торжественный, памятный день; немного ошеломленный, а больше всего испуганный присутствием многочисленных сановников и вообще посторонних, ребенок подбежит к тому, кто ему близок, потому что ценит прежде всего его похвалу, ждет ее, имеет на то право...

Не позволяй им зазнаваться, но отличить их ты должен...

А что тогда будет с положением о безусловном равенстве всех детей? Но это положение — ложь.

25. У воспитателя-практика всегда есть дети, которые вызывают в нем приятное чувство, вознаграждая за потраченный труд, — дети воскресных дней его души, — он любит их независимо от подлинной их цены и пользы, которую они приносят.

Славные, потому что миловидные; славные, потому что ясноглазые, веселые, подвижные улыбающиеся; славные, потому что тихие, серьезные, сосредоточенные, хмурые; славные, потому что маленькие, беспомощные, отвлекающиеся; славные, потому что критически настроенные, смелые, склонные к бунту.

В зависимости от духовного облика и идеалов воспитателя разным воспитателям близки и дороги разные дети.

Один импонирует своей энергией, другой трогает добродушием, третий будит воспоминания о твоем собственном детстве, четвертый вызывает искреннее беспокойство за его судьбу, в пятом боишься его порыва ввысь, в шестом — пугливой покорности.

А среди всех этих многочисленных славных ребят ты любишь одного как самое близкое существо, кому желаешь всего самого лучшего, чьи слезы причиняют самую сильную боль, чего расположения стремишься добиться и кем не хотел бы быть забытым.

Как это случилось, когда? Ты не знаешь. Чувство пришло внезапно, без всякого повода, неожиданно, как любовь.

Не скрывай: тебя выдадут улыбка, голос, взгляд.

А остальные дети? Не бойся, они не обидятся: у них есть любимцы.

26. Молодые и чувствительные воспитатели склонны любить этого самого тихого и запуганного, с печальными глазами и с тоской на душе. К этим забытым в тени и обращают они свое горячее чувство, хотят завоевать их доверие, ждут признаний: что чувствует, о чем думает этот ангел с утомленно опущенными крыльями?

Все ребята удивляются: «За что его любить, ведь он такой глупый?» И ребята, которые раньше обходили твоего любимца, считая круглым нулем, или, самое большее, толкали, если стоял у них на дороге, теперь сознательно, планомерно его преследуют. Ребята ревнуют, потому что выбор сделан неудачно.

Воспитатель вступает в неравную борьбу за любимца — и проигрывает. Поняв ошибку, воспитатель старается его полегоньку, незаметно от себя устранить. Тот понял и отошел, печально глядя, как бы с упреком, своими влажными глазами. Воспитатель страдает и сердится и на себя и на ребят.

Поэт, если бы ты знал, что в больших, осененных длинными ресницами глазах этого поэтичного ребенка скрыта одна только тайна — тайна наследственного туберкулеза, — ты, может быть, вместо признаний скорее ожидал бы приступов кашля и не целовал бы его, а поил рыбьим жиром и гваяколом*. Ты избавил бы и его, и себя, и остальных ребят от многих тяжелых минут.

27. Бывает, что ты полюбил ребенка без взаимности. Ему хочется играть в мяч, в войну, бегать наперегонки, а тебе хочется погладить, прижать к себе, приласкать. Это его сердит, раздражает, унижает, и он или отодвигается, или обвивает ручонками шею и просит новое платье. В этом виноват ты, а не он.

Бывает, что несколько человек из персонала добиваются расположения одного и того же ребенка; тогда маленький фаворит искусно лавирует, стараясь никого не обидеть. Ведь ты позволяешь ему позже ложиться спать, экономка сменит рваные чулки, а кухарка угостит яблоками или изюмом.

Бывает, что чувственный или уже развращенный ребенок находит в ласке удовольствие. Он любит погладить твою руку, она такая мягкая! Скажет, что твои волосы приятно пахнут, поцелует в ухо, или в шею, или по очереди каждый любимый пальчик. Смотри правде в глаза: это сладострастная ласка.

В ребенке заложены эротические чувства. Все живое должно расти и размножаться; это закон природы охватывает людей, животных и растения. Половое чувство

...ляется вдруг и из ничего; оно еще дремлет, ... его тихое дыхание уже слышно. У детей есть такие ... скрыто чувственные движения, объятия, поцелуи.

...воспитателю нет надобности воздевать о-к ... небу, разводить в недоумении руками, открещиваться с возмущением.

Сообщи жизни ребенка размах, чтобы он не скучал, позволь ему бегать и шуметь и спать сколько хочет, и ... чувство пустит ростки спокойно, не мая и не принося вреда.

28. ...ное око науки обнаружило сексуальное начало и в ...ительском чувстве. От него не свободны ни мать, кормящая грудью младенца, ни отец, прижавший к губам холодную руку умершего ребенка.

Потрепать по щечке, погладить по головке, подоткнуть одеяльце, даже помолиться за счастье своего дитяти, когда оно спокойно спит в колыбели, — все это нормальное проявление здорового эротического чувства, а бросать ребенка на прислугу и находить высочайшее удовольствие в пустой болтовне в кафе — его извращение.

Для извращенной, притупленной чувственности эти ощущения слишком слабы и уже неуловимы. Здесь мать должна осыпать поцелуями ножки, спинку и животик ребенка, чтобы испытать чувство, которое здоровая мать получает от легкого прикосновения. Простой честной чувственности мало, нужно сладострастие.

Ты удивляешься и, может быть, не хочешь мне верить? А, может, я сказал то, что ты уже сам предчувствовал, подозревал, но с гневом отвергал?

Ибо ты не знаешь, что инстинкт размножения в его разнородных проявлениях колеблется от возвышенных творческих порывов до низменнейшего преступления.

Ты обязан дать себе отчет в чувстве, которое испытываешь к детям, и следить за ним, ибо дети могут растлить и тебя, своего воспитателя и воспитанника.

За четырьмя стенами дома, школы, интерната скрыты мрачные тайны. Иногда их на миг осветит молния уголовного скандала. И опять тьма.

Указанное насилие над детскими душами, которое допускается современным воспитанием, рабство, тайна и безапелляционная власть неизбежно таят в себе и произвол и преступления.

29. «Воспитатель — апостол... Будущее народа... Счастье будущих поколений...»

Но где в этом моя собственная жизнь, мое собственное будущее, мое собственное счастье, мое собственное сердце?

Я раздаю мысли, советы, предостережения, чувства, раздаю щедро. Когда поминутно подходит все новый и новый ребенок с новым и новым требованием, просьбой или вопросом, отнимая время, мысль, чувство, ты иногда с болью видишь, что ты, солнце этой толпы, сам остываешь и, светя им, теряешь за лучом луч.

Все детям, а что же мне?

Дети набираются знаний, опыта, моральных принципов, они обогащаются — я теряю. Как же мне дальше распоряжаться запасом душевных сил, чтобы не оказаться банкротом?

Допустим, у воспитателя нет молодости, предъявляющей свои права, семьи, сковавшей по рукам и ногам, одолевающих материальных забот, замучивших физических недомоганий. Отдав себя целиком святому делу воспитания, воспитатель не должен отказываться от чувств.

Как уберечь их от крушения?

Когда он возвращается в дом, который должен быть его домом, и не может сердечно приветствовать всех, разве не вправе он улыбнуться одному? Когда он покидает вечером спальню и не может нежно попрощаться со всеми, разве не вправе он одного или двоих выделить отдельным: «Спи, сынок, спи, баловник». Или, распекая за мелкие провинности и произнося суровые слова, прощать взглядом?

Если даже он ошибается и выбрал не самого стоящего, ну что из этого? Приятное чувство от общения с ним покроет ряд неприятных; полученной от любимого улыбкой воспитатель одарит многих.

Быть может, и есть воспитатели, которым все де-

ми одинаково безразличны или ненавистны, но таких, которым все до одного были бы одинаково милы и дороги, нет.

30. Предположим, что существует абсолютное равенство. Нет ни «удобных», ни «неудобных», ни милых, ни немилых. Для всех одинаковые куски хлеба и порции супа, одинаковое количество сна и бодрствования, одинаковые строгости и поблажки и абсолютное тождество одежды, порций, режима, чувств. Несмотря на явную абсурдность, допустим, что так и должно быть. Никаких привилегий, никаких исключений, никаких отличий — все это портит.

И даже когда воспитатель имеет право ошибаться, отвечая за последствия совершаемых им ошибок.

Письма Песталоцци о его пребывании в Станце — это прекраснейшее из произведений воспитателя-практика:

«...Один из самых больших моих любимцев злоупотребил моей верной любовью и несправедливо стал угрожать другому ребенку; это возмутило меня, и я сурово дал ему почувствовать свое негодование».

О диво: у великого Песталоцци были любимчики, Песталоцци гневался!

Ошибся, чересчур доверившись или захвалив, и в первую очередь был наказан сам: обманулся!

Подчас просто недоумеваешь, как быстро, как жестоко приходится воспитателю расплачиваться за совершенные им ошибки. Пускай он их тщательно исправляет.

К сожалению, иногда в самых важных вопросах это ему не под силу.

31. Не шуметь!

Ребята дают разрядку только части энергии, скопившейся у них в горле, в легких, в душе; только части крика, который живет в их мускулах. Послушные дети подавляют крик до предела возможного.

«Тише!» — вот девиз класса.

Нельзя шуметь за обедом.

Не шуметь в спальне!

Ребята шумят трогательно тихо, бегают до слез осторожно, чтобы не сдвинуть стол, обходят друг друга,

уступают, только не было бы ссоры, только бы чего-нибудь не вышло, а то опять услышат ненавистное: «Только без шума».

Нельзя кричать и во дворе — беспокоят соседей. А единственная их вина — это то, что в городе каждый метр земли стоит дорого.

«Вы не в лесу». Циничное замечание, грубое издевательство над ребенком, что он не может быть там, где ему следует быть.

Разрешите им рассыпаться по лужайке и не будет никакого крика, лишь милое щебетание человечьих пташек.

Если не все, то по крайней мере значительное большинство ребят любит двигаться и шуметь. От свободы двигаться и кричать зависит их физическое и моральное здоровье. А ты, зная это, должен одергивать:

— Сидите спокойно и тихо.

32. Ты всегда делаешь ошибку: борешься со справедливым упорством ребенка:

— Я не хочу.

Не хочу ложиться спать, хотя часы пробили, ведь ароматный вечер улыбается мне кусочком звездного неба. Не хочу идти в школу, ведь ночью выпал первый снег и так весело на свете. Не хочу вставать, ведь холодно. Лучше не пообедать, а доиграть партию в лапту. Не буду просить прощения у учительницы, она наказала несправедливо. Не хочу готовить уроки, я читаю Робинзона. Не надену коротких штанов, засмеют.

Нет, ты это сделаешь.

Бывает, отдаешь приказ сердито, но без внутреннего убеждения, так как тебе самому приказали, а не исполнить нельзя.

Значит, слушайся уже не только меня, который взвешивает каждое распоряжение, прежде чем отдать, но и этих многочисленных безымянных, чьи законы жестоки и несправедливы.

Учись у них, уважай их, верь!

— Не хочу! — это крик ребячьей души, а ты должен его подавить, ведь современный человек живет в обществе, а не в лесу.

Нет, ты это сделаешь.

Сделаешь, а то будет хаос.

Чем незаметней ты сломаешь сопротивление, тем лучше, а чем скорей и основательней, тем безболезненней обеспечишь дисциплину и достигнешь необходимого минимума порядка. И горе тебе, если слишком мягкий, ты этого не сумеешь сделать.

В обстановке дезорганизации и расхлябанности могут нормально развиваться только немногие, исключительные дети, из десятков же не будет толка.

33. Есть ошибки, которые ты будешь совершать всегда, потому что ты человек, а не машина.

Грустный, усталый, больной, ты с горечью замечаешь в ребенке черту характера, которая делает взрослых плохими и вредными: лживость, холодный расчет, пошлое чванство, дрянненькую хитрость, хищную жадность, не поступишь ли ты опрометчиво?

У меня не сходится счет. Поминутно кто-нибудь да входит, хотя вход в канцелярию детям в какой-то мере воспрещен. Последним входит мальчуган, неся мне в подарок букетик; букет я выбрасываю в открытое окно, а его самого вывожу за ухо за дверь.

К чему множить примеры неразумных и грубых поступков?

Но ребенок простит. Обидится, рассердится, а подумает и очень часто доверчиво припишет вину себе. Несколько наиболее впечатлительных ребят будут тебя избегать, когда ты злишься или занят. Но и они простят, если знают, что, в общем, им желают добра.

Это не какая-нибудь сверхъестественная интуиция, когда ребенок знает, кто его любит, а бдительность зависимого существа, которое обязано тебя изучить, раз в твоих руках его благополучие. Так, раб-чиновник до тех пор приглядывается и мучительно думает о своем шефе, пока не изучит все его привычки, вкусы, настроения — движения губ, жесты, блеск глаз. И знает, когда попросить отпуск или повысить жалованье, порой недели терпеливо выжидая подходящей минуты. Дайте им независимость, и они утратят эту наблюдательность.

Ребенок простит и бестактность, и несправедливость, но не привяжется к воспитателю-педанту или

стоящу деспоту. А вс
ким поднимет на смех.
34. Воспитателю не
шаг из порочного нав
общепринятым поступк
детям как к существа
себя, забавным своей
Если станешь относ
вопросам презительн
ственно, ты всегда ко
Ребенок имеет пра
горо, хотя бы он по
бы хотел пройтись без
на вид вопросу. Ты бе
«нельзя» отклоняешь
«грачок» пресекаешь

А знаешь, почему
день пелерину? На ко
ная заплатка, а в са
кобит.

У тебя нет врем
следить, вдумываться
резелого желания, п
ники детской логики,
способляться к стре

Ты будешь делат
бается только тот, к

35. Я вспыльчив,
кософское равнове
Ну что же, коли ин

Когда меня ка
хозяйка-жизнь, я эл
с каким трудом я
на одно звено, на
там, где мне нел
ких: «ты должен»,
сделать». То я —
потравку, то я —
Попеременно я т
ших циркуляр
ших, раб

сухому деспоту. А всякую фальшь гадливо отбросит или поднимет на смех.

34. Воспитателю не избежать ошибок, вытекающих из порочного навыка к избитым выражениям и общепринятым поступкам и из обычного отношения к детям как к существам низшим, не отвечающим за себя, забавным своей наивной неопытностью.

Если станешь относиться к их заботам, желаниям, вопросам презрительно, шутливо или покровительственно, ты всегда кого-нибудь больно заденешь.

Ребенок имеет право требовать уважения к своему горю, хотя бы он потерял камешек, желанию, хотя бы хотел пройтись без пальто по морозцу, к нелепому на вид вопросу. Ты безучастен к его потере, коротким «нельзя» отклоняешь просьбу, двумя словами «вот дурачок» пресекаешь сомнения.

А знаешь, почему мальчуган хотел надеть в жаркий день пелерину? На коленке, на чулке у него безобразная заплатка, а в саду будет девочка, которую он любит.

У тебя нет времени, ты не можешь все время следить, вдумываться, искать скрытые мотивы явно нелепого желания, проникать в неисследованные тайники детской логики, фантазии, искания истины — приспособляться к стремлениям и вкусам ребенка.

Ты будешь делать эти ошибки, потому что не ошибается только тот, кто ничего не делает.

35. Я вспыльчив. Олимпийское спокойствие и философское равновесие духа — не мой удел. Плохо. Ну что же, коли иначе я не могу.

Когда меня как какого-нибудь эконома отругает хозяйка-жизнь, я злюсь, что раб-ребенок не понимает, с каким трудом я добываю для него цепи длиннее на одно звено, на грамм легче. Я вижу сопротивление там, где мне нельзя уступить, и говорю, как чиновник: «ты должен», а как естествоиспытатель: «тебе не сделать». То я — батрак — злюсь, что скот лезет в потраву, то я — человек — радуюсь, что дети живут. Попеременно я то тюремщик — слежу за предписанным циркулярами порядком, — то равный среди равных, раб среди сотоварищей-рабов, бунтую против

деспота-закона.

Когда я врезаюсь лбом в проблему и бессилен, когда я слышу о грозных событиях и не могу их отвратить, я — сам страх, само предвидение — глядя на их доверчивость и беззаботность, испытываю гнев. ную скорбь и беспредельную нежность.

Когда я замечаю в ребенке бессмертную искру похищенного у богов огня — блеск непокорной мысли, гордость гнева, порыв энтузиазма, осеннюю грусть, сладость жертвы, застенчивое достоинство, энергичные, радостные, уверенные, активные поиски причин и целей, настойчивость попыток, грозный голос совести, — я смиренно преклоняю колени, я хуже тебя, я слабый, я трус.

Что же я еще для вас, как не балласт, мешающий вольному полету, паутина на ваших ярких крыльях, ножницы, кровавая обязанность которых срезать буйные побеги?

Я стою у вас на дороге и беспомощно топчусь на месте, брюзжу, пристаю, замалчиваю, неискренне убеждаю — бесцветный и смешной.

36. Хороший воспитатель от плохого отличается только количеством сделанных ошибок и причиненного детям вреда.

Есть ошибки, которые хороший воспитатель делает только раз и, критически оценив, больше не повторяет, долго помня свою ошибку. Если хороший воспитатель от усталости поступит бестактно или несправедливо, он приложит все усилия, чтобы как-то механизировать мелкие надоедливые обязанности, ведь он знает, что все неладное от нехватки у него времени. Плохой воспитатель свои ошибки сваливает на детей.

Хороший воспитатель знает, что стоит подумать и над пустяшным эпизодом, за ним может стоять целая проблема — не пренебрегает ничем.

Хороший воспитатель знает, что он делает по требованию торжествующих властей, господствующей церкви, в силу коренившейся традиции, принятого обычая, под железным диктатом существующих условий. И он знает, что диктат этот имеет в виду добро

детей лишь пост
чняться, рассчи
жссам.

Плохой воспи
ле должны не ц
совестно зубрит
Умный воспи
мает детей, а ра
И они его науч
тельно — было
37. «У меня н
жногда и не подс
суровые.

Нет темного
ние свободы. По
стол, не позволит
чит, картинку, п
есть и конфиска
слать вместе со
надеть новое п
драв и льгот. На
воспитатель хо

Ты применяе
изменил их фор
маленькое или
Понимаешь, дет
ствуют.

Можно высеч
раньше секли ро
38. Наказаний
плохо поступил.
Скажешь, что
его исключить?
исключишь: тот,
был больной, не
тичный сорванец
ты его хочешь т
ждет ребенка ни
колки съели
Вызов

детей лишь постольку, поскольку учит гнуть спины, подчиняться, рассчитывать, приучает к будущим компромиссам.

Плохой воспитатель полагает, что дети и в самом деле должны не шуметь и не пачкать платье, а добросовестно зубрить грамматические правила.

Умный воспитатель не куксится, когда он не понимает детей, а размышляет, ищет, спрашивает их самих. И они его научат не задевать их слишком чувствительно — было б желание научиться!

37. «У меня наказаний нет», — говорит воспитатель, иногда и не подозревая, что не только есть, но и очень суровые.

Нет темного карцера, но есть изоляция и лишение свободы. Поставит в угол, посадит за отдельный стол, не позволит съездить домой. Отберет мячик, магнит, картинку, пузырек из-под одеколона — значит, есть и конфискация собственности. Запретит ложиться спать вместе со старшими, не позволит на праздник надеть новое платье — значит, и лишение особых прав и льгот. Наконец, разве это не наказание, если воспитатель холоден, недружелюбен, недоволен?

Ты применяешь наказания, ты только смягчил или изменил их форму. Дети боятся, будь это большое, маленькое или только символическое наказание. Понимаешь, дети боятся — значит, наказания существуют.

Можно высечь самолюбие и чувства ребенка, как раньше секли розгами тело.

38. Наказаний нет, я ему только объясню, что он плохо поступил. А как ты это объяснишь?

Скажешь, что, если не исправится, будешь вынужден его исключить? Наивный! Ты грозишь смертью! И не исключишь: тот, кого в прошлом году исключили, был больной, ненормальный, а этот здоровый, симпатичный сорванец, из него выйдет дельный парень; ты его хочешь только попугать. Ведь и нянька не отдаст ребенка нищему и не заведет его в лес, чтобы его волки съели, и она только грозится.

Вызовешь опекунов на беседу — еще более изощренная угроза.

Ты грозишь, что заставишь спать в коридоре, есть на лестнице, наденешь на него слюнявчик — всегда грозишь наказанием ступенью выше тех, которые в ходу.

Иногда угрозы бесплотны, неопределенны:

«В последний раз тебе говорю! — Увидишь, все это плохо кончится! — Доиграешься, наконец! — Больше повторять не стану, делай, что хочешь. — Теперь уж я за тебя примусь всерьез!» Само разнообразие оборотов доказывает, что они широко распространены, и добавляю, что ими злоупотребляют.

Иногда ребенок верит всецело и всегда хотя бы наполовину.

«И что только теперь со мной будет?»

Правда, воспитатель пока не наказал, ну, а если накажет, то когда и как? Боязнь неизвестного, неожиданного. Если ты его наказал, — он уже обрел душевное спокойствие, а если ты ему только пригрозил, то, проснувшись на другой день, он готов будет тебя возненавидеть за то, что ты его так мучишь.

Можно угрозами держать детей в полном повиновении и при отсутствии критического отношения к себе думать, что это мягкий способ воздействия, тогда как на самом деле невыполненная угроза — большое наказание...

39. Существует ошибочное, основанное на поверхностном наблюдении убеждение, что дети быстро забывают печали, обиды и решения. Только что плакал — и уже смеется. Едва поссорились, как уже вместе играют. Час назад обещал исправиться — и снова шкодит.

Нет, дети долго помнят обиды, они припомнят тебе оскорбление, нанесенное год назад. А не выполняет вынужденное обещание потому, что не может.

Заразившись общим весельем, ребенок бегает и играет, но он вернется к своим невеселым думам в тиши — за книжкой или вечером перед сном.

Порой замечаешь, что ребенок тебя избегает. Не подбежит с вопросом, не улыбнется, проходя мимо, не войдет к тебе в комнату.

— А я думал, вы еще сердитесь, — ответит, если спросить.

И с трудом вспом
ты сказал ему из-за
то не совсем прият
и самолюбивый или
жил в душе незаметн
нут.

Ребенок помнит.

Вдова в глубоком
беседе, громко рас
«Ах, я смеюсь, а мо
кадо. Ты быстро н
сделай выговор, что
ным и сокрушенным
случалось видеть, ка
играх мальчик делал
ный взгляд. «Ох, пра
на тебя сердятся».

Помни, есть дети
что им все равно: пу
что они боятся, огор
ния — сбить с них
ются делом чести.
острее всего воспри

40. Наказаний не
ния — слова. Ну, а
желание опозорить?
«Взгляни, как вы
положи! Ну и отличил

А публика — то
баться и выражать
зают не все и чем ре
выражении нелест

Существует дру
жбережение, унизит
ным положением в
— Ты еще не съ

Посмотришь. Ун
нем, махнешь без
Сознавая свою
голову, а иног
ч, порой

И с трудом вспоминаешь, что на прошлой неделе ты сказал ему из-за какого-то мелкого проступка что-то не совсем приятное, несколько повысив голос. И самолюбивый или впечатлительный ребенок пережил в душе незаметно для тебя много неприятных минут.

Ребенок помнит.

Вдова в глубоком трауре, забывшись в шутливой беседе, громко рассмеется и тут же спохватится: «Ах, я смеюсь, а мой бедный муж...» Она знает: так надо. Ты быстро научишь детей этому искусству: сделай выговор, что он веселый, а должен быть грустным и сокрушенным, и он послушается. Мне не раз случалось видеть, как принимавший живое участие в играх мальчик делал печальное лицо, поймав мой грозный взгляд. «Ох, правда, неприлично веселиться, когда на тебя сердятся».

Помни, есть дети, которые только прикидываются, что им все равно: пусть, мол, воспитатель не думает, что они боятся, огорчены, помнят. А если цель наказания — сбить с них спесь, так это уже для них становится делом чести. И это дети, которые, пожалуй, острее всего воспринимают и долго помнят.

40. Наказаний нет — только выговор, напоминания — слова. Ну, а если под этими словами кроется желание опозорить?

«Взгляни, как выглядит твоя тетрадка! На кого ты похож! Ну и отличился! Поглядите-ка, что он устроил!»

А публика — товарищи обязаны иронически улыбаться и выражать удивление и презрение. Это делают не все и чем ребята честнее, тем они сдержаннее в выражении нелестного мнения.

Существует другой вид наказания: упорное пренебрежение, унизительное примирение с существующим положением вещей.

— Ты еще не съел? Опять последний? Опять забыл?

Посмотришь укоризненно, вздохнешь с отчаянием, махнешь безнадежно рукой.

Сознавая свою вину, правонарушитель вешает голову, а иногда, полный внутреннего бунта и неприязни, порой косится исподлобья на травящую его свору.

...ы при случае задать кому следует.

— Дай мне то, дай мне это, — чаще, чем другие, повторял один мальчик.

В довольно резкой форме я приструнил его за эту некрасивую привычку. Год спустя, записывая детские прозвища, я столкнулся с отголоском моего бестактного выступления — у этого мальчика было мучительнейшее для самолюбия прозвище: «Даймнезтопопрошайка».

Высмеивание — большое и очень болезненное наказание.

41. Ты взываешь к чувствам.

— Так, вот как ты меня любишь? Так-то ты выполняешь обещание?

Ласковой просьбой, добродушным укором, поцелуем в залог желанного исправления ты наконец добиваешься нового обещания.

А у ребенка тяжело на душе: признательный за доброту и великодушное прощение, беспомощный, часто не веря в исправление, он возобновил обещание, решив еще раз вступить в жестокий бой со своей вспыльчивостью, ленью, рассеянностью — с собой.

— А что будет, если я опять забуду, опоздаю, ударю, дерзко отвечу, потеряю?

Порой поцелуй налагает более тяжкие оковы, чем розга.

Разве ты не замечал, что если ребенок после данного обещания исправиться что-нибудь натворил, то уж держись: за первой провинностью следует и вторая, и третья?

Это боль понесенного поражения и досада на воспитателя за то, что, коварно вырвав у него обещание, он принудил его к неравному бою. И если ты вторично взовешь к его совести и чувствам, он тебя резко оттолкнет.

На гнев ты отвечаешь бурной вспышкой гнева, криком. Ребенок не слушает, он только чувствует, что ты выкидываешь его из своего сердца, лишаешь расположения. Чужой, одинокий — вокруг пустота. А ты в исступлении обрушиваешь на него все, какие есть, наказания: угрозу, упреки, насмешку и более

существенные меры.

Обрати внимание, с каким сочувствием смотрят на него товарищи, как ласково стараются утешить:

— Это он только так говорит. Не бойся — это ничего, не горюй, он забудет.

И все это осторожно, чтобы не досталось от воспитателя и не влетело от взбунтовавшейся жертвы.

Всякий раз, учинив «великий скандал», я испытывал наряду с неприятным ощущением светлое чувство. Я был несправедлив к одному, но зато многих научил великой добродетели — солидарности в несчастье. Маленькие рабы знают, что такое боль.

42. Иногда, выговаривая ребенку, ты читаешь в его взгляде тысячу бунтовщических мыслей.

«Ты может, думаешь, я забыл? Я все помню».

Неумело изображая раскаяние, ребенок говорит тебе злыми глазами:

«Я не виноват, что у тебя такая хорошая память».

Я. Я был терпелив. Ждал, может, исправишься.

Он. Эка беда. Не надо было ждать.

Я. Я думал, ты, в конце концов, возьмешься за ум. Я ошибался.

Он. Умные не ошибаются.

Я. Раз я прощаю, ты, поди, думаешь, что тебе все можно?

Он. Вовсе я так не думаю. И когда это только кончится!

Я. Нет, с тобой невозможно выдержать.

Он. Болтай, болтай, ты сегодня зол, как черт, вот и цепляешься...

Подчас ребенок во время нагоняя проявляет удивительный стоицизм.

— Сколько раз я тебе повторял: не смей прыгать по кровати! — мечу я громы и молнии. — Кровать это тебе не игрушка. Хочешь играть — играй в мячик, решай кроссворды...

— А что это такое — «кроссворды»? — спрашивает он с любопытством.

Вместо ответа я дал ему по рукам...

В другой раз, после бурного разговора, у меня спросили:

— Скажите, пожалуйста, отчего, когда кто-нибудь злится, он делается красный?

В то время когда я напрягал голосовые связки и ум, чтобы обратить его на стезю добродетели, он, видите ли, изучал игру красок у меня на лице! Я поцеловал его — он был очарователен.

43. Дети правильно ненавидят огульные обвинения.

«С вами добром нельзя... Опять вы... Если вы не исправитесь...»

Почему за проступок одного или нескольких должны отвечать все?

Если повод к взбучке дал маленький циник, он останется доволен: вместо полной порции гнева ему досталась лишь часть. Честный же будет слишком потрясен, видя столько невинных жертв своего преступления.

Иногда буря разражается над определенной группой детей: «совсем некудышные мальчишки» — или наоборот: «на редкость испорченные девчонки», чаще же всего: «старшие вместо того чтобы показать пример... смотрите, как хорошо ведут себя малыши».

Здесь, кроме справедливого гнева невинных, мы вызываем смущение у тех, кого хвалим, которые знают за собой много грехов и помнят, как сами стояли у позорного столба. Наконец, мы даем возможность нехорошо торжествовать маленьким насмешникам: «Ага... а видите... эге...»

Однажды я хотел особо торжественно прореагировать на невыясненную кражу. Я вошел в спальню к мальчикам, когда они уже засыпали и, стуча в такт о спинку кровати, громко заговорил:

— Опять кража! С этим надо кончать. Жалко времени и труда на то, чтобы растить воров...

Эту же довольно длинную речь я повторил в спальне девочек.

На другой день между мальчиками и девочками шел такой разговор:

— И у вас он орал?

— Ясно, орал.

— Говорил, что всех выгонит?

— Говорил.

— И стучал кулаком по кровати?

— Да еще как, изо всей силы.

— А по чьей он кровати стучал? У нас так по Манюськиной.

Каждый раз, выступая с огульным обвинением, я огорчал наиболее честных, раздражал всех и делал из себя посмешище в глазах критически настроенных: «Ничего, пусть себе немножко позлится — это ему полезно».

44. Разве воспитатель не понимает, что значительная часть наказаний несправедлива?

Драка.

— Он меня первый ударил.

— А он дразнился... Взял и не отдает!

— Я только так, ради шутки (помешал, испачкал)...

— Это он меня толкнул, а не я.

И ты наказал или обоих (почему?), или старшего, который должен уступить младшему (почему?), или того, кто по простой случайности ударил больнее, вреднее для здоровья. Ты наказал, драться нельзя. А жаловаться можно?

Ребенок пролил, сломал.

— Я нечаянно.

Он повторяет тебе твои собственные слова: ты ведь велишь прощать, если ему причинят вред нечаянно.

— Я не знал... Я думал, можно.

Он опоздал, потому что... он это умеет делать, но...

Объяснения правильные, а тебе кажутся уверткой.

Это двойная несправедливость: ты и не веришь, хотя он говорит правду, да еще несправедливо наказываешь.

Иногда условное запрещение случайно становится категорическим, а то и вовсе перестает быть запрещением.

В спальне шуметь нельзя, а говорить вполголоса можно. Если тебе весело, ты и сам посмеешься над невинной проделкой, а если устал, прекратишь обычную для спальни болтовню, хотя бы только резко заметив:

«Довольно болтать... Ни гу-гу... Кто скажет хоть сло-
во...»

В канцелярию детям входить не разрешается, но они входят. Как раз сегодня у тебя месячный отчет, тебе нужен покой. Мальчуган не знал, вошел и ему влетело. Если бы ты его даже не вывел за ухо, если бы только сказал: «Чего прилез? Вон сейчас же!» — твой гнев — незаслуженное наказание.

45. Во время игры в мяч он разбил стекло — ты простил, стекло бьют редко, не знаешь, кто, собственно, виноват, не любишь наказывать.

Но когда разбито уже четвертое стекло, когда разбил его хронический озорник, за которым вдобавок значится в школе плохая отметка, ты наказываешь — криком, угрозой, злостью.

— Я нечаянно, — отвечает он смело, а по-твоему, дерзко.

...Четвертое окно... озорник... плохой ученик... лентяй... еще дерзит... Воспитатель, уверяю тебя, ты дашь ему по рукам. А ведь ребенку не понять, да и не надо ему мириться с тем, что ты его наказал для примера, потому что, как менее впечатлительный, он удобный объект для эффектного наказания, и что ты подверг его наказанию не за один этот поступок, а за всю его деятельность в совокупности.

Он знает только, что детям А, Б, В ты простил, а его вот несправедливо наказал...

Допустим, ты поступил по-другому: отобрал у ребят мяч.

— Играть в мяч нельзя.

И это несправедливо: наказание коснулось десятка невинных ребят.

Еще мягче: ты предупреждаешь, что, если они еще раз разобьют стекло, ты отберешь мяч, то есть применяешь несправедливо наказание — угрозу — ко всем ребятам, хотя виноваты будут только четверо.

И из этих четверых не все виноваты, потому что один разбил стекло, на котором уже была трещина, другой разбил не целиком, а только с уголка, а третий, оно правда, и разбил, но ведь его подтолкнули и виноват, собственно, только этот четвертый, который

всегда сделает что-нибудь такое, из-за чего воспитатель злится.

46. Ты простил безоговорочно. Ты полагаешь, ты поступил правильно? Ошибаешься.

«Да, попробуй-ка я это сделать», — думает один.

«Ему все можно, — думает другой, — воспитатель его любит».

Опять несправедливость.

Есть дети, для которых насупленные брови, резкое замечание или мягкое: «Ты меня огорчил», — достаточное наказание. Но если ты желаешь такого ребенка простить, другие должны понять, почему ты это делаешь, и он сам должен понять, что ему можно не больше, чем остальным. Иначе ты его избалуешь, распустишь и отдашь на растерзание затронутой в своих правах толпе. Ты совершишь ошибку, и он и остальные дети тебя накажут.

Забудь на минутку о четырех выбитых стеклах, а собственно говоря, о двух, раз на одном уже была трещина, а у второго отбит только уголок. Забудь и погляди, сколько ребят, сбившись в кучки, обсуждают несчастный случай. И в каждой кто-нибудь агитирует за тебя или против.

«Правые» утверждают, что стекло дорогое и что у воспитателя будут неприятности в правлении — слишком, мол, добрый, дети не слушаются. У него всегда непорядок: следовало наказать строже.

«Левые» (сторонники игры в мяч):

— Ни во что играть нельзя, все запрещают. Сделай что-нибудь, сразу в крик, и пошло: угрозы, скандалы. Нельзя-де целый день сидеть, точно кукла какая.

И только «центр» принимает все с доверием и смирением.

Не улыбайся снисходительно — это не шутка, не мелочи; это и есть жизнь в казармах.

Значит, раз и навсегда, принципиально и во всех случаях отказаться от наказаний, предоставив детям полную свободу? А если своеволие ребенка-единицы ограничивает права массы? Своевольный и сам не учится, и другим не дает, и свою постель не постелит, и

чужую разворошит, и свое пальто запропастит да еще чужое возьмет — что тогда?

47. «Некрасиво жаловаться, я не разрешаю жаловаться».

А что делать ребенку, если его обокрали, оскорбили отца или мать, наговорили на него товарищам, если ему угрожают, подбивают на плохое?

Некрасиво жаловаться. Кто установил это правило? Дети ли переняли его от плохих воспитателей или воспитатели от плохих детей? Потому что оно удобно только для плохих и самых плохих.

Тихих и беспомощных будут обижать, эксплуатировать, обирать, а позвать на помощь, потребовать справедливости — нельзя! Обидчики торжествуют, обиженные страдают.

Недобросовестному, неумелому воспитателю удобно не знать, что вытворяют ребята, он машет рукой на их споры, не умея их умно рассудить.

«Лучше всего пускай сами мирятся». И тут, когда дело коснулось его собственного удобства, его вера в них заходит так далеко, что он полагается на их разум, опыт, справедливость и предоставляет в столь важной области свободу действий.

Свободу? Ну, нет: драться нельзя, ссориться нельзя, ты даже не разрешишь ему выйти из игры, не дашь устраниться. Ребенок поссорился и не хочет — всего навсего — рядом спать, сидеть за столом, ходить в одной паре. Такое справедливое, естественное желание — и нельзя.

Дети легко ссорятся? Неправда, они дружны и снисходительны. Попробуй засади человек сорок служащих в одну комнату на неудобные скамьи и держи по пяти часов кряду за ответственной работой под неусыпным надзором начальника — да они глаза друг другу выцарапают!

Вслушайся в детские жалобы и изучай их, и ты найдешь способ во многом им помочь. Сосед задел локтем тетрадку, и поперек страницы поехала некрасивая черта, или перо воткнулось в бумагу, разбрызгивая чернила. Самая частая жалоба в классе.

48. Особый характер носят жалобы на переменах.

— Он не дает играть, он мешает...

Перемена приводит некоторых ребят в дикое, полубессознательное состояние. Носятся, скачут, толкаются; бессмысленные крики, бестолковые движения, безответственные поступки. Вот он бежит куда глаза глядят, наталкиваясь на идущих, размахивая руками, издавая возгласы, наконец, ударяет первого встречного ученика. Обрати внимание, как часто тот, кого толкнули или ударили, сердито обернется и молча посторонится.

А есть дети, которые пристанут ни за что ни про что и не отстанут. «Уйди, оставь» для них сигнал как раз не уходить. Ребята не любят таких, презирают за отсутствие самолюбия и такта и жалуются:

«Мы играем, а он... Господин воспитатель, он всегда... Стоит нам начать играть, как он...»

Жалобщик в гневе («вскипятился»), в голосе отчаяние. Перемена короткая, жалко каждой драгоценной минуты, а тут отравляют, крадут у тебя последние минуты свободы...

Помни, ребенок обращается к тебе только в крайнем случае, выведенный из терпения, беспомощный, не желающий драться. Он зря теряет время и рискует получить небрежный или резкий ответ. У тебя должна быть наготове привычная фраза, это сэкономит тебе работу мысли.

— Мешает? Позови-ка его сюда, — говорю я.

Часто все на этом и кончается. Надо было отогнать нахала, тот, видя, что товарищ пошел жаловаться, спрятался — значит, цель достигнута.

Если жалобщик возвращается: «А он не хочет идти», — я грозно говорю тогда: «Скажи, чтобы немедленно явился».

Вообще дети жалуются очень редко и неохотно. Если некоторый процент жалуется часто, надо это изучить и подумать, почему? Ты никогда не узнаешь детей, пренебрегая их жалобами.

49. «Господин воспитатель, можно? Разрешите? Вы мне позволите?»

Мне кажется, воспитатель, который не любит жалоб, в равной мере не переносит и просьб. Желая,

...нако, и тут подыскать убедительную мотивировку, ...ы ссылается на принцип, гласящий:

— Все дети на равных правах. Никаких исключений, никаких привилегий.

Справедливо ли это? Или, может быть, только удобно?

Необходимость часто отвечать: «Нельзя. — Не позволяю. — Не разрешаю» — неприятная необходимость. Когда нам кажется, что мы свели запреты и приказы до минимума, нас сердит, если ребята требуют дальнейших уступок. Иногда мы и признаем справедливость просьбы, да запрещаем, так как одна удовлетворенная просьба вызывает целый ряд просьб других детей. Мы стремимся достичь идеала, чтобы дети знали определенные границы и большего не требовали.

Но если ты взвалишь на себя тяжелую обязанность не просто отклонять детские пожелания, а выслушивать их, если будешь их записывать и разбивать по рубрикам, то убедишься, что бывают желания повседневные и совершенно исключительные.

Постоянные назойливые просьбы о перемене места за столом. Мы позволили ребятам раз в месяц меняться местами. Об этой незначительной реформе можно было бы написать обширную монографию, столько в ней положительных сторон, а обязаны мы ей исключительно неотвязным просьбам.

Горе ребятам и воспитателю, который умеет подавить каждое не предусмотренное регламентом желание. Благодаря им, как и благодаря жалобам, ты познаешь большинство тайн детской души.

50. Кроме детей, которые обращаются к воспитателю по своему делу, бывают просьбы через послов.

«Он спрашивает, не разрешите ли вы ему? а можно ему?»...

Долгое время этот вид просителей меня злил, и по многим причинам.

Часто послами бывают дети, у которых и своих дел хватает и уже успели тебе с ними надоесть; приходят обычно они не вовремя, когда ты торопишься, занят, не в настроении; просьбы часто такие, что ответ

должен бы быть явно отрицательным; это создает впечатление протекции — а не припишет ли посол себе заслугу благоприятного решения? Наконец, в этом есть вроде как бы неуважение: «Приди-ка сам, изволь побеспокоиться, а не проси через адвоката».

Бесплодность борьбы с такими просьбами заставляла искать более глубокую причину этого явления. И я нашел ее.

Я обнаружил общечеловеческую, а не чисто детскую тонкость души.

Резкий ответ не обижает просящего за другого, лично не заинтересованный проситель не видит недовольного лица, кривой усмешки, нетерпеливого жеста. Ему важен отказ, как таковой.

Мне случалось видеть, как настоящий проситель наблюдал издали, какой эффект вызовет его просьба, готовый по первому зову подойти и дать разъяснения.

Когда мы ввели в Доме Сирот систему письменного общения с детьми, количество просьб через послов значительно сократилось, и у нас появился готовый ответ:

«Путь напишет, чего он хочет и почему».

51. До тошноты часто повторяется eh cathedra предписание отвечать детям на вопросы. И, слепо поверив в него, бедный воспитатель вступает в конфликт с совестью, потому что не может, не умеет, не обладает достаточным терпением непрерывно выслушивать вопросы и вечно давать ответы. И даже не подозревает, что чем чаще он бывает вынужден отделаться коротким «не надоедай» от маленького приставалы, тем он лучше как воспитатель.

«Я хорошо написал, вычистил башмаки, вымыл уши?»

Если первый спрашивает, потому что у него есть сомнения, то уже следующие желают только обратить на себя внимание, прервать начатую работу, получить лишнюю похвалу.

Бывают вопросы трудные, на которые лучше не отвечать совсем, чем отделываться поверхностным непонятным объяснением. Поймет, когда будет изучать физику, космографию, химию. Поймет, когда будет

изучать физиологию. А вот этого никто не знает, даже взрослые, даже учитель — никто.

Следует принять во внимание самого ребенка: вдумчивый он или поверхностный, что побудило его спросить — беспредметное ли любопытство или желание разрешить мучающий его вопрос, тайну природы, этическую проблему — и, наконец, возможность ответа. И мое «посмотри в книжке — тебе не понять — не знаю, спроси у меня через неделю» или «не морочь мне голову» будет результатом многих правильно учтенных обстоятельств.

Я смотрю с подозрением на воспитателя, который утверждает, что он терпеливо отвечает детям на вопросы. Коли не врет, он, возможно, настолько чужд детям, что они действительно редко и лишь в виде исключения обращаются к нему с вопросами.

52. Если жалобы, просьбы и вопросы — ключ к познанию детской души, сделанное шепотом признание — настежь распахнутые в нее ворота.

Вот добровольное признание, сделанное через несколько месяцев после имевшего места факта:

«Мы очень на вас были злы, он и я. Вот мы и уговорились, что один из нас заберется ночью через окно к вам в комнату, возьмет очки и выбросит в уборной, а потом подумали, что ведь жалко выбрасывать, что мы только спрячем. Мы не спали и ждали до двенадцати часов ночи. Когда я уже встал, чтобы идти, один мальчик проснулся и пошел в уборную. Но я потом все равно опять встал. Влез я в окно — сердце во как колотится! Очки лежали на столе. Вы спали. Я их взял и спрятал у себя под подушкой. Потом-то мы испугались. Не знали, что и делать. Потом он сказал: «Надо положить на место». А я ему сказал, чтобы он положил. А он не захотел. Тогда я опять встал, но уже в комнату не влезал, а просто положил и немножечко еще подтолкнул».

Зная обоих, я понимаю, откуда исходила инициатива, как вырабатывался план действий и почему месть не была доведена до конца.

Одному этому факту можно было бы посвятить

целый трактат, такой это богатый материал для размышлений.

53. Улыбаясь ребенку — ждешь в ответ улыбку. Рассказывая что-нибудь любопытное — ждешь внимания. Сердишься — ребенок должен огорчаться.

Это значит, ты получаешь нормальную реакцию на раздражение. А бывает и по-другому: ребенок реагирует парадоксально. Ты имеешь право удивиться, обязан задуматься, но не сердись, не дуйся.

Ты подходишь к ребенку с дружеским чувством, а он отворачивается с досадой, а то и явно тебя избегает: может быть, это ты перед ним виноват, а может быть, это он провинился, сделал что-нибудь плохое и честность не позволяет принять незаслуженную ласку. Возьми это на заметку и через неделю или месяц попроси объяснить: может быть, он забудет, может быть, скажет, а может быть, по его улыбке или смущению ты поймешь, что он помнит, только не хочет сказать. Воспитатель, отнесись к его тайне с уважением.

Однажды я приструнил ребят:

— Что это за шушуканья по углам? Прячетесь в классной комнате... Вы же знаете, я этого не люблю!

Ответом мне были: стоическая покорность, злостное упрямство, своевольная ясность духа. Мое внимание должно было бы привлечь явное отсутствие раскаяния; я не понял и подозревал преступные козни наших неслухов. А это ребята в секрете репетировали комическую пьеску, которой думали нас порадовать. Еще сегодня я краснею при мысли, как я был смешон в своем ожесточении.

54. «У моего мальчика от меня нет секретов, он делится со мной всеми своими мыслями», — говорит мать.

Я не верю, что это так, но верю, что она этого требует, и знаю, что она делает ошибку.

Пример:

Мальчик видит на улице похороны. Величественная процессия — фонари, торжественность. За гробом следует ребенок: в своем отделанном черным крепом платье он участник исполненного таинственной

поэзии обряда. И у мальчика мелькает мысль: должно быть, это приятно, когда мама умирает... И он с ужасом смотрит на мать. Ой, он не хочет, чтобы мама умирала, и откуда только такие мысли?

Ну можно ли, позволительно ли такую мысль высказать? И вправе ли мы тревожить ребенка в момент грозного конфликта с совестью?

Если ребенок поверит тебе свою тайну, радуйся, потому что его доверие — высочайшая награда, лучшее свидетельство. Но не принуждай его к откровенности, у него есть право на тайну; не принуждай ни просьбами, ни лестью, ни угрозами, все способы одинаково недостойны и не сблизят тебя с воспитанником, а скорее разъединят.

Надо убедить детей в том, что мы уважаем их тайны, что вопрос «Не можешь ли ты мне сказать?» не значит «ты должен». Пусть на мое «почему» он ответит искренне, без увертюк: «Я не могу вам этого сказать. — Я вам потом когда-нибудь скажу. — Никогда не скажу».

55. Однажды я заметил, как одиннадцатилетний мальчик подошел к девочке, которую он любил, и что-то шепнул ей. В ответ она покраснела, опустила голову и недоуменно пожала плечами.

Несколько дней спустя я спросил его, с чем он тогда к ней обратился. Никакого замешательства, искреннее желание вспомнить.

— Ах, да я спросил у нее, сколько шестнадцатью шестнадцать.

Я был ему так благодарен — столько он пробудил во мне хороших задушевных мыслей.

Другой раз мне стало известно, что с одной девочкой, когда она шла вечером через сад, случилась какая-то загадочная история. Наши ребята ходят в город без провожатых и в одиночку — это входит в программу воспитания, и отказаться от этого было бы очень жаль. Мы решили удвоить бдительность. Случай в саду меня сильно обеспокоил. Я потребовал, чтобы она во всем созналась, припугнув, что иначе не буду пускать одну.

Она сказала, что, когда шла по саду, пролетавшая

птичка испачкала ей шляпку: «сделала мне на голову».

Мне кажется, из нас двоих я был более сконфужен.

Будь мы более деликатны по отношению к детям, как часто нам приходилось бы сгорать от стыда за ту нечистоплотность жизни, которую они застали и от которой мы их не в силах уберечь.

56. Тихий шепот признаний подчас бывает шепотом доносов.

Не возмущайся лицемерно: ты выслушаешь доносчика, твоя обязанность выслушивать.

— Он вас ругает, обозвал нехорошим словом.

— Откуда ты знаешь, что он меня ругает?

— Нас много слышало.

Значит, услышал случайно, не подслушал.

— И что ты хочешь, чтобы я ему сделал?

Смущение: не знает, что он хочет, чтобы я тому сделал.

— Ну, а знаешь ты, почему он меня ругал?

— Разозлился, что вы...

Суть доноса — ерундовская, цель — неясная. Наверно, думал заинтересовать воспитателя, импонировала мысль, что вот, мол, владеет великой тайной и делится ею со старшим.

— А сам ты не ругаешься, когда злишься?

— Иногда и ругаюсь.

— Не делай этого, это дурная привычка.

Не читай ему нравоучений, может быть, он хотел тебе добра, а если нет, несколько ставящих в тупик вопросов и отсутствие интереса к сообщению — достаточное наказание.

57. Преступная цель: желал отомстить.

— Старшие мальчики говорят разные свинства, и у них какие-то неприличные картинки есть и стихи.

— Какие такие картинки и стихи?

Не знает. Он спрятался и подслушал. А говорит потому, что такие картинки иметь не разрешается. Он хочет, чтобы этих мальчишек наказали.

— А ты, случайно, не просил показать тебе картинку?

Просил, да они не захотели, сказали, что он мал еще.

— А я могу им сказать, от кого я узнал?

Нет, нельзя: они его побьют.

— Раз ты мне не позволяешь сказать, от кого я это знаю, то я не могу им ничего сделать. Они могут подумать на кого-нибудь другого и побьют его.

Ну, ладно, он не боится: поступайте как знаете.

— Спасибо, что сказал. При случае я поговорю с ними, попрошу больше этого не делать.

Я говорю ему «спасибо»: он заметил то, что я сам обязан был заметить. А разговор о том, что месть уродлива, я откладываю на после. На сегодня довольно, ожидал другого — выстрел не попал в цель.

58. Дело, может быть, очень серьезное, цель — благая.

Он был в доме, где скарлатина. — Малыши забираются в раздевалку и курят, они дом поджечь могут. — Икс подговаривает Игрека украсть. — Зет относит сторожу еду и взамен получает яблоки. — Вчера на улице какой-то господин предлагал девочке пойти в кондитерскую и прокатиться на автомобиле.

Ребенок знает, зачем он это говорит. Заметив опасность или заслуживающий наказания поступок, он колебался, не знал, что делать, и вот приходит посоветоваться, потому что тебе доверяет. Ребята рассердятся, будут избегать его, — что ж, ничего не поделаешь. Он свой долг выполнил: предостерег.

Я должен относиться к нему как к товарищу, который помог мне решить трудный вопрос. Ребенок оказал мне большую услугу. А теперь мы вместе с ним думаем, как быть дальше.

Помни, всякий раз, когда к тебе подходит ребенок с чужой тайной, он тебя обвиняет:

«Ты не выполнил свой долг: не знаешь. А не знаешь потому, что ты пользуешься у детей доверием, да только относительным, — дети тебе доверяют, да не все».

59. После того как ты узнал, не спеши. Не давай бесчестному доносчику торжествовать: «Я, мол, обратил внимание, я, мол, выполнил важную миссию». Твой долг защитить честного ребенка от мести — вражды.

Откладывая обсуждение дела в долгий ящик, ты получаешь возможность, усилив бдительность, заметить все сам.

Дальше: если, заметив провинность, ты немедленно бьешь тревогу, дети могут быть уверены, что, раз ты молчишь, ты не знаешь.

«Откуда вы знаете, а когда вы это узнали, а почему вы сразу не сказали?» — вот о чем чаще всего спрашивают ребята, когда напоминаешь им старый грех.

Еще раз: не спеши. Выжди удобный момент и поговори с ребенком, когда он дружелюбно настроен, а само дело с течением времени перестало быть важным и актуальным. Ох, это было давно, месяц тому назад. И он тебе откровенно расскажет, что его толкнуло на дурной поступок, и как он его совершил, и что чувствовал до, во время его и после.

Дальше: не рассердишься, у тебя будет время обдумать, взвесить, подготовиться. От разумного решения зависит подчас все твое дальнейшее отношение к ребенку или к группе ребят.

Пользуясь твоим хорошим настроением, он просит у тебя ящик с ключиком.

— С большим удовольствием. Будешь лучше прятать свои неприличные картинки, чтобы малыши не нашли.

Пристыжен, ошеломлен, удивлен.

Теперь он захочет с тобой поговорить. Не спеши! Чуть остыв, он сам отдаст тебе картинку (утратит прелесть новизны), скажет, от кого получил, кому давал посмотреть. Чем ты спокойнее говоришь, тем все проще, чем умнее, тем ближе к сути дела.

60. Мой принцип:

«Пусть дитя грешит».

Не будем стараться предупреждать каждое движение, колеблется — подсказывать дорогу, оступится — лететь на помощь. Помни, в минуты тягчайшей душевной борьбы нас может не оказаться рядом.

«Пусть дитя грешит».

Когда со страстью борется еще слабая воля, пусть оно терпит поражение. Помни: в конфликтах с совестью

вырабатывается моральная стойкость.

«Пусть дитя грешит».

Ибо, если ребенок не ошибается в детстве и, всячески опекаемый и охраняемый, не учится бороться с искушениями, он вырастает пассивно-нравственным — по отсутствию возможности согрешить, а не активно-нравственным — нравственным благодаря сильному сдерживающему началу.

Не говори ему:

«Грех мне противен».

Скажи лучше:

«Не удивляюсь, что ты согрешил».

Помни:

«Ребенок имеет право солгать, выманить, вынудить, украсть. Ребенок не имеет права лгать, выманивать, вынуждать, красть».

Если ребенку ни разу не представился случай выковырять из кулича изюминки и тайком съесть их, он не мог стать честным и не будет им, когда возмужает.

— Возмутительно!

Лжешь.

— Я тебя презираю!

Лжешь.

— Никогда я от тебя этого не ожидал... Значит, даже тебе нельзя доверять?

То-то и плохо, что не ожидал. Плохо и то, что безоговорочно доверял. Никудышный ты воспитатель: не знаешь даже, что ребенок — человек.

Ты возмущаешься не потому, что видишь грозящую ребенку опасность, а потому, что ребенок может испортить репутацию твоего учреждения, твоей педагогической системы и лично твою: ты заботишься исключительно о себе.

61. Позволь детям ошибаться и радостно стремиться к исправлению.

Детям хочется смеяться, бегать, шалить. Воспитатель! Если для тебя жизнь — кладбище, позволь им в ней видеть лужайку. Сам во власянице — банкрот бренного счастья или кающийся грешник, — имей мудрую снисходительную улыбку.

Здесь должна — должна царить атмосфера полной терпимости к шутке, проказе, насмешке и подвоху и наивному греху лжи. Здесь не место суровому долгу, каменной серьезности, железной необходимости, непоколебимому убеждению.

Всякий раз, впадая в тон монастырского колокола, я делал ошибку.

Верь мне, интернатская жизнь потому нам кажется мутной, что мы требуем от нее слишком высокого идейного уровня. В сотый раз повторяю: в казарменной обстановке интерната не воспитаешь ни дивно цельной честности, ни пугливой чистоты, ни девственной невинности чувств, не знающих, что зло существует.

И не потому ли ты так любишь этих своих честных, беззаветных, кротких, что знаешь, как им будет тяжко на свете?

Да и может ли обойтись любовь к правде без знания дорог, которыми ходит кривда? Разве ты желаешь, чтобы отрезвление пришло внезапно, когда жизнь кулаком хама смажет по идеалам? Разве, увидав тогда твою первую ложь, не перестанет твой воспитанник сразу верить во все твои правды?

Если жизнь требует клыков, разве вправе мы вооружать детей одним румянцем стыда да тихими вздохами?

Твоя обязанность — воспитать людей, а не овечек, работников, не проповедников: в здоровом теле здоровый дух. А здоровый дух не сентиментален и не любит быть жертвой. Я желаю, чтобы лицемерие обвинило меня в безнравственности!

62. Дети лгут.

Лгут, когда боятся и знают, что правда не выйдет наружу.

Лгут, когда им бывает стыдно.

Лгут, когда ты их заставляешь сказать правду, которую они не хотят или не могут сказать.

Лгут, когда им кажется, что так надо.

— Кто это пролил?

— Я, — признается кто-нибудь и попытается оправдаться, если знает, что ты ему на это скажешь толь-

ло: «Возьми тряпочку и подотри» — и самое большее добавишь: «разиня».

Он признается и в серьезном проступке, если будет знать, что воспитатель станет усиленно доискиваться, решив во что бы то ни стало узнать правду. Пример: нелюбимому мальчику налили в постель воды. Никто не признается. Я предупредил, что, пока виновный не сознается, не выпущу никого из спальни. Прошел тот час, когда старшие отправляются на работу; приближается время завтрака. Завтракать ребята будут в спальне. В школу они не пойдут, и так опоздали. В спальне шепот: совещаются. Часть ребят, безусловно, не виновата, остальные в разной степени под подозрением. Ребята уже, наверное, догадываются, кто это мог сделать, возможно, уже знают, возможно, уговаривают сознаться.

— Господин воспитатель...

— Это ты сделал?

— Я.

Наказание было бы излишне: подобный проступок не повторится.

Позволь ребенку хранить тайны: если ты дашь ему право сказать: «Знаю, но не скажу» — он не станет лгать, что не знает.

Позволь ребенку свободно признаваться в чувстве, не отвечающем установленной заповеди.

63. «Как вас дети любят», — говорит какая-нибудь сентиментальная особа.

Бывает, заключенные любят снисходительных надзирателей. Но есть ли хоть один ребенок, который не был бы в обиде на своего воспитателя? Какое-нибудь неприятное распоряжение, какая-нибудь когда-то сказанная резкость, затаенное желание, которое он не откроет, «раз все равно из этого ничего не выйдет». Если ребята думают, что они любят, то потому, что старшие им говорят, что так должно быть; другие не хотят отставать; некоторые и сами в толк не возьмут, любят они или ненавидят; а все они, видя мои недостатки, хотели бы меня немножко переделать, сделать лучше. Бедняги не знают, что самая большая моя вина — это то, что я перестал быть ребенком.

«Как вас дети любят».

Как ребята подбежали, прильнули ко мне, обступили, когда я пришел с войны! Но разве они не больше обрадовались бы, появись в зале неожиданно мыши или морские свинки?

Мать, отец, воспитатель! Если ребенок полюбил тебя глубокой, всегда одинаково бескорыстной любовью, пропиши ему водные процедуры или даже немного брома.

64. Бывают минуты, когда ребенок тебя безгранично любит, когда ты ему нужен, как никто: когда он болен и когда он испугался ночью страшного сна.

Помню ночь, проведенную в больнице у постели больной девочки. Время от времени я давал ей вдыхать кислород. Девочка дремала, крепко держа меня за руку. Каждое движение моей руки сопровождалось словами: «Мама, не уходи», которые она шептала в полузабытьи, не открывая глаз.

Помню, как, весь дрожа, в приступе безнадежного отчаяния, вошел ко мне мальчик, перепуганный сном о мертвецах. Я взял его к себе в кровать. Он рассказал сон, рассказал о покойных родителях и о своем пребывании после их смерти у дяди. Мальчик говорил задушевным шепотом, может быть, желая вознаградить за прерванный отдых, а может, из страха, что я усну раньше, чем от него отступятся злые видения...

У меня есть письмо мальчика, полное жалоб на меня и на Дом Сирот. Мальчик написал его на прощание. В письме он жалуется, что я не понимал его и был к нему злой и несправедливый. В доказательство, что он умеет ценить доброту, приведен пример: он, мол, никогда не забудет, что, когда у него однажды болел ночью зуб, я не сердился, что меня разбудили и не брезговал, клал ему на зуб ватку с лекарством. За все свое двухлетнее пребывание в Доме Сирот он один этот факт счел достойным сердечного упоминания. А воспитатель обязан удалять больных детей из интерната, и ночью после целого дня работы спать.

65. Не будем требовать от детей ни индивидуального, ни коллективного самопожертвования.

Папа, у которого много работы, мама, у которой

(болит голова, усталый воспитатель — все это может тронуть раз или несколько раз; если же это постоянно — утомит, надоест, будет злить. Мы можем запугать детей так, что при первой же нашей гримасе боли или выражении неудовольствия они начнут говорить шепотом и ходить на цыпочках, но будут делать это нехотя, с перепугу, а не из чувства привязанности.

Да, дети будут послушные, серьезные — у воспитателя горе. Но пусть это случается редко, как исключение.

А разве мы, взрослые, всегда готовы уступать капризам, причудам и достопочтенным взглядам старцев?

Я думаю, многие дети вырастают в отвращении к добродетели потому, что ее безустанно внушают, перекармливая хорошими словами. Пусть ребенок сам открывает необходимость, красоту и сладость альтруизма.

Всякий раз, указывая детям на их обязанности по отношению к семье, младшим братьям и сестрам, я боюсь, что делаю ошибку.

Ребята сами принесут домой выигранные в лото картинки и конфеты, потому что им приятно видеть радость братишки, —а может быть, это только самолюбие? Что и они дают — как взрослые?

Ребенок берет в сберкассе накопленный им рубль и отдает сестре на башмаки. Прекрасный поступок! Но знает ли ребенок цену деньгам? Может быть, это просто легкомыслие?

Не сам поступок, а побуждение характеризует нравственный облик и потенциональные возможности ребенка.

66. Ребенок подавлен нашим авторитетом, обязанностью быть нам благодарным, уважать нас. Ребенок все это чувствует, но по-другому, по-своему.

Ребята уважают тебя за то, что у тебя есть часы, что ты получил письмо с иностранной маркой, что имеешь право носить при себе спички, поздно ложишься спать, подписываешься красными чернилами, что ящик у тебя запирается на ключ, — за то, что ты обладаешь всеми привилегиями взрослых. Намного меньше ребята уважают тебя за образование, в котором

всегда усмотрят недо
по-китайски? А считать
Воспитатель расск
кучера и сторож зна
играет на скрипке, а т
кает мяч выше.

Добродушным де
остроенные же крит
перед нашим умом, н
Взрослые врут, жульн
тест к некрасивым у
стиконьку, то тольк
сыто, ведь они дела

Чем больше ты за
ека, тем больше ег
тем скорее его потер
по последней степен
ся по-дурацки вкраст
, делая поблажки, он

На свой лад — э

Ребята будут сме
ростый — лысый,
гда ты сердишься
ваешься, голова ух
ать, и захотят быть
ком, когда сердя

Позволь им в ка
та редкой задуше
ецески, что они с

— Вы такой стр
и так просто убил
— Когда вы что
то правда. А под
олько так говорит
— Никогда не
чше думаете.
— И выходит,
го вы только ино

67. Никто не за
ворил одному
но не мог

всегда усмотрят недостатки: «А вы умеете говорить по-китайски? А считать до миллиарда?»

Воспитатель рассказывает интересные сказки, а кухарка и сторож знают еще интереснее. Воспитатель играет на скрипке, а товарищ, играя в лапту, подкидывает мяч выше.

Добродушным детям импонируют все взрослые; настроенные же критически не склоняют головы ни перед нашим умом, ни перед нашей нравственностью. Взрослые врут, жульничают, они не искренние, прибегают к некрасивым уловкам. Если взрослые не курят потихоньку, то только потому, что могут курить открыто, ведь они делают, что хотят.

Чем больше ты заботишься о поддержании авторитета, тем больше его роняешь; чем ты осторожнее, тем скорее его потеряешь. Если ты только не смешон до последней степени, не абсолютно туп и не стараешься по-дурацки вкрасться в доверие у ребят, заигрывая и делая поблажки, они станут тебя на свой лад уважать.

На свой лад — это как? Я не знаю.

Ребята будут смеяться, что ты худой и высокий — толстый — лысый, что у тебя на лбу бородавка, что, когда ты сердишься, у тебя шевелится нос, а когда смеешься, голова уходит в плечи. И станут тебе подражать, и захотят быть худыми или толстыми и шевелить носом, когда сердятся.

Позволь им в какую-нибудь исключительную минуту в редкой задушевной беседе сказать тебе по-товарищески, что они о тебе думают.

— Вы такой странный. Иногда я вас люблю, а иногда так просто убил бы со злости.

— Когда вы что-нибудь говорите, кажется, что все это правда. А подумаешь и видишь, что вы ведь это только так говорите, потому что мы дети.

— Никогда нельзя узнать, что вы о нас на самом деле думаете.

— И выходит, что и посмеяться над вами нельзя, раз вы только иногда смешной.

67. Никто не запротестовал, что я в повести «Слава»* позволил одному из героев украсть. Я долго колебался, но не мог поступить иначе: этот паренек, с такой

...ими желания и таким живым воображением, должен был один раз украсть.

Ребенок крадет, если ему чего-нибудь так крепко хочется, то он не в силах устоять.

Ребенок крадет, когда чего-нибудь очень много — значит, одно можно взять. Крадет, когда не знает, кто хозяин. Крадет, если у него самого украли. Крадет, раз ему нужно. Крадет, потому что его подговорили.

Объектом кражи может быть камушек, орех, обертка от карамельки, гвоздик, спичечная коробка, осколок красного стеклышка.

Бывает, что все дети воруют, что детские кражи допускаются. Эти маленькие, не имеющие цены предметы составляют не то личную, не то общую собственность.

— Нате вам лоскутки, играйте.

А перессорятся — что тогда?

— Перестаньте ссориться: вон у тебя сколько, дай и ему.

Ребенок отдает тебе найденное им сломанное перышко:

— Возьми и выброси.

Ребенок нашел разорванную картинку, шнурок, бусинку. Если можно выбросить, значит, можно и взять себе?

И мало-помалу перышко, иголка, кусочек резинки, карандаш, наперсток, наконец, каждый валяющийся на окне, столе или на полу предмет становится как бы общей собственностью. И если в семье из-за этого каждый день сотня ссор, в интернате их будут тысячи.

Есть два способа: один — недостойный — не позволять детям держать у себя разный «хлам» и другой — правильный — у каждой вещи есть свой хозяин, и все, что найдено, должно быть возвращено по принадлежности. Каждую пропавшую вещь надо немедленно разыскать.

Таким образом, ребенок получает ясное указание; остается только один, первый вид кражи; и поддаются подчас искушению украсть не самые плохие дети.

68. Обман — это только разновидность кражи, кража замаскированная.

Выпрашивание подарков, явно нелепые пари, азартные игры и игры в «зелень» и в «косматое», наконец, выменивание «ценных» предметов (перочинный нож, пенал, коробка из-под шоколада) на предметы, ничего не стоящие. Наконец, долги без указаний срока.

Чаще всего воспитатель, заботясь о своем удобстве, запрещает меняться, делать подарки, играть из корыстных соображений. Этот запрет отрезает раз и навсегда пострадавшему путь к жалобе, и так уже преданной анафеме.

Сотни наиболее жизненных, любопытных, своеобразных дел не доходят до воспитателя, а одно, очень уж броское и потому разоблаченное, позволяет ему блеснуть ораторским талантом, проповедью, полной жизненной неправды. Следует запрет еще более решительный — и опять тишь да гладь до следующего скандала. Запрет имеет силу ненадолго — жизнь сметает его.

Сколько же этих отвратительных, деморализующих, обидных дел по поводу невыполненных обязательств, выманенных подарков, сознательно жульнических сделок!

Ребенок, потеряв чужой мяч или перочинный ножик, может стать рабом.

69. Воспитатель, который приходит со сладкой иллюзией, что он вступает в этакий маленький мирок чистых, нежных, открытых сердечек, чьи симпатии и доверие легко снискать, скоро разочаруется. И вместо того чтобы винить тех, кто ввел его в заблуждение, и себя самого, что поверил, он будет дуться на детей подорвавших его веру в них. А разве они виноваты, что тебе показали заманчивые стороны работы и скрыли шипы?

Среди детей столько же плохих людей, сколько и среди взрослых; только у детей нет то ли надобности, то ли возможности себя проявить.

Все, что творится в грязном мире взрослых, существует и в мире детей. Ты найдешь здесь представителей всех типов людей и образцы всех их недостойных поступков. Дети подражают жизни, речам и стремлениям воспитавшей их среды, ибо имеют в зародыше

страсти взрослых.

И если я завтра встречаю группу детей, я уже сегодня обязан знать, кто они. Там будут ласковые, пассивные, добродушные, доверчивые ребята — вплоть до самых злостных, явно враждебных и полных двуличной инициативы или притворно уступчивых, конспиративно злостных малолетних преступников и интриганов.

Я предвижу необходимость борьбы за режим и безопасность и бездушных и честных. Я призову к сотрудничеству положительные элементы ребячьей толпы, противопоставлю их злым силам. И только после того, как ясно представлю себе границы педагогических влияний на данном участке, разверну планомерную воспитательную работу.

Я могу внедрить традиции правды, порядка, трудолюбия, честности, искренности, но я не в силах изменить природу ребенка. Береза так и останется березой, дуб дубом, лопух лопухом. Я могу пробудить то, что дремлет в душе ребенка, но не могу ничего создать заново. И буду смешон, если стану сердиться из-за этого на себя или на него.

70. Я заметил у честных воспитателей нелюбовь к неискренним детям. Я хотел бы обратить внимание воспитателей на то, что рабство, в каком мы держим детей, воспитывает в них ложь, умение злоупотреблять нашим расположением, лицемерное угодничество, комедию привязанности из расчета. Поражены этим недугом в разной степени все.

Загляни в души твоих «неискренних». Бедные дети! Иногда это самолюбивые, но без реальных к тому данных (а может, просто непонятные?); иногда это слабые физически и некрасивые, всеми гонимые; иногда это приучаемые на стороне к ханжеству, калечимые и порченные как тобой самим, который их не любит, так и теми, кто, не замечая фальши их привязанности, благодарности и образцовости, наделяет их особыми правами.

Если такой холодный, злой ребенок подошел к тебе и приласкался, ты, хотя и знаешь, что он это сделал из расчета, не вправе его оттолкнуть. Может быть, он

просто не умеет по-другому, а может, другие, которые тебя обманывают привлекательнее и ловчее, еще более лживы, ибо вошли в роль?

Среди тех, кто вертится около тебя больше, чем тебе бы хотелось, может, есть слабые и нелюбимые, желающие, чтобы ты окружил их заботой, защитил от обид?

Может, кто-нибудь им шепнул: будь поприветливее, дай букетик, поцелуй — попроси. Может быть, ребенок следует указанию машинально, вопреки своей сухой, но искренней натуре, а значит, по приказу, неловко и неумело?

Меня удивило, когда один из мальчиков, сдержанный, старчески сухой, замкнутый в себе мизантроп, стал вдруг со мной душевным — первым смеялся над моими шутками, шел впереди, прокладывая дорогу, предупреждая желания. Делал он это неловко, явно желая привлечь внимание к своим поступкам. Так продолжалось довольно долго, мне было неприятно, но я скрывал. Когда, наконец, он попросил принять в Дом Сирот его младшего брата, я почувствовал, как на глаза мои навертываются слезы: бедняга, каких ему стоило усилий быть так долго тем, кем он по существу не был!

71. Ребята, не любимые другими ребятами, и ребята-любимцы, коноводы. Важная тема, разработка ее даст ключ к загадочным жизненным успехам не за счет душевных качеств или силы, а чего-то неуловимого и нам неизвестного.

У красивых, здоровых, веселых, инициативных, смелых, талантливых ребят всегда есть товарищи, союзники, поклонники; у чересчур честолюбивых бывают и враги. Отсюда враждебные лагери. В детском коллективе случаются и мимолетные любимцы, дети возвышают их, чтобы потом порадоваться их падению.

Не удивительно, если ребенка, который умеет организовать игры, знает сказки, любит и умеет играть, охотно принимают товарищи; он оделяет своей весе-лостью и задором, как другой яблоками и грушами. И в конце концов, что и любить детям, как не изобилие сластей или богатство духа, дающего им радость?

Дети не любят размазней и надоед, но кто они, эти размазни и надоеды, как не слабые телом и бедные духом? Вот и идут они к воспитателю; ведь ничего не давая ребятам сами, они ничего и не получают взамен.

Так оно и должно быть, что больше всего на тебя посягают, теснее всего тебя обступают не наиболее стоящие дети. Не требуй для них всей полноты прав, они и сами немного требуют.

Но и отталкивай их.

72. Ребенок старается, а я добавлю, и имеет право использовать все свои плюсы, все положительное, что в нем есть, чтобы обратить на себя внимание: приятную внешность, ловкость, память, хорошо подвешенный язык, звучный голос, происхождение. Если, не переубедив, мы станем ему мешать, мы вызовем у него неприязнь, и он усмотрит в нашем поступке придирку, а может, и зависть.

— Это наш певец, это наш гимнаст.

Может быть, это неправильно? Может быть, это портит? А может быть, только придает ребенку храбрости прямо сказать, то, что думает: да, он гордится, что лучше всех поет, что он самый ловкий.

Разве не бестактнее грубо сказать:

«Думаешь, раз хорошо поешь, раз у тебя отец войт*, так уж тебе все можно?»

Или:

«Думаешь, обманул своей улыбкой?»

Или:

«Ты целуешь, потому что тебе что-то надо!»

Да, это так, но ты и сам так поступаешь.

Разве не подменяешь ты памятью отсутствие собственных мыслей или способностью логически мыслить отсутствие памяти? Разве не стараешься добиться послушания с помощью улыбки, так как не умеешь или не любишь прибегать к угрозам? Разве не хочешь исправить, целуя?

Разве сам ты не скрываешь своих пороков и недостатков?

Почему ты лишаешь ребенка права, которым пользуешься сам, хотя и располагаешь колоссальными

преимуществами возраста и власти?

У огромного большинства детей еще нет ума. У них смекалка. Локк* называет смекалку обезьяной разума. Чем более благоприятные условия созревания создашь ты своим воспитанникам, тем скорее твои забавные обезьянки превратятся в людей.

73. Дети, поступившие последними или с запозданием, — вот мерило терпения воспитателя.

Звонок. Непосвященные не знают, сколько нужно усилий со стороны воспитателя и сколько упорства и доброго желания со стороны детей, чтобы эта сотня по данному сигналу явилась в полном составе.

Еще только одна строка не переписанного до конца стиха, один номер в лото, одно слово неоконченного разговора, не до конца главы, а только до точки дочитанная сказка.

Уходя из класса, ты ждешь, чтобы закрыть дверь. Крича и толкаясь, летят сломя голову все, кроме одного или двух, и ты обязан ждать, пока они в последнюю минуту чего-нибудь не наденут или не вынут.

Выдаешь башмаки, пальто — то же самое.

И ты стоишь и ждешь у открытого шкафа — у лампы, чтобы ее погасить, — у ванны, чтобы спустить воду, — у стола, чтобы собрать посуду, ждешь этого одного или двух, чтобы начать или закончить какую-нибудь работу. А у них вечно то затеряется шапка перед самым уходом, то сломается перо в начале диктанта.

«Скорее! Ну, пошевеливайся!.. И долго это будет продолжаться?.. Когда же ты, наконец, соизволишь?..»

Не сердись, такими они и должны быть.

74. Запрещение на первый взгляд не обременительное. Но борешься безрезультатно: ребята не слушаются. Не сердись!

Мы запретили по вечерам разговаривать в спальне.

— Целый день в вашем распоряжении, могли наболтаться. А теперь спать.

Видно, что-то не позволяет подчиниться этому, казалось бы, справедливому требованию, раз ребята разговаривают вполголоса, шепотом, даже очень тихим шепотом. Стоит шум. Прикрикнешь — тишина, но ненадолго. Сегодня, завтра, вчера — то же самое. Зна-

нит, осталось только взяться за палку — применить насилие — или дознаться, в чем дело.

— О чем ты вчера разговаривал в спальне?

— Я ему рассказывал, как мы жили дома, когда еще папка живой был.

— Я у него спросил, почему поляки не любят евреев.

— Я говорил, пусть исправится, тогда вы на него не будете злиться.

— Я говорил, что, когда я вырасту большой, я поеду к эскимосам и научу их читать и строить дома.

Грубым окриком: «Тихо там» — я прервал бы эти четыре разговора.

Вместо проступка перед тобой раскрылись сокровенные думы и заботы твоих детей. В шуме и ярмарочной суете нет места тихим признаниям, печальным воспоминаниям, дружеским советам, вопросам по секрету. Тебе надоедает шум с утра и до ночи и хочется перед сном хотя бы минуту покоя — того же хотят и дети...

По утрам ты запрещаешь им разговаривать до определенного часа? А что делать тому, кто проснулся раньше, кто каждый день просыпается раньше?

И в этой бесцельной борьбе за утреннюю тишину в спальне одержали победу дети, а я сделал открытие, если и не составляющее эпоху в науке, то уж, во всяком случае, первостепенного значения.

75. Другой пример.

Мне часто случалось задавать детям вопросы:

«Что поделываешь, что у тебя слышно, почему ты такой невеселый, как поживают твои домашние?»

И часто слышать в ответ:

«Да ничего, все в порядке, я не невеселый».

Я был доволен: на то, чтобы показать ребенку, что я им интересуюсь и к нему расположен, я тратил ничтожные доли минуты. Проходя мимо, я часто гладил кого-нибудь по головке.

Через некоторое время я обратил внимание на то, что дети не любят ни эти ласки, ни вопросы. Одни отвечали нехотя, как бы с некоторым смущением; другие с холодной сдержанностью, а то и с иронической улыб-

кой. Раз ко мне обратился по довольно важному делу мальчик, всего минуту назад давший стандартный ответ на вопрос. От поглаживания по головке дети, в другое время нежные и чувствительные, явно уклонялись.

Признаюсь, это меня раздражало, я сердился и наконец понял. В этих привычных, небрежно брошенных вопросах ребенок не видит ни искреннего интереса, ни возможности обратиться с просьбой. Он прав: подавая целую коробку конфет, ты рассчитываешь, что гость возьмет одну и не самую большую. Ты потчуешь ребенка долей минуты, он дает тебе требуемый ответ: «Все в порядке» — но, исполнив долг вежливости, остается в обиде на тебя за притворный интерес к его особе, не желая, чтобы к нему обращались, чтобы только отделаться, мимоходом.

— Ну как, вам лучше? — спрашивает врач на обходе. По тону голоса и движениям больной видит, что врач торопится, и нехотя отвечает:

— Спасибо, лучше.

76. Дети не привыкли к фальши светских условностей и, добавлю, к обычной лжи нашей разговорной речи:

— Просто руки опускаются. — За обедом должно быть тихо, как в церкви. — На нем все так и горит.— Что ни возьмет в руки, все ломает. — Сто раз тебе говорил, больше уже я повторять не стану.

Для ребенка все это ложь.

И как ему только не стыдно говорить, что у него руки опускаются, раз он ими все время двигает? А в церкви вовсе не тихо. Штаны не сгорели, а порвались, когда он лез через забор, и их можно заштопать. Он очень много вещей берет в руки и не ломает, а если одна и сломалась, так это с каждым может случиться. Сто раз не говорили, а самое большее пять, и еще не раз повторят.

— Ты что, оглох?

Нет, не оглох. Этот вопрос — тоже ложь.

— На глаза мне не показывайся!

И это запрещение — ложь, ведь велят же ему обедать вместе со всеми?

Сколько раз ребенок готов взбунтоваться, предпо-

...тая получить несколько колотушек, «только бы это противное пиление кончилось!»

Быть может, убежденный в том, что воспитателей надо уважать, ребенок страдает, видя, как это уважение рассыпается в прах? Ведь насколько ребенку легче подчиняться, когда он действительно убежден в их моральном превосходстве.

77. Мы ввели в Доме Сирот реформу: за завтраком, обедом и ужином ребята получают хлеба сверх нормы, сколько хотят. Нельзя только разбрасывать и оставлять недоеденным. Бери столько, сколько можешь съесть. Ребята не сразу приобретают соответствующий навык, ведь для многих свежий хлеб — лакомство.

Вечер, ужин окончен, малышей послали спать.

В этот момент одна из старших девочек, откусив небольшой кусочек хлеба, демонстративно швыряет остаток порции на стол, за которым я сижу, и идет дальше, шаркая ногами. Я был так изумлен, что не нашелся ничего сказать, кроме: «Гадкая, наглая девчонка». В ответ презрительное пожатие плечами — слезы — обиженная, она направляется в спальню.

Я удивился, когда застал ее вскоре в постели и уже спящей.

Несколько дней спустя я понял причину этого, казалось бы, явно нелепого поступка, когда та же самая девочка заявила, что хочет ложиться спать раньше, вместе с маленькими.

Самолюбивая, она не сразу могла решиться на такое унижение — ложиться спать вместе с малышами. И вот полусознательно или подсознательно спровоцировала меня на вспышку гнева, чтобы иметь повод обидеться, расплакаться и раньше, чем положено, лечь спать...

Несколько слов о ее шаркающей походке.

Ходила она не поднимая ног, а везя их по полу. Некоторым детям это нравилось, и они стали ей подражать. Эта старческая походка у ребенка казалась мне неестественной, смешной, безобразной и, добавлю, какой-то неуважительной. Несколько позже я заметил, что такая походка не только естественна, но

…ушки, чтобы…
…в том, что воспит…
…дает, видя, как это …
…насколько ребенок …
…ствительно убежден…
…от реформу: за …
…а получают хлеба …
…только разбрасывать …
…олько, сколько …
…бретают соответств…
…вежий хлеб — …
…ей послали спать.
…их девочек, откуп…
…нстративно швыр…
…ым я сижу, и …
…изумлен, что не …
…кая, наглая дев…
…е плечами — …
…в спальню.
…е в постели и уже
…ичину этого, каза…
…гда та же самая
…я спать раньше,
…ешиться на та…
…е с малышами.
…льно спровоци…
…иметь повод
…ложено, лечь
…одке.
…их по полу…
…тали ей под…
…ка казалась
…й и, добав…
…озже я за…
…тсина, но

…к свойственна детям в период интенсивного развития. Это походка усталых.

Когда я занимался частной практикой, я не раз спрашивал:

— А вы не заметили, что у вашего ребенка изменилась походка?

— Да, да, идет, надуется, точно принцесса какая. Ну просто беда, а иной раз и злость разбирает. Волочит ноги, словно столетняя старуха или бог весть как наработалась.

78. Разве уже этот один пример не доказывает, как тесно связан духовный мир с его физиологической основой?

Как ошибаются те, кто считает, что, бросив больницу ради интерната, я предал медицину! После восьми лет работы в больнице я достаточно ясно понял, что все, что не настолько случайно, как проглоченный гвоздь или сбившая машина, можно познать в ребенке лишь в результате многолетнего клинического наблюдения, и притом ежедневно в мирные периоды благополучия, а не изредка, во время болезни-катастрофы.

Берлинская больница и немецкая медицинская литература научили меня думать о том, что мы уже знаем, и постепенно и систематически идти вперед. Париж научил меня думать о том, чего мы не знаем, но желаем, должны, будем знать. Берлин — это будничный день, полный мелких забот и усилий. Париж — это праздник завтра с его ослепительным предчувствием, могучей надеждой, неожиданным триумфом. Силу желания, боль неведения, наслаждение поисков дал мне Париж; технику упрощений, изобретательность в мелочах, гармонию деталей я вынес из Берлина.

Великий синтез ребенка — вот о чем грезил я, когда, раскрасневшись от волнения, читал в парижской библиотеке удивительные творения французских классиков-клиницистов.

79. Медицине я обязан техникой исследования и дисциплиной научного мышления.

Как врач я констатирую симптомы: я вижу на коже сыпь, слышу кашель, чувствую повышение температуры, устанавливаю при помощи обоняния запах ацето-

из него рта ребенка. Одни я замечаю сразу, те, что скрыты, ищу.

Как у воспитателя у меня тоже есть свои симптомы: улыбка, смех, румянец, плач, зевок, крик, вздох. Как бывает кашель сухой, с мокротой и удушливый, так бывает и плач в три ручья, в голос и почти без слез.

Симптомы я устанавливаю беззлобно. У ребенка жар, ребенок капризничает. Я стараюсь снизить температуру, устраняя по мере возможности причину, ослабляю напряжение каприза, насколько это удается, без ущерба для детской психики.

Когда я не знаю, почему мое вмешательство как врача не приносит желательного результата, я не сержусь, а ищу. Когда я замечаю, что мое распоряжение не достигает цели и приказ не исполняется многими или одним, я не сержусь, а исследую.

Иногда на первый взгляд мелкий, ничего не значащий симптом говорит о великом законе, а изолированное явление глубоко связано с важной проблемой. Как для врача и воспитателя для меня нет мелочей: я внимательно наблюдаю то, что кажется случайным и малоценным. Легкая травма иногда разрушает хорошо устроенные послушные, но хрупкие функции организма. Микроскоп открывает в капле воды заразу, опустошающую города.

Медицина показала мне чудеса терпения и чудеса человеческих усилий подсмотреть тайны природы. Работая врачом, я много раз видел, как человек умирает и с какой безжалостной силой, разрывая материнское чрево, пробивается в мир к жизни созревший плод, чтобы стать человеком.

Благодаря медицине я научился кропотливо связывать распыленные факты и противоречивые симптомы в логическую картину диагноза. И, обогащенный сознанием мощи законов природы и гения научной мысли человека, останавливаюсь перед неизвестным: ребенок.

80. Сердитый взгляд воспитателя, похвала, выговор, шутка, совет, поцелуй, сказка в качестве награды, словесное поощрение — вот лечебные процедуры, которые надо назначать в малых и больших дозах, ча-

ще или реже, в зависимости от данного случая и особенностей организма.

Существуют аномалии, искривления характера, которые надо терпеливо лечить у ортофренолога. Существует врожденная или благоприобретенная душевная анемия. Существует врожденная слабая сопротивляемость моральной заразе. Все это можно распознавать и лечить. Слишком поспешный и потому ошибочный диагноз и несоответствующее или чрезмерно энергичное лечение приводят к ухудшению.

Голод и пресыщение в сфере духовной жизни так же материальны, как и в жизни физической. Ребенок, изголодавшийся по советам и указаниям, поглотит их, переварит и усвоит, а перекормленный моралью — испытает тошноту.

Ребячья злость — одна из самых важных и любопытных областей.

Рассказываешь ему сказку — не слушает. Ты не понимаешь, почему, но вместо того чтобы удивиться, как естествоиспытатель, выходишь из себя, сердишься.

— Не хочешь слушать, ладно... Потом и попросишь — не расскажу:

— Ну и не надо, — отвечает ребенок.

А не скажет, так подумает: по жесту, по выражению лица видишь, что он не нуждается в твоей сказке.

Целуя и обнимая маленького сорванца, я просил его исправиться. Мальчуган расплакался и сказал с отчаянием:

— Ну разве я виноват, господин воспитатель, что вы как раз не любите озорных, а только растяп? Вон велите-ка ему стать озорным, он тоже вас не послушает.

Его слезы не означали раскаяния. Он не протестовал против моих ласк и приторных речей, считая их заслуженным суровым наказанием за свои многочисленные прегрешения. Он только думал о своем будущем безнадежно: «Этот симпатичный, но глупый воспитатель не может понять, что я не могу быть другим. Зачем он так строго наказывает меня поцелуями, я ненавижу, когда целуют, дал бы уж лучше подзатыль-

...ник или велел бы все лето ходить в рваных штанах.

81. Суммируя результаты, которые дало клиническое наблюдение в больнице, я спрашиваю: а что же нам дал интернат? Ничего.

Я спрашиваю у интерната: сколько часов сна необходимо ребенку? В учебниках гигиены приводится какая-то переписываемая из книжки в книжку неизвестно кем составленная таблица. Таблица гласит, что чем ребенок старше, тем меньше нуждается в сне — ложь. В общем, дети требуют меньше сна, чем мы привыкли думать и, добавлю, чем мы бы хотели. Количество часов сна колеблется в зависимости от стадии развития, в какой находится ребенок: часто тринадцатилетние ложатся спать вместе с маленькими, а десятилетние в это время бодры и не слушаются книжных предписаний.

Тот же самый ребенок сегодня не может дождаться звонка, чтобы вскочить с постели, независимо от погоды и температуры в спальне, а через год вдруг становится вялым, просыпается с усилием, потягивается, медлит и от холода в спальне приходит в отчаяние.

Аппетит у ребенка: не ест, не хочет, отдает другим, увиливает, обманывает, только бы не есть.

Проходит год: не ест, а просто пожирает — крадет из буфета булки.

А любимые и ненавистные блюда?

На вопрос, какие у него два самых сильных огорчения, мальчик отвечает: «Первое, что у меня умерла мама, а второе, что меня заставляют есть горошницу».

А бывают дети, которые съедают и по три порции горохового супа.

Но разве можно говорить об индивидуальных особенностях, не зная общих законов?

А эта детская манера горбиться, когда ребята через некоторое время выпрямляются и опять сутулятся? Бледные набирают румянца и снова бледнеют. Уравновешенные становятся вдруг капризными, упрямыми, непослушными, чтобы через некоторое время опять прийти в равновесие — «исправиться».

Сколько мышьякового распутства и ортопедическо-

го надувательства исчезло бы в медицине, знай мы весны и осени развития ребенка! Да и где детей исследовать, как не в интернатах? Задача больницы — изучать болезни, резкие изменения, яркие симптомы; вся же ювелирная отделка, микронаблюдение малейших отклонений должны вестись в интернате.

82. Мы не знаем детей, хуже того — знаем по предрассудкам. Просто стыд берет, когда на какие-то два-три произведения, действительно писавшихся у колыбели, ссылаются все до омерзения. Просто стыд берет, когда первый попавшийся добросовестный работник становится авторитетом чуть ли не во всех вопросах. Мельчайшей детали в медицине посвящена более обширная литература, чем в педагогике целым разделам науки. Врач в интернате — почетный гость, а не хозяин. Не удивительно, что кто-то съязвил, что реформа интерната — это реформа стен, а не душ. Здесь все еще царит не изучение, а нравоучение.

Читая старые клинические работы, мы видим кропотливость исследований, которая вызывает у нас порой смех и всегда удивление: например, подсчитывалось количество сыпинок на коже при сыпных заболеваниях; врач дни и ночи не отходил от больного. Медицина теперь вправе несколько забросить клинику — возложить надежды на лабораторию.

А педагогика, перескочив через клинику-интернат, сразу взялась за лабораторные работы.

Я провел в интернате каких-нибудь три года (за это время можно успеть приглядеться) и не удивляюсь, что собрал целую сокровищницу наблюдений, планов и предположений; в этом эльдорадо еще никто не был, о его существовании не знают.

83. Мы детей не знаем.

«Ребенок дошкольного возраста», «школьный возраст» — это полицейское деление там, где существует школьная рекрутчина. Период прорезывания молочных зубов, постоянных зубов, период полового созревания. Нечего удивляться, что при современном состоянии наблюдений за ребенком мы замети-

...только зубы и волосы под мышками.

Мы не умеем объяснить даже те противоречия в детском организме, которые бросаются в глаза: с одной стороны, жизнеспособность клеток; с другой — уязвимость. С одной стороны, возбудимость, выносливость, сила; с другой — хрупкость, неуравновешенность, утомляемость. И ни врач, ни воспитатель не знают, является ли ребенок существом «неутомимым» или хронически усталым.

Сердце ребенка? Знаю. У ребенка два сердца: центральное, переутомленное, и периферийное, в эластичных сосудах. Поэтому пульс так легко исчезает, но зато и легко восстанавливается.

Но почему у одних детей под влиянием сильного возбуждения пульс замедленный, с перебоями, а у других — учащенный и без перебоев? Почему одни бледнеют, а другие краснеют? Кто прослушивал сердце у ребят, перескочивших сто раз через веревочку? Не в том ли причина кажущейся живучести, неутомимости ребенка, что у него нет опыта расходования энергии до предела? Почему пульс у девочек под влиянием сильного возбуждения более частый, чем у мальчиков; и что это значит, когда у мальчика пульс реагирует «по-девчачьи», а у девочки — «по-мальчишески»?

Все это вопросы не интернатского врача, а интернатского врача-воспитателя.

84. Воспитатель говорит: «Мой метод, мой взгляд». И он вправе так говорить, даже если имеет слабую теоретическую подготовку и всего несколько лет работал.

Но пусть он докажет, что этот метод или взгляд подсказан ему опытом работы в таких-то условиях, в такой-то области, на таком-то материале. Пусть обоснует свою позицию — приведет примеры, подкрепит аргументами.

Даю ему право даже на то, что является самым трудным и рискованным: право предрекать, предсказывать, что выйдет из данного ребенка.

Но пусть его никогда не покидает сознание, что он может ошибаться. Пусть ни один из его взглядов

не станет ни непререкаемым убеждением, ни убеждением навсегда. Пусть сегодняшний день всегда будет только переходом от суммы вчерашних наблюдений к завтрашней, еще большей.

Каждый вопрос и каждый факт должны рассматриваться независимо от общих воззрений. Факты противоречат друг другу, и только по количеству их там и здесь можно делать предположения об общих законах.

Только при соблюдении всех этих условий работа воспитателя не будет ни монотонной, ни безнадежной. Каждый день принесет что-либо новое, неожиданное, необыкновенное, обогатит еще одним данным.

Необычная или редкая жалоба, ложь, спор, просьба, проступок, проявление непослушания, жульничества или геройства станут для него тогда столь же ценны, как для коллекционера или ученого редкая монета, окаменелость, растение, положение звезд в небе.

85. И только тогда он полюбит каждого ребенка разумной любовью, заинтересуется его духовной сущностью, потребностями и судьбой. Чем ближе он станет ребенку, тем больше заметит в нем черт, достойных внимания. И в исследовании найдет и награду и стимул к дальнейшему исследованию, к дальнейшим усилиям.

Пример:

Злая, некрасивая, приставучая девчонка. Принимает участие в игре только для того, чтобы ее расстроить. Задирает, чтобы пожаловаться, когда обидят. Проявишь внимание — наглеет. Слабое умственное развитие, стремлений нет, чувствительность отсутствует, никакого самолюбия, бедное воображение.

Я люблю ее как естествоиспытатель, который приглядывается к какому-нибудь жалконькому злобному существу — и поди ж ты, уродился этакий уродец, этакая падчерица природы!

Я строго предупредил:

— Чтобы ты мне не смел вставать с постели!

И вернулся к прерванным вечерним перевязкам.

Когда через минуту в спальне раздалось тревожное: «Господин воспитатель!» — я уже знал, что это значит.

Ясно, не послушался и встал, чтобы свести счеты с приятелем.

Я молча дал ему несколько шлепков по руке и, накинув ему на плечи одеяло, повел к себе в комнату.

Раньше, полгода тому назад, он упирался бы, вырывался, хватался за спинки кроватей и дверные косяки. Сегодня у него уже есть опыт нескольких неудачных попыток, и он идет. Удивительно точно размерен шаг: чуть быстрее значило бы, что сдается, чуть помедленнее — было бы уже сопротивление. Я слегка подталкиваю его ладонью, лишь настолько, чтобы знал, что он идет недобровольно. Он идет, а на его лице тень, словно душу его окутала черная туча и вот-вот прольется ливнем.

...Стоит, опершись о стенку, опустив голову, не дрогнет.

Я кончаю мелкие процедуры: мажу йодом поцарапанный палец, вазелином — потрескавшиеся губы, капля глицерина на руки, ложка микстуры от кашля...

— Можешь идти.

Я иду следом, — а ну, как ударит по дороге? Нет, покосился только, замедлив шаг, может быть, дожидаясь, — пусть только тронет, пусть скажет: «Ага, в углу стоял!»

Дошел до своей кровати, лег, накрылся с головой одеялом, может быть, нарочно притих, чтобы я шел к себе.

Я хожу между рядами кроватей.

Малый был уже на пути к исправлению, а сегодня опять плохой день. Хлопнул дверью со зла, а дверь стеклянная. Стекло треснуло. А сказал, что это ветер, сквозняк, — я поверил.

Когда прыгали через веревочку, не хотел соблюдать очередь, а не дали, обиделся, не прыгал и всем мешал. Ребята наябедничали. Ужина не съел: не понравилась булка, а дежурный не захотел обменять.

Трудно объяснить ребятам, что ему следует боль-

ше прощать, чем им.

Шум засыпающей спальни стихает. Особенная минута, удивительно тогда легко и хорошо думается.

Моя научная работа.

Кривые веса, графическое изображение развития, данные изменения роста, прогноз соматической и психической эволюции. Столько надежд — какой же результат? А если никакого?

А разве мало для меня испытывать чувство радостной благодарности, что дети растут и крепнут? Разве уже одно это не достаточная награда за труд? Разве не вправе я бескорыстно чтить природу: пусть зеленеют всходы?

Вот журчащий ручей, вот нива, сад, шумящий листвой. И задавать вопросы зернам колосьев, спрашивать капли об их назначении?

К чему обкрадывать природу, пусть хранит свои тайны.

Вот спят дети. И, пожалуй, у каждого есть хоть один грех: например, оборвал и не пришил пуговицу. Как все это мелко в перспективе грозного завтра, когда ошибка порой мстит за себя целой разбитой жизнью.

Такие спокойные и тихие...

Куда мне вести вас? К великим идеям, высоким подвигам? Или привить лишь необходимые навыки, без которых изгоняют из общества? Но научив сохранять свое достоинство? Имею ли я право за эти жалкие крохи еды и заботы в течение нескольких лет требовать, приказывать и желать? Может быть, для любого из вас свой путь, пусть на вид самый плохой, будет единственно верным?

Тишину сонных дыханий и моих тревожных мыслей нарушает рыдание.

Я знаю этот плач, это он плачет. Сколько детей, столько видов плача: от тихого и сосредоточенного, капризного и неискреннего до крикливого и бесстыдно обнаженного.

Неприятно, когда дети плачут, но только его рыдание — сдавленное, безнадежное, зловещее — пугает.

Сказать «нервный ребенок» — этого мало. Как часто, не зная существа дела, мы удовлетворяемся трудным названием. Нервный, потому что чувствительный, — жи- во сне, нервный, потому что вялый, — быстро утомляющийся — не по ле- вой — там развитый — progenere, как говорят французы.

Редко, но бывают дети, которые старше своих де- сяти лет. Эти дети несут напластования многих поко- лений, в крови их мозговых извилин скопилась мука многих сверхисторических столетий. При малейшем раз- драженииживающаяся в потенции боль, скорбь, гнев, бунт прорываются наружу, оставляя впечатление не- соответствия бурной реакции незначительному раз- драженью.

Не ребенок плачет, то плачут столетия; причитают горе да печаль не потому, что он постоял в углу, а по- тому, что их угнетали, гнали, притесняли, отлучали. Я поэтизирую? Нет, просто спрашиваю, не найдя от- вета.

Чувства должны быть очень напряжены, если лю- бой пустяк может вывести из равновесия. И должны быть негативными, раз с трудом вызовешь улыбку, ясный взгляд и никогда — громкое проявление дет- ской радости.

Я подошел к нему и произнес решительным, но ласковым шепотом:

— Не плачь, ребят перебудишь.

Он притих. Я вернулся к себе. Он не заснул.

Это одинокое рыдание, подавляемое по прика- зу, было слишком мучительно и сиротливо.

Я встал на колени у его кровати и, не обращаясь ни к какому учебнику за словами и интонациями, загово- рил монотонно, вполголоса.

— Ты знаешь, я тебя люблю. Но я не могу тебе все позволить. Это ты разбил окно, а не ветер. Ребятам мешал играть. Не съел ужина. Хотел драться в спаль- не. Я не сержусь. Ты уже исправился: ты шел сам, не вырывался. Ты уже стал послушнее.

Он опять громко плачет. Успокаивание вызывает иногда прямо противоположное действие, возбужда- ет. Но взрыв, выигрывая в силе, теряет в продолжи-

тельности. Мальчик заплакал в голос, чтобы через минуту затихнуть.

— Может, ты голодный? Дать тебе булку?

Последние спазмы в горле. Он уже только всхлипывает, тихо сетуя исстрадавшейся, обиженной, наболевшей душой.

— Поцеловать тебя на сон грядущий?

Отрицательное движение головы.

— Ну, спи, спи, сынок.

Я легонько дотронулся до его головы.

— Спи.

Он уснул.

Боже, как уберечь эту впечатлительную душу, чтобы ее не затопила грязь жизни?

ЛЕТНИЕ КОЛОНИИ

...Скажи лучше, с какими надеждами ты сюда шел, какие имел иллюзии, какие повстречал трудности, как страдал, столкнувшись с реальной действительностью, какие делал ошибки, как, исправляя их, был вынужден отступать от общепринятых взглядов, на какие шел компромиссы...

1. Я многим обязан летним колониям. Здесь я впервые столкнулся с детским коллективом и на практике изучил азбуку самостоятельной педагогической работы.

Полный иллюзий, лишенный опыта, юный и сентиментальный, я думал, что, многого желая, я многого и достигну.

Я верил, что добиться любви и доверия ребячьего мирка легко: в деревне ребятам следует дать полную свободу, я обязан быть со всеми ровным, каждый малолетний грешник, отнесись к нему хорошо, сразу раскается.

Я стремился сделать детям чердаков и подвалов их четырехнедельное пребывание в колонии «сплош-

ной полосой веселья и радости», без единой слезы.

Бедные мои милые друзья, вы, кто, как и я тогда, [illegible] можете дождаться, когда, наконец, настанет эта минута! Мне жаль вас, если расхоложенные с самого начала, поколебленные в самых основах, приписывая вину себе, вы не сумеете быстро восстановить душевное равновесие.

Чужой опыт искушает вас, говоря:

«Видишь? Не стоит! Поступай, как я: заботься о собственном удобстве, не то полетишь ко всем чертям на радость [illegible] которым [illegible] служить. Не стоит?»

Ты [illegible] от людей опытных. Они, что ни говори, справились со своим делом, а ты, сознайся искренне, стоишь, опустив руки, в недоумении.

Бедняги, как мне вас жаль!

2. Такая легкая и благодарная задача! У тебя тридцать детей (из ста пятидесяти) и никакой программы. Делай, как знаешь. Игры, купание в речке, экскурсии; сказки — полная свобода инициативы. Экономка позаботится о еде, товарищи-воспитатели в случае чего помогут, прислуга присмотрит за порядком, деревня одарит вас прекрасными местами, солнышко — ласковыми улыбками.

Ожидая с нетерпением дня отъезда, я обдумывал отдаленные второстепенные детали, не предчувствуя ближайших серьезных задач. Раздобыл граммофон и волшебный фонарь, достал фейерверки, купил про запас шашки и домино — может быть, их не окажется среди игрушек?

Я знал, что детей придется переодеть в колонистское платье, разместить — кого в спальне, кого у себя, и уж, конечно, изучить фамилии и лица моих тридцати ребят, а может быть, и всех ста пятидесяти. Но я об этом совершенно не думал — сделается, мол, само собой! Думая о детях, я не задавался вопросом, кто они.

Я поддался обаянию стоявшей передо мной задачи, наивно поверив в ее легкость.

3. Как запомнить тридцать фамилий, подчас трудных и схожих, и тридцать лиц? Ни в одном из учебни-

ков об этом не упоминается, а без этого нет авторитета воспитателя и нельзя приступить ни к какому систематическому воспитанию.

Здесь возникают вопросы: какие дети и какие фамилии прежде всего запоминаются? Каковы индивидуальные особенности зрительной памяти воспитателя? И как все это сказывается на судьбах детей и вообще на работе воспитателя в учреждениях со значительным количеством ребят?

Опыт показывает, что одни дети запоминаются сами, других надо запоминать. Здесь нельзя полагаться на время, потому что, прежде чем, наконец, ты всех изучишь, ты наделаешь много ошибок, зачастую ставя себя в неловкое положение.

Скорее всего запоминаются калеки и ребята с особой приметой, необычные — очень маленькие или очень высокие, самые старшие, горбатые, рыжие, на редкость красивые или безобразные. Порой фамилия привлекает внимание воспитателя еще до того, как он увидел самого ребенка. Часто успех папирос или лекарства зависит от удачного названия или упаковки — к сожалению, то же бывает и с людьми.

Из целого моря впечатлений мы выхватываем легче всего запоминающиеся; при оценке человеческих качеств — то, что проще всего заметить и правильно оценить.

4. Для ребенка, обладающего некоторыми положительными качествами или умеющего в них принарядиться, важно, конечно, чтобы его знали. Ведь мы общаемся главным образом с детьми, которых мы знаем, — даем им поручения, то есть возможность сблизиться с нами, найти общий язык, отличиться. И они чувствуют себя увереннее, ближе к нам — они уже привилегированные.

И ребенку приятнее обратиться с просьбой или вопросом к воспитателю, который его знает, да и воспитатель охотнее выслушает ребенка, о котором он слышал, которого помнит, знает в лицо. То, чего заурядному ребенку приходится добиваться, ребенку с запоминающейся внешностью или фамилией дается само собой.

Остающиеся в тени ребята, чувствуя несправедливость или, наоборот, поверив в простоте души в свою никудышность, сторонятся тебя еще больше. Теперь, желая ближе познакомиться, ты должен суметь подойти к ним. Иначе ты их лишаешь своей помощи и совета, предоставляя в конфликтах с толпой ребят собственным силам и переживаниям.

В каждой конторе, на каждой фабрике, в каждой казарме есть свои обездоленные судьбой потому лишь, что начальник незнаком с ними, не знает о них, не помнит. Так подчас пропадают зря ценные силы.

И дети, быстро приобретя опыт, ждут при первой встрече с тобой: маленький Мицкевич или Собеский* — шутливого вопроса, красивенький — приветливой улыбки, а дурнушка-рыжик или Баран наперед знают, что от нового окружения жди новой беды. И если ты на красивенького, самоуверенного лишь подольше и повнимательнее взглянул, а злополучную фамилию прочел быстрее и тише, ты уже оправдал надежды первого и подтвердил опасения второго.

5. На основании внутренних достоинств и недостатков скорее всего познаются вспыльчивые или надоедливые и плохо воспитанные или воспитанные лучше, чем обычно. Сами о себе дают знать, сея тревогу, проделки озорников и плаксивые визги зануд; дети из бедных семей доставляют хлопоты своим одичанием; дети из более обеспеченных семей и подхалимы привлекают внимание хорошими манерами. Будут там, наконец, и ребята проворные и себе на уме, которые силком навяжут тебе помощь, совет, справку.

И все эти дети: красивенькие, с громкой фамилией или из состоятельных семей — настойчиво требуют, чтобы я признал их и выдвинул на первый план из серой толпы, которая должна остаться в тени, и удивляются, если я не делаю этого сразу, и возмущаются, если я этого вообще не хочу делать, и используют все способы борьбы, какие в ходу у взрослых.

Молоденький князь в школе для богатых, сынишка войта в народной школе, если сами не додумаются и не потребуют, так их кто-нибудь подучит —

требуй, а не получил, чего хотел, мсти: «Скажи, что учитель бьет, не молится, нехорошо отзывается о начальстве, плохо учит, совсем с нами не занимается». Или испачкают тебе мелом стул, загадят уборную, устроят беспорядок во время инспекторского обхода, взбунтуют бесцветных и равнодушных и втянут в некрасивую историю самых невинных, как раз тех, кого ты желаешь оградить от обид.

Радостно ожидая дня отъезда в колонию, я по своей наивности не подозревал, сколько нужно такта и осмотрительности, чтобы овладеть грозной оравой ребят.

6. Я не испытывал никаких опасений и тогда, когда увидел, что некоторых я должен был по нескольку раз уговаривать не высовываться из окон вагона и не выскакивать на площадку. Уже один мальчик собирался было встать в дверях и последить, а другой записывать фамилии непослушных. Я отверг оба проекта, резко заметив:

— За собой следи, и тебе не стыдно записывать товарищей?

— Они мне не товарищи, — презрительно буркнул мальчишка.

Я по-детски возмутился.

Были и такие, которые умирали от жажды; этим я терпеливо и безрезультатно объяснял, что сразу по приезде на место они напьются молока.

Я слишком заботливо утешал мальчика, ревевшего потому, что его разлучили с матерью; слишком старательно следил, как бы кто-нибудь не выпал из окна; а также, желая сдружиться с группой, тратил драгоценное время на пустые разговоры, вроде: «А ты уже был в деревне? А тебе жалко, что с тобой не едет младший братишка?»

Я принял от ребят деньги и открытки, стараясь поскорее покончить с этим низменным занятием: шутливо пробирая, когда кто-нибудь давал уже смятые и запачканные открытки, и с досадой успокаивая тех, кто, видя, как я бесцеремонно обращаюсь с их собственностью, предупреждал, что его открытки чистые, а сдаваемая на хранение монета новая и блестящая. Что делать с зубными щетками, которые они тоже

было хотели мне отдать, я не знал: «Пускай пока побудут у вас».

7. Покинув с чувством облегчения поезд, я гордо констатировал, что все обошлось благополучно и все ребята налицо. Оставалась еще часть пути на лошадях.

Будь у меня крупица опыта, я мог бы предвидеть, что ребята, не предупреди их, бросятся как попало к телегам; что юркие и предприимчивые захватят самые удобные места, а неуклюжие перетеряют мешки с одеждой и с этими своими несчастными зубными щетками; что ребят придется пересаживать и поднимутся крик и с[illegible]матоха.

Порядок [illegible]ком зависит от умения предвидеть. Предвидя, [illegible] все предотвратить.

Отправляясь на более или менее длительную прогулку, я обязан предупредить ребят, чтобы они сходили в уборную, не то шепнут мне по секрету, что им хочется в уборную, в трамвае или на улице...

На прогулке мы подходим к колодцу с оградой. Я останавливаю ребят:

— Встаньте парами. Будете подходить к колодцу по четыре человека.

Не предупреди я, никакие усилия не помогли бы сохранить порядок. И выйдет ли драка, потопчут ли ребята газон или развалят ограду — виноваты не дети, а неопытность воспитателя.

Все это мелочи; такой опыт при желании приобретается быстро, но отсутствие его сказывается моментально, определяя порой все дальнейшие взаимоотношения ребят и воспитателя.

Путь в колонию был для меня сущей мукой. Когда первый ребенок соскочил с телеги — надоело ехать, — мне следовало велеть ему сесть обратно, а я не сделал этого. И вот ребята, проделав остаток пути частью на телегах, частью пешком, отчаянно голося, толкаясь и теряя мешки и молитвенники, возбужденные и ошеломленные вваливаются на веранду.

8. Ни в одном учебнике педагогики не сказано, что там, где тридцать ребят переодеваются в казенную одежду, обязательно найдутся несколько таких,

кому все рубашки будут длинны или узки в плечах или в вороте.

Груды белья и верхней одежды, вертлявая разношедшаяся ребятня и отсутствие опыта у воспитателя... Переодев нескольких, и я и дети убеждаемся, что одни добрые желания не заменяют сноровки.

С нескрываемой радостью я принял помощь экономки, которая без всяких усилий и спешки быстро управилась не только с детьми, но и с бельем (его я успел-таки перепутать). Нескольких недовольных слишком длинными рукавами, отсутствием пуговиц или тем, что широки штаны, она успокоила, обещав завтра же все уладить.

Секрет ее триумфа, а моего поражения состоял в том, что я хотел, чтобы все было к лицу, хорошо сидело и вдобавок было красиво, а она знала, что это невозможно; я занялся несколькими (остальные ждали в нетерпении), а она сразу раздала половину рубашек, малышам — самые маленькие, средним и самым большим — большие, предоставив собственной их инициативе более точную подборку по фигуре. То же со штанами и блузами. В результате ловкие и хозяйственные ребята оказались одетыми в свой размер, а нерасторопные и непрактичные — словно маленькие ярмарочные клоуны. Но — а это главное — когда позвонили к ужину, все ребята были переодеты, а их собственное платье упаковано в мешки, снабжено номерками и сдано в кладовую.

9. Как рассадить детей за столом?

Я не учел и эту проблему. В последнюю минуту я наспех решил, исходя из главного принципа «свобода»: пускай сидят как хотят. Я не подумал, что в сущности только четыре угловых места особые, а все остальные одинаковые, и, значит, из-за этих четырех мест будут ссоры, и тем крупнее, чем больше найдется на эти места любителей.

Я не учел, что споры из-за этих четырех мест будут повторяться за каждой едой, что те, кто занял их первыми, станут упорствовать, ссылаясь на право первенства, а остальные — на право равенства.

Я не учел, что при постоянной смене мест и симпа-

тий ребята будут менять и соседей, а значит, опять ссоры при раздаче молока и супа, обладающих свойством проливаться и пропадать для еды.

Я не учел и того, что при постоянной смене мест мне будет труднее изучить ребят.

Я даже был так глуп, что предоставил детям самим выбрать себе кровати: где кто хочет. Ей-ей, если бы мне самому дали выбрать, я не знал бы, на чем остановиться. Распоряжение это было так явно нелепо, что я быстро его отменил, однако не настолько быстро, чтобы и тут не обошлось без крика и суматохи. Я уложил детей по списку и почувствовал огромное облегчение, когда наконец настала относительная тишина.

Я неясно представлял причины своего поражения, но был слишком ошеломлен, чтобы искать их источники.

10. Экономка в третий раз звала меня ужинать, остальные надзиратели давно покинули свои спальни. Я считал, что в первый вечер не следует оставлять ребят одних: ребята могут перетрусить, плакать, но опытная экономка утверждала, что они устали и уснут. И как ей было не поверить? Действительно, большинство уже спали.

Я ушел, но ненадолго: пришлось вернуться и сделать перевязку мальчику с рассеченным пряжкой лбом; второму воителю подбили глаз: цвет синяка менялся в течение ряда дней с красного на желтый, с желтого на черный и с черного на грязно-серый.

— Неплохо для начала сезона, — сказала экономка.

Я нашел ее замечание резким и обидным, и тем более несправедливым, что она сама уговорила меня уйти из спальни.

Следовало учесть, что если одни дети и уснут, то другие, возбужденные переменой обстановки, не смогут уснуть, и, только тронь, перессорятся и передерутся. Я готовился не мирить несогласных, а утешать тоскующих и печальных, но — о диво! — тот, кто хныкал дорогой, теперь крепко спал.

Я не заметил главного: такой серьезный проступок, как драка, являлся грозным предзнаменованием, показывая, что мой авторитет пошатнулся уже в пер-

вый день моей незадачливой деятельности.

Добавлю, что все лицо у одного из участников дра-ки было в оспинках; вероятно, это сыграло некоторую роль в ссоре, столь фатально закончившейся для моих радужных надежд. «Ни единой слезы» стояло в про-грамме; а слезы были уже по дороге в колонию, и теперь — кровь.

11. Ночью я спал плохо. Кто-то из ребят, не при-выкший спать один на узкой кровати, съехал с набито-го свежей соломой матраца и с шумом свалился на пол. Кто-то то ли застонал, то ли забормотал во сне; то опять мне представилось, что мальчик с подбитым глазом может потерять зрение. Нервы были натяну-ты как струны.

Я проработал 10 лет репетитором и не был ни юнцом, ни новичком на педагогической ниве, прочел массу книг о детской психике. Несмотря на это, я был бессилен постичь тайну коллективной души ребячьего общества. Что оно выдвигает какие-то новые требо-вания, которые застали меня врасплох, не подлежало сомнению. Самолюбие мое страдало, овладевала уста-лость — как, уже?

Может быть, я и тешил еще себя надеждой, что после первого, как-никак исключительного, дня на-ступят те долгожданные, излучающие улыбку, но что делать, чтобы облегчить себе спокойное завтра, я не знал.

12. Основная моя ошибка была та, что я отмахнул-ся с досадой от помощи прошлогоднего дежурного: на первых порах он был бы незаменим. И пусть стоял бы в дверях вагона и следил, и пусть даже записывал бы, если так у них всегда было. И пусть сказал бы, как сделать, чтобы ребята не прятали от меня деньги, и как ребята обычно сидят за столом, и как спят, и куда ходят купаться.

Анализ всех этих ошибок был бы бесконечно поучи-телен. К сожалению, если я и делал записи, то опуская неудачи, раны были слишком свежи и чувствительны. Теперь, спустя 14 лет, я уже не помню подробностей. Знаю лишь, что ребята жаловались, что они голодные и болят ноги от хождения босиком; что на вилках пес-

и холодно без пелерин; знаю, опытный надзиратель возмущался, глядя на беспорядок и разболтанность у меня в группе; а экономка давала указания касательно благополучия моей особы, которой я, с тишком усердствуя, наносил урон. Знаю, сторож жаловался, что ребята загадили лес и разрушали веранду — вытаскивали кирпичи из столбов; что моя группа, когда умывается, расходует больше всех воды, а ведь ее приходится накачивать в бак.

Наконец, на пятый или шестой вечер настало и это, самое худшее.

13. Ребята лежали в постели в полутемной спальне, как вдруг поднялся кошачий концерт.

Кто-то резко свистнул, кто-то запел, еще один залаял, зарычал, опять кто-то свистнул, и все это с некоторыми паузами, в разных углах зала.

Я понял.

А ведь у меня были сторонники среди ребят. Я беседовал с ребятами, объяснял им и обращался с просьбами, встречал и понимание и хорошее отношение. Но я не умел ни выявить, ни тем более организовать положительные элементы моей группы. И вот самолюбивые и неискренние ребята, чьи надежды я обманул, а помощь с презрением отверг, быстро столкнулись между собой, воспользовавшись моей неопытностью, и, увидя мою слабость, бросили вызов.

Я медленно ходил между кроватями; ребята, как примерные, лежали с закрытыми глазами, кое-кто даже натянул на голову одеяло — и глумились напропалую, бросали вызов, бунтовали.

У нас в гимназии был учитель, вся вина которого заключалась в том, что, слишком снисходительный, он не мог справиться с классом. С ужасом вспоминаю оргии злобных выходок, которыми мы его преследовали.

Так умеют мстить ненавистной власти лишь рабы, почуяв свою силу. И в каждой школе-деспоте всегда есть среди персонала подобная жертва, которая молча страдает, одинаково страшась начальства и детей.

За эти несколько минут, которые длились целую вечность, я пережил многое.

14. Так вот ответ на мое доброе отношение, энтузиазм, труд? Острая боль пронзила мое сердце. Хрустальный дворец мечты рухнул, разбившись вдребезги. Гнев и уязвленное самолюбие; я стану посмешищем в глазах тех, кого превосхожу чувствами, кого хотел переубедить, увлечь примером, быть может, заставить себя ценить.

Я встал посреди зала и спокойно глуховатым голосом заявил: «Поймаю, отколочу». Сердце готово было выскочить, губы прыгали. Меня прервал свист. Я схватил свистуна и выдрал за уши, а когда он было запротестовал, пригрозил вышвырнуть на веранду, где бегала спущенная на ночь с цепи собака.

Знаете, кого я ударил? Такого, который свистнул всего один раз, в первый раз. Зачем он это сделал, он не умел объяснить.

Какой превосходный урок дали мне дети!

В белых перчатках, с бутоньеркой в петлице я шел к голодным, холодным и обездоленным за приятными впечатлениями и сладкими воспоминаниями. Я хотел откупиться от своих обязанностей несколькими улыбками и дешевыми фейерверками; я даже не потрудился выучить фамилии, раздать белье, позаботиться о чистоте в уборной. Я ждал от ребят симпатии, закрывая глаза на пороки, взращенные в закутках столичной жизни.

Я думал о развлечениях, не о работе, бунт ребят показал мне отрицательные стороны радостных каникул.

И что же? Вместо того чтобы подсчитать свои ошибки, я, обозлясь, науськал на парнишку собак.

Мои коллеги пришли сюда поневоле, ради заработка; я — ради идеи; может быть, дети почуяли фальшь и покарали.

15. Под вечер следующего дня один мальчик предупредил меня, что волнения повторятся и, вздумай я бить, ребята не дадутся — припасли палки.

Надлежало действовать быстро и энергично. Я поставил на окно яркую лампу и сразу, как вошел, забрал палки и отнес к себе: завтра, мол, возвращу.

Поняли ли они, что их предали, оробели ли из-за

дного света, зачеркнуло ли их планы отсутствие оружия для самообороны — достаточно, что я победил.

Заговор, бунт, измена, репрессии — так ответила жизнь на мои мечтания.

— Завтра я с вами поговорю, — гласило грозное обещание вместо сентиментального «спокойной ночи, детки», которым я потчевал их первые вечера.

Как победитель я проявил такт.

И опять жизнь научила меня, что истоки нашего благополучия порой лежат там, где, как полагали мы, постигла нас катастрофа, что бурный кризис — часто начало выздоровления.

Я не только не потерял расположения ребят, наоборот, наше взаимное доверие возросло. Для них это был мелкий эпизод, для меня — переломное событие.

Я понял, что дети — сила, которую можно привлечь к совместной работе или оттолкнуть, сила, с которой приходится считаться. Эту истину, по странному стечению обстоятельств, я постиг благодаря палке.

Проводя на другой день в лесу беседу, я впервые говорил с ребятами, а не ребятам, и говорил не о том, какими я хочу, чтобы они были, а о том, какими они сами хотят и какими могут быть. Может быть, именно тогда я впервые понял, что у детей можно многому научиться, что и дети требуют, ставят условия и делают оговорки, и имеют на то право.

16. Форменная одежда тяготит детей не потому, что она одинакового покроя и цвета, а потому, что часть детей из-за несоответствующей одежды испытывает физические страдания. Сапожник не учтет особенностей ноги ребенка, если зоркий воспитатель не заметит их, не поймет и не укажет. Дайте нюне удобную обувь, и он, может быть, станет подвижным и веселым. По уставу колонии дети летом должны ходить босиком — это большая радость для тех, кто и в городе ходил босым, и пытка для некоторых с исключительно нежной кожей. Малокровным и малоподвижным ребятам нужна более теплая одежда.

Как отличить каприз от действительной потребности в интернате, если это нелегко сделать даже в семье? Как установить границу между тем, к чему ре-

бенок легко привыкает, что составляет мимолетное неудобство, и тем, что является особенностью его организма, индивидуальным отличием единицы в толпе?

В интернате существует единая для всех норма сна. И тут доза сна рассчитана на среднюю детскую потребность, хотя отклонения значительны. У тебя всегда будут вечно сонные дети и такие, с которыми ты вынужден тщетно бороться за утреннюю тишину в спальне. Ведь это сущая мука для ребенка лежать в постели и не спать, как и вставать, когда он еще сонный.

Наконец, единая для всех норма питания, которая не учитывает возраст и совершенно обходит стороной различие аппетитов детей приблизительно одного возраста.

Вот откуда у нас в интернатах несчастные дети, неудобно или недостаточно тепло одетые, вечно клюющие носом или, наоборот, нарушающие дисциплину в отношении сна, полуголодные и голодные.

Все это вопросы первостепенной важности, решающие в деле воспитания.

17. Нет более печального зрелища, чем голодные ребятишки, рвущиеся за добавкой или ссорящиеся из-за куска хлеба; нет фактора более деморализующего, чем торговля пищей.

На этой почве возникают острейшие разногласия между добросовестным воспитателем и добросовестной экономкой. Воспитатель быстро поймет, что голодающего ребенка не перевоспитаешь, голод — дурной советчик.

Родители могут сказать: «Хлеба нет» — и не потеряют из-за этого любви и уважения; воспитатель имеет право сказать так лишь в виде исключения, повторяю, лишь в виде исключения и лишь тогда, когда он сам голодает. Разницу между обычным средним детским рационом и большим аппетитом следует восполнять хлебом — кто сколько хочет и может съесть.

Знаю, ребята станут носить хлеб в карманах, прятать под подушку, оставлять на подоконниках и топить

...уворных. Так будет с неделю, при неумных воспи-
...телях — с месяц, но не дольше. Можно наказать
ребенка, который так поступает, но нельзя угрожать:

— Мы перестанем выдавать хлеб.

Более предусмотрительные тогда, опасаясь обе-
щанных репрессий, станут делать запасы.

Знаю, ребята будут обжираться хлебом, а нормаль-
ная еда пойдет на помойку. Наверное, там, где не-
опрятно приготовленная невкусная пища столкнется
с не вконец изголодавшимися ребятами, она вынуж-
дена будет отступить перед не слишком заманчивым,
но и не противным вчерашним хлебом.

Знаю, объется тот или другой дуралей — заботы,
волнения; но, поверьте мне, он это сделает раз, другой —
не больше; ни...ают опыта лишь те, за кем слишком
следят.

18. Несогласия будут даже там, где между экономкой и надзирателями царит полная гармония. Если дети сыты, часть приготовленной еды иногда остается. Жаркий день, спешка из-за экскурсии, чуть подгорело молоко — а уж экономка с попреками:

— Половина каши не съедена, а вот хлеб, который нашли под верандой...

Пусть воспитатель выпьет для примера полный стакан подгорелого молока; пусть предупредит ребят, что, если они не съедят суп, прогулки не будет; и пусть дает хлеба вволю, но небольшими кусками; пусть посчитается с печалями экономки, но выдача хлеба должна остаться, нельзя капитулировать, ни на один день нельзя.

Воспитатель склонен относиться несерьезно к заботам экономки; экономка склонна видеть эту несерьезность и там, где ее нет. Но при обоюдном добром желании несогласия будут лишь такие, какие и должны быть между людьми, которые работают в одной области, но на разных участках. Надо быть тактичным, а воспитателю, который, вспылив, может забыться и сказать: «Занимайтесь лучше своими горшками и не суйтесь к детям», — я напомню, что экономка имеет полное право ответить:

— А вы вашим ребятам получше зады подтирай-

те, а то прачка никак белье не отстирает.

В самом деле, если экономка обязана следить за чистотой на кухне, то воспитатель и за чистотой белья. Добрая воля подскажет им правила тактичного поведения, вразумит, что оба они служат одному и тому же доброму делу.

Если только она налицо, эта добрая воля.

19. Дети уже сыты. Ты считаешь, что преодолел сопротивление — нет, оно лишь притаилось. Возможно, суп сегодня нарочно пересолен, а рис развалился в кисель. Возможно, порции мяса нарочно большие, и кроме того, картошки вволю, а на десерт прокисшие вишни: «пусть, мол, у него ребята расхвораются, увидит, чем это пахнет». Весь рис в помойном ведре, после соленого супа ребята набухаются воды, и крыжовник или кислое молоко довершат остальное.

Помни, юный воспитатель, если ребенок бывает изощренно жесток, он это делает бессознательно, по подсказке. Коварство же взрослого, которому ты помехой, безгранично.

Обездоленные и забытые мстят здесь за пережитые обиды. Обманутые в честолюбивых стремлениях тешат себя здесь бесконтрольной властью, требуя почета, милостиво принимая услуги, деспотично повелевая. Серые и неспособные, смиренные и лицемерные найдут здесь хлеб ценою молчания и самой грязной работы. Если ты мешаешь им, не надейся, что они уступят без долгой, упорной и яростной борьбы; слишком быстрая и легкая победа таит в себе зачатки поражения: враг ждет, когда ты устанешь, а тем временем старается усыпить твою бдительность или собрать против тебя улики.

Если поздно вечером к тебе в комнату вошла молоденькая горничная с поручением от экономки, это может быть простой случайностью, а могло и иметь особую цель. Чем ты моложе и неопытнее, тем осмотрительнее ты должен поступать, осторожнее говорить и быть начеку, когда что-нибудь уж очень легко тебе дается.

20. Хочешь ли ты плыть по течению, подчиняясь

власть имущим, опираясь на ловкачей и проныр, помыкая маленькими людьми, подавляя непокорных и непослушных; хочешь ли ты во все вникать, удовлетворять каждое справедливое требование, не допускать злоупотреблений и выслушивать жалобы — у тебя должны быть враги, будь ты министр или скромный воспитатель. Если ты слишком рьяно, неосмотрительно и уверенно вступишь в бой, ты обожжешься разок-другой и, быть может, потеряешь охоту продолжать экспериментировать ценою душевного спокойствия, а подчас и ценою средств к существованию и всей своей будущности. Чем легкомысленнее взлет, тем опаснее падение...

А впрочем, не верь мне, я лгу, я старый брюзга. Действуй, как тебе велит сердце, стремительно, напористо, без компромиссов и колебаний... Выживут тебя — придут новые, встанут на твое место, поведут дальше. С нечестным — никаких сделок, разгильдяя — прочь с дороги, подлеца — в морду. У тебя нет опыта — тем лучше. Если опыт указывает дорогу, которой ты можешь ползти всю жизнь, так ты его не захочешь: лучше час да парить в небе... А победят тебя... Что ж, не будешь достопочтенным для седых и лысых, зато для юных останешься героем.

Брось кукситься — сам хотел...

Не говори, что тебя не предупредили, ввели в заблуждение, обманули.

21. Речь моя о позавчерашнем шуме была приблизительно такова: «Я побил мальчика — я поступил плохо. Я пригрозил выбросить его на веранду, где его покусает собака, — это очень гадко. Но кто виноват в том, что я совершил два гадких поступка? Виноваты ребята, которые нарочно шумели, чтобы я разозлился. Возможно, я наказал невиновного. Но кто виноват? Виноваты ребята, которые нашалили и попрятались, пользуясь темнотой. А вчера почему было тихо? Потому что горела лампа. Значит, это вы виноваты, что я поступил несправедливо. Мне очень стыдно, но пускай и вам будет стыдно. Я сознался, а теперь вы сознайтесь. Дети бывают хорошие и плохие. Каждый плохой ребенок может исправиться, коли захочет,

в ему в этом охотно помогу. Но и вы помогите мне остаться хорошим, чтобы я с вами не испортился. Мне очень досадно, что у одного из вас подбит глаз, а у другого забинтована голова, что пан Х вами недоволен и что на вас жалуется сторож».

Потом каждый говорил: хороший он и послушный, или так себе, или и сам не знает, какой он; потом говорили: очень им хочется исправиться, или только немножко, или вовсе не хочется. Все это мною записывалось. Я узнал, кто правые, кто левые и кто центр в группе...

Бывают же сборники политических и судебных речей и проповедей. А почему нет печатных речей воспитателей к ребятам? Всем кажется, что это легко, говорить с детишками. Некоторые обращения к детям я писал по неделе и больше.

22. Мы все вместе решали, что делать, чтобы ребята не загаживали лес, не шумели за столом, не бросали куда попало хлеб и шли по сигналу купаться или к столу.

Я продолжал делать все те ошибки, от которых желаю вас уберечь, но уже заручился у части ребят моей группы обещанием мне помогать.

Глупости сами мстили за себя тщетностью усилий и бесполезной тратой энергии. Ребята пожимали плечами, порой старались переубедить меня; часто я уступал.

Помню разговор об отметках по поведению. Я не хотел ставить оценок: все заслуживают «пятерку», каждый старается быть хорошим, а если не может, наказывать не за что.

— Если я не напишу, что у меня «пятерка», он подумает, что я плохо себя веду.

— Вон у других воспитателей — у сорванца и то хоть «тройка», да есть, а я послушный — и у меня ничего.

— Если я сделал что-нибудь плохое и вы поставили мне отметку, я знаю, что с этим уже покончено.

— Без оценок и слушаться не хочется, а почему, сам не знаю.

— А я не так. Когда вы ставите отметки, а я сделал

...нибудь плохое, я думаю: и пусть ставит мне «трой-...». А не поставите — неприятно.

Обдумайте каждый из доводов, и вы увидите, ка-кие важные тут затронуты вопросы и как ясно обо-значились индивидуальные особенности ребят.

Я уступил: каждый сам называет заслуженную им отметку; некоторые с огорчением: «А я не знаю».

23. Я довольно долго придерживался ложного взгляда, что номер унижает ребенка. Я упорно не хо-тел ставить ребят в пары, сажать по порядку номеров за стол. А дети номерам рады: ему девять лет и у не-го девятый номер, у него двадцатый номер, а тетка его живет как раз в доме № 20. И разве унижает теат-рального зрителя, что у него номер на билете?

Воспитатель обязан знать ребят, уметь назвать в задушевной беседе уменьшительным именем, каким зовет мама. Надо знать и семью воспитанника — спросить о больной сестренке, о дяде, оставшемся без работы.

Если кровати закрепляются по порядку номеров, пятерым из тридцати шести захочется переменить место: одному захочется спать рядом с братишкой, другому — потому что сосед разговаривает во сне, третий хочет быть поближе к комнате воспитателя, а четвертому страшно.

Ребята ходят купаться парами по порядку номе-ров; если кто-либо хочет переменить место, чтобы пой-ти вместе с приятелем, номер не должен служить пре-пятствием, пусть ребенок сменит пару или место.

Уже в первые дни пребывания в колонии номер может стать как бы фамилией, сквозь которую про-глядывает личность ребенка, пока не проклюнется, наконец, полностью его нравственный и умственный облик. Тогда неизбежный номер не приносит вреда.

24. Я нес свои чувства детям, а те не хотели их, плохо переносили, пугались. Я наивно считал, что за четыре недели можно исцелить любое страдание, за-лечить всякую рану. Я терял время попусту.

Я окружал заботой наименее стоящих ребят, вме-сто того, чтобы оставить их в покое.

С умилением вспоминаю, как, идя навстречу моим

просьбам, ребята принимали в игру таких, которые мешали играть, и уступали задирам, еще больше наглевшим от поблажек.

Даю чудесный мяч не умеющему толком играть глупышу, и он носит его в кармане, ведь у всех равные права на мяч: я давал его «справедливо», по очереди.

Я добивался от честных ребят, не желавших брать на себя невыполнимые обязательства, «добровольного» обещания исправиться.

И радовался, что дело идет на лад, не считаясь ни с бессонными ночами, ни с шедшими на убыль силами. К ребятам, их спорам, делам и играм я относился свысока — все это были для меня тогда «мелочи».

25. Работа в летних колониях тяжелая, но зато благодарная. Ты сразу получаешь большое число ребят; в любом же другом интернате они добавляются по одному или небольшими группами к уже имеющимся, прошедшим известную обработку. Присмотр за детьми из-за большой территории — тоже нелегкое дело. Особенно тяжела первая, организованная неделя, да и последняя требует от воспитателя усиленной бдительности: ребята, все мысли которых обращены к городу, снова во власти городских привычек.

Добросовестный и неопытный воспитатель может тут почти безболезненно испытать свои силы: на живой работе он быстро ознакомится с проблемами воспитания в интернате, и, не отвечая за дальнейшее, может объективнее оценить свои пороки и недостатки. Осознав ошибки, он имеет возможность в следующем сезоне с новой партией ребят, без свидетелей прошлых ошибок начать все заново, на новых основаниях.

Ему не надо экономить силы и рассчитывать энергию и душевный подъем на большой срок. Устал — лето кончится, отдохнет.

Приобретенный опыт в первый месяц даст ему радостное сознание наличия прогресса в следующем, он быстро заметит разницу, а это поощрит его к дальнейшим усилиям.

Кажется лишь, что работа первого сезона потеряна невозвратно: во втором сезоне будут приятели, знакомые или родственники ребят, бывших в первом сезоне. Поговори с ними, и ты увидишь, что они уже знают тебя и твои требования: еще до того, как тебя увидеть, они уже чувствуют к тебе симпатию и готовы признать твой авторитет.

26. Второй сезон начался под более счастливой звездой. Получив накануне отъезда список, я принялся заучивать подряд все фамилии. Некоторые внушали доверие, иные — опасения. Я не шучу, сами подумайте, как это звучит: маляр Пылища, крестьянин Улита, сапожник Недоля.

Вооружившись тетрадью и карандашом, я записывал все, что поразило меня в ребенке при первом знакомстве. Оценками первого впечатления были плюсы, минусы или знаки вопроса против фамилии. Короткое «симпатичный, сорванец, ротозей, неряха, дерзит» — первой характеристикой, которая могла подтвердиться или не подтвердиться, но давала общее представление о ребенке.

Так библиотекарь разбирает партию книг, с любопытством обшаривая взглядом заглавие, формат, обложку. Приятное занятие: ого, будет что почитать!

Я отметил особо рекомендованных ребят, ребят, которых провожало много народу, у кого было много подарков в дорогу и опоздавших. Уже есть в тетрадке первые вопросы, просьбы, советы, тем и любопытные, что они первые. Если один роняет регистрационный листок, а сосед поспешно поднимает его и подает, улыбаясь; если один быстро и громко отвечает, когда его вызывают по списку: «Здесь», а за другого отвечает мать; один отталкивает того, кто занял его место, а другой жалуется; один вежливо кланяется, а другой угрюмо озирается по сторонам — все это имеет для воспитателя громадное значение и, подмеченное и запечатленное в памяти или в записной книжке, служит ценным познавательным материалом.

27. Забирая у ребят почтовые открытки, я кладу их в пронумерованные и сложенные вдвое листки

бумаги, потому что одни открытки разлинованы, другие засалены и помяты.

Совершенно справедливо обижались ребята в первом сезоне, что им дают, когда они пишут домой, не их открытки.

Деньги я завертывал в пронумерованные бумажки и завязывал в носовой платок, тоже приготовленный накануне. Это — вклад, чужая собственность, тем более неприкосновенная, что сделан по принуждению. Отдавая свои десять грошей, ребенок вверяет тебе все состояние: ты обязан относиться к нему серьезно.

В дверях вагона стоял дежурный, у каждого окна — тоже. У меня было время перекинуться несколькими словами с каждым ребенком, и записная книжка опять пополнилась новыми деталями.

Я отмечал, кто клянчил попить, ябедничал, подрался у окошка.

В третий раз продефилировала передо мной вся группа, когда я ставил химическим карандашом номера на мешках. И тут, когда я называл фамилию, одни подходили быстро, а других приходилось выкликать по нескольку раз. Были и такие, которые, вместо того чтобы глядеть в окно, с любопытством следили, обступив меня, за тем, что я делал. И опять кто-то плакал: я послал одного мальчика его утешить, у него это лучше выйдет, а впрочем, пускай даже поплачет.

28. Я предупредил, что на станции нас будут ждать повозки, и чтобы ребята сходили в уборную сейчас, в вагоне; что нельзя помногу забираться на повозку и нельзя по дороге слезать и что, если у кого окажется не его размера одежда, завтра же ему ее обменяют. Два прошлогодних колониста помогут раздать молоко, трое других — одежду.

Я старался завязать деловую дружбу, а не пустой флирт.

Я отметил, у кого грязные уши, длинные ногти, грязная рубашка: если мать перед отъездом не привела ребенка в порядок — значит, она не только бедна, но и небрежна; иногда такой ребенок живет самостоятельно, без надзора, а то и вовсе нет матери.

Когда я переодену их и умою, эта деталь будет утрачена.

Я соглашался на любое предложение помочь мне, в чем-либо меня выручить. Я знал, что моя задача — организация и контроль, что самому мне всего не одолеть и что я сдам экзамен на хорошего воспитателя, если у меня будет время на наиболее важные дела и на заботу о детях исключительных по своему здоровью, темпераменту, запущенности, некудышности или большой духовной ценности.

И когда переодетые ребята сели по порядку номеров за стол, я стал изучать лица.

Я уже сейчас знал свою группу лучше, чем в прошлом сезоне после нескольких дней работы.

29. Одного я узнаю по веснушкам, другого по бровям, третьего по родимому пятнышку на носу, четвертого по форме черепа. Всегда остается несколько таких, в ком ты усматриваешь несуществующее сходство и долгое время путаешь. Этих трудностей школьный учитель не знает, ученики у него закреплены неподвижно на партах; зато хорошо знают их школьный надзиратель, инспектор, директор. И легко шалить такому неприметному, коли ответ за себя и за других держат два-три козла отпущения.

«Ага, попался, тебе не впервой, ты всегда».

А настоящий виновник посмеивается втихомолку.

Я потому так настаиваю на быстром ознакомлении со всеми ребятами, что всякие вредные предупреждения (как в пользу ребенка, так и против него) вытекают именно из этого незнания детей.

Я не очень, кажется, удалюсь от истины, если скажу, что у миловидного со славной рожицей ребенка есть все данные считаться хорошим, а у некрасивого или с каким-нибудь физическим недостатком — плохим. Отсюда одинаково несправедливое предубеждение некоторых воспитателей против красивых детей. Еще раз повторяю: воспитатель, который не знает хотя бы одного из своих воспитанников, безусловно, в любом случае окажется плохим воспитателем.

30. Вечером, когда все уже были в постели, я провел беседу о ребятах предыдущего сезона.

«Я расскажу о ребятах, которые спали на пятой, семнадцатой, двадцатой и тридцать второй кроватях. Один из них оказался очень славным малым, другой был всегда и всем недоволен, третий очень растолстел, а с четвертым как-то ночью случилась беда: он сделал под себя, и ребята сначала нехорошо смеялись над ним, а потом убедились, что это слабый и больной мальчик, и взяли над ним шефство. И где-то они теперь и о чем думают?»

В этих четырех взятых из жизни рассказиках были и мораль, и распорядок дня, и более сложные проблемы колонистского житья-бытья.

Я предупредил ребят, что делать, если они ночью испугаются или слишком рано завтра проснутся.

И все заснули — кроме двоих.

У одного дома остался больной дедушка, и мальчик все о нем думал; а другому мать говорила на сон грядущий «спокойной ночи». Этого последнего, одного из тридцати восьми, надо было в тот вечер, чтобы он мог заснуть, поцеловать. И я подумал, что как раз его, одного из самых впечатлительных, я мог в прошлом сезоне при общей сумятице и возбуждении отругать или выдрать по ошибке за уши.

Уже в первый вечер у меня осталось время на записи: в одной тетрадке — о первом дне в колонии, в другой — о каждом ребенке. И о доброй половине ребят я хоть что-то, хоть самую малость, а уже записал.

31. Назавтра чуть свет я уже был в спальне и опять, прежде чем ребята разбегутся и смешаются, учился узнавать свою группу.

В течение всего дня я спрашивал то одного, то другого, как его зовут.

— А меня, господин воспитатель? А меня как зовут?

Похожих друг на друга или тех, кто казался мне похожим, я ставил рядом и изучал, а ребята указывали мне приметы, по которым можно их различать.

С каждым часом прибывали все новые детали, посвящавшие меня в личную жизнь или в ту или иную область духовной жизни ребенка.

Быстро, словно по волшебству, под влиянием деревни и ласковой руки воспитателя смятые души сперв-

ва с удивлением и страхом, а потом все доверчивее и радостнее начинают тянуться к тому, что красиво и гармонично.

Но существует предел возможностей воспитателя, и его не перейдешь никаким чудом. Проснется душа чуткая и богатая, уставшая от неблагоприятных условий; убогую же и вялую еле станет на болезненную гримасу. Тебе жаль? У тебя всего лишь четыре коротких недели...

Врожденная самобытная честность жадно прильнет к новым формам светлой жизни, двуличие с досадой отвернется.

Бывают злаки, которые оживают от одного дождя, и совсем увядшие и больные, бывают и сорняки, с трудом воспринимающие культуру.

32. Внимательно присматриваясь к тому, как организуется ребячье общество, я понял трудности первого сезона.

Положительные ребята еще только осматриваются на новом месте, робко и сдержанно знакомясь и сближаясь, а отрицательные силы уже успели организоваться, задать тон и добиться послушания.

Ребенок, который понимает необходимость режима, ограничений и приспосабливания, помогает работе воспитателя пассивно, не мешая ему, подчиняясь имеющей в виду общее благо программе. Тот же, который хочет использовать, злоупотребив, добрую волю, щепетильность, некоторую неуверенность, доброжелательность или слабость воспитателя, действует сразу активно и наступательно.

Диву даешься, как может двенадцатилетний мальчишка, разлученный с семьей, в новых для него условиях, под присмотром воспитателей, среди незнакомых ребят не чувствовать ни стеснения, ни замешательства и уже в первый день требовать, оказывать сопротивление, составлять заговоры, выискивать друзей, перетягивать на свою сторону пассивных и безынициативных — объявить себя диктатором и бросить демагогический лозунг?

Нельзя терять ни минуты, ты обязан тотчас выявить его и вступить в переговоры. Ты заранее ему враг, как

каждая власть, которая требует и запрещает; убеди его, что ты не такая власть, какую он до сих пор встречал.

33. Пример:

В вагоне я делаю мальчику замечание, что выходить на перрон нельзя. Выходит, зову — молчит. На мой выговор отвечает с презрением: «А что тут такого? Я пить хотел». Я спрашиваю фамилию.

— Господин воспитатель тебя записал.

— Подумаешь, важность...

Уже на него поглядывают с любопытством, уже у него сторонники — он уже импонирует. Чтобы узнать его, подчас довольно одного «ладно, ладно» или пожатия плечами. Если так в первый день, подумай, что будет завтра или через неделю?

Этим же вечером я поговорил с ним. Разговор был серьезный, деловой, равного с равным: мы выработали условия его пребывания в колонии.

В городе он продает газеты на улице, играет в карты, пьет водку, знаком с полицейским участком.

— Хочешь здесь остаться?

— Так себе.

— Не нравится?

— Еще не знаю.

— А зачем приехал?

— Женщина тут одна меня уговорила...

Сказал ее имя, фамилию и на всякий случай дал неверный адрес.

— Слушай, милый, я хочу, чтобы ты мог тут пробыть весь месяц. Об одном прошу: надоест, скажи мне, я дам тебе на билет, и ты вернешься в Варшаву; только не убегай и не подстраивай так, чтобы я отсылал тебя якобы против твоей воли. Я позволю тебе делать все, что хочешь, но порядка не нарушать и к детям не лезть. Спокойной ночи.

И подал ему руку.

Не пытайся обращаться с ним, как с ребенком, он тебе прыснет в лицо или изобразит раскаяние, а сам отвернется и бросит что-нибудь язвительное, метко схваченное, чтобы поднять тебя на смех. Все, только не приторная сентиментальность; почувствовав к тебе

презрение, он использует ее, чтобы тебя осмеять.

34. Был и второй такой.

В задушевной беседе с глазу на глаз, когда не гля-дела на него глупая, покорная и трусливая ребятня, которую он презирал, он открылся мне, расчувство-вался и обещал исправиться.

На такие беседы нельзя ссылаться и не надо требо-вать выполнения обещаний.

Когда несколько дней спустя он хватил по лбу плошкой подтолкнувшего его во время еды мальчика и я бестактно, в резкой форме, напомнил о данном мне обещании, он ответил ненавидящим взглядом. Через несколько дней он выкрал одежду, переоделся в лесу и пошел на вокзал.

Я хотел бы обратить внимание молодых работников, которые не знают детей из беднейших слоев, на одно обстоятельство: среди этих детей есть и вполне воспи-танные и совсем запущенные дети. Эти две категории детей не только взаимно избегают друг друга, не лю-бят, не ценят. Но дети, воспитываемые в семьях, боятся детей уличных. Невдумчивый социолог не видит колоссальной разницы между нрав-ственным и безнравственным ребенком: оба, дескать, бедные, живут в предместьях, в бедных районах, при-надлежат к одной среде. А ведь поэтому первый и боится второго, поэтому он ему и опасен. И никто не вправе заставлять их дружить.

В последнюю неделю сезона часто слышишь, как силком навязанные незадачливые друзья грозят:

— Погоди, вернешься в Варшаву, уж я тебе отпла-чу.

35. Я был свидетелем отчаянных усилий опреде-ленной группы лиц открыть детские клубы в Варшаве. Я читал и книжечку с отчетом о предпринимаемых в том же направлении попытках в Москве. Одна и та же ошибка вызывала одни и те же трудности. Когда школьники потребовали исключения хулиганов, заве-дующая школой сказала с упреком:

«Мой сынишка играет с ними, а вы не желаете, нехорошо!»

Ее сынишка мог играть: его не изобьют, когда он

вечером будет возвращаться с работы домой, и ему никто не крикнет: «Эй, ты, что это за краля с тобой?» — когда пойдет в воскресенье с двоюродной сестрой в костел; к нему не пристанут: «Одолжи гривенник на папиросы».

Если ее сынишка пойдет с мамой и тетей на прогулку и к нему подбежит маленький оборвыш, а тетя в ужасе спросит: «Откуда у твоего Антося такие знакомства?»; мама тоном превосходства ответит: «Это его товарищ по клубу», — и посмеется над богобоязненной отсталостью старой тетки.

Но мать-работница совершенно справедливо испугается и станет остерегаться такой дружбы.

Если взрослый рабочий вправе не желать дружить с пьяницей или вором даже не потому, что это опасно, а просто потому, что марает доброе имя, сын рабочего вправе, более того, обязан избегать дурной компании.

А если хулиган лишь прикидывается хорошим, чтобы благодаря случайной встрече проникнуть в среду таких ровесников, к каким он иначе не попал бы? Чтобы извлечь выгоду из знакомства?

Допускать товарищеские отношения между детьми, совершенно разными по своим нравственным качествам и жизненному опыту, кого лишь бедность объединяет в одну среду, — это значит вовлекать какую-то часть из них в дурную компанию, легкомысленно испытывать их моральную стойкость.

36. Я настаивал:

— Играйте вместе.

Подзадоривал:

— Вас тридцать, а он один. Значит, вы все не можете исправить одного, а он один испортит вас всех?

— А что мы должны делать, чтобы его исправить? Он не хочет с нами играть, а соглашается, так всю игру расстраивает.

Правы были дети, не я.

Лишь значительно позже я понял, что, если воспитатель хочет держать вместе с обычными детьми детей безнравственных, на нем лежит вся ответственность и

обязанность за всем следить. Детям этот труд не под силу.

Даже самое, казалось бы, прекрасное теоретическое положение должно быть подтверждено. Даже самая очевидная истина, когда она трудно применима на практике, должна быть добросовестно критически пересмотрена. Мы значительно опытнее детей, мы многое знаем, чего дети не знают, но что они думают и что чувствуют, они знают лучше нас.

Если ребенку чего-либо хочется, а почему — он не говорит, он или скрывает истинную причину, или не вполне ее сознает. Искусство воспитателя в том и заключается, чтобы узнать, порой догадаться, часто доискаться этих полуосознанных мотивов.

— Тут что-то кроется, — чем чаще воспитатель так думает, тем он быстрее будет совершенствоваться и тем вернее избежит ошибок, вытекающих из ложных теоретических положений.

37. Я навязывал детям общество разболтанных, физически неполноценных или несимпатичных ребят.

Это было бессмысленно.

Ребята играют в горелки. Слабосильный ребенок не умеет ни убегать, ни ловить. А нечестный нарочно будет так убегать, чтобы его быстрее поймали, он сам хочет гореть. Если ты заставишь ребят играть с ними, ребята будут их избегать, не станут ловить.

Да и вообще кто из взрослых сядет играть в карты с шулером или таким, который не умеет играть?

Вы даете мячик, но с условием, что и тот будет играть. Надо ли удивляться, что ребята неохотно идут на это? И можно ли их винить за то, что чувствуют к нему неприязнь? И не побьют ли, если из-за него проиграют, и кто тогда будет виноват?

Забота о детях этого типа требует большого такта. Надо следить не только за тем, чтобы их не обижали, но и они чтобы никому не мешали.

«Вечно его дожидайся. Вечно он игру расстроит. Опять из-за него воспитатель на нас сердился: что-то запретил, отобрал, чем-нибудь пригрозил».

В первом сезоне я выдерживал целые бои из-за какого-нибудь растяпы, во втором с умилением наблю-

...лал, как величайший забияка взял добровольно под свою защиту самого тихонького мальчика.

38. Не пренебрегай!

Мальчишки играли в камушки. Игра эта была известна детям бедняков еще в древнем Риме. Играющий бросает на стол или на пол пять камушков. Потом он подбрасывает один из камушков и, прежде чем его подхватить, должен быстро схватить со стола один из четырех остальных. Есть несколько степеней трудности. Для этой игры нужны ловкость и пять небольших камушков.

Жалобы, что кто-либо забрал один или все камушки, повторялись беспрестанно. Я в то время был противником жалоб.

— Мало тебе тут камней? Найди другие.

Три ошибки сразу.

Во-первых, у каждого есть право на собственность, хотя бы это был самый пустяковый, не имеющий никакой цены предмет. А что убыток легко возместить, ничего не значит. Пусть тот, кто забрал мои камушки, ищет себе другие.

Тот, кто взял их, поступил явно безнравственно, по меньшей мере, несправедливо: присвоил чужую собственность.

Я сам попробовал играть в камушки и убедился, что не все камушки одинаково удобны. Слишком круглые, когда их бросаешь на стол, чересчур разлетаются, а слишком угловатые ложатся чересчур кучно.

Для игрока пять подобранных по форме и цвету камушков — все равно, что пять коней одной масти и роста, пять жемчужин в колье, пять выдрессированных охотничьих собак.

Всегда найдутся свидетели, которые видели, помнят, подтвердят, чьи эти камушки. Справедливость была на стороне ребят.

39. «Он оскорбил мою мать». После длительного колебания: «Он назвал меня сукиным сыном». Как воспитатель я обязан знать, что не один отец награждает подобным эпитетом насолившего ему фабричного мастера или домовладельца, когда тот не хочет ему чинить печку.

— Вы ведь знаете, какой он злюка. Раньше он со всеми дрался, а теперь только ругается — исправился. Правда, сукиным сыном зовут, когда уж очень кого хотят обидеть; зовут еще и негодяем, и мерзавцем. Чаще всего зовут со зла, подчас вовсе того не думая. Не думает же кто-нибудь всерьез, что мальчишка мерзавец, раз не дал поиграть мячика или нечаянно подтолкнул за игрой в чижа? Просто бывают люди вспыльчивые и бывают спокойные...

Я видел, ребята удивились, что я так громко и четко произношу это зачумленное слово. А делал я это потому, что все, что говорится шепотом, бродит, загнивает и дразнит воображение, и нет ничего вреднее в воспитании, чем ложная скромность. Если есть слова, о которых ты боишься говорить, что ж тогда делать с поступками? Воспитатель не может бояться слов, мыслей и поступков ребят.

Тот, кто хочет быть воспитателем детей бедняков, пусть помнит, что медицина различает praxis pauperum и praxis aurea, пусть помнит, что бывают развратники, говорящие изысканным языком, и герои добродетели — сквернословы. Ты должен знать среду, из которой вышли твои воспитанники.

40. Было бы слишком рискованно утверждать, что бедные дети морально устойчивее богатых. К нам поступают тревожные сигналы относительно тех и других. Мне кажется, верно лишь одно: наблюдения велись в этих человечьих клетках, в городских квартирах, где отсутствие свободного пространства, запрещение кричать и бегать, лень и скука заставляют детей обращаться к сильным и не беспокоящим окружающих впечатлениям и эмоциям.

На основании наблюдений над детьми в летних колониях я категорически утверждаю, что нормальный ребенок всегда предпочтет играть в мяч, бегать наперегонки, купаться, лазать по деревьям, чем забиваться тайком в угол для неведомых мечтаний.

Можно спокойно позволить мальчикам и девочкам разбрестись по лесу и не слишком присматривать за ними: они так увлекутся земляникой и грибами, что скорее надо ждать драки из-за трофея в виде гриба

или ограбления сильнейшими, чем проявлений неж-
ности.

Укромный закоулок городского двора в бедном районе и пространство между шкафами в богатой буржуазной квартире скрывают тайны, каким нет места на лужайке и в поле.

Только не держите детей ради своего удобства в постелях по одиннадцати часов в сутки — дети, особенно летом, не спят больше 8—9 часов.

41. Я с удивлением убедился в колонии, что дети не обижаются на приказы и запреты, цель которых — поддержание мира и порядка, и охотно подчиняются им. А если кто нарушит, то чистосердечно сознается и выразит сожаление или, самое большее, скажет:

— Сам знаю, что плохо, да что поделаешь, коли по-другому не могу.

Есть дети, которые ведут отчаянную борьбу с врожденными наклонностями как раз во имя этой общей гармонии. Не следует усложнять им чрезмерными требованиями эту борьбу, а то они к ней потеряют охоту или станут дичиться.

Воспитатель обязан давать себе отчет в том, какие запреты и приказы категорические и какие допускают известные отступления.

Категорически запрещается купаться одному в речке, в определенных случаях — лазать на деревья.

Категорически запрещается опаздывать к обеду, в известных случаях — опаздывать, когда становятся в пары: опоздал — догонит, хоть за версту, ведь подвижный ребенок не захочет стоять и ждать, пока все соберутся.

Детям исключительным с общего согласия исключительные законы — вот труднейшая и вместе с тем благороднейшая задача для воспитателя.

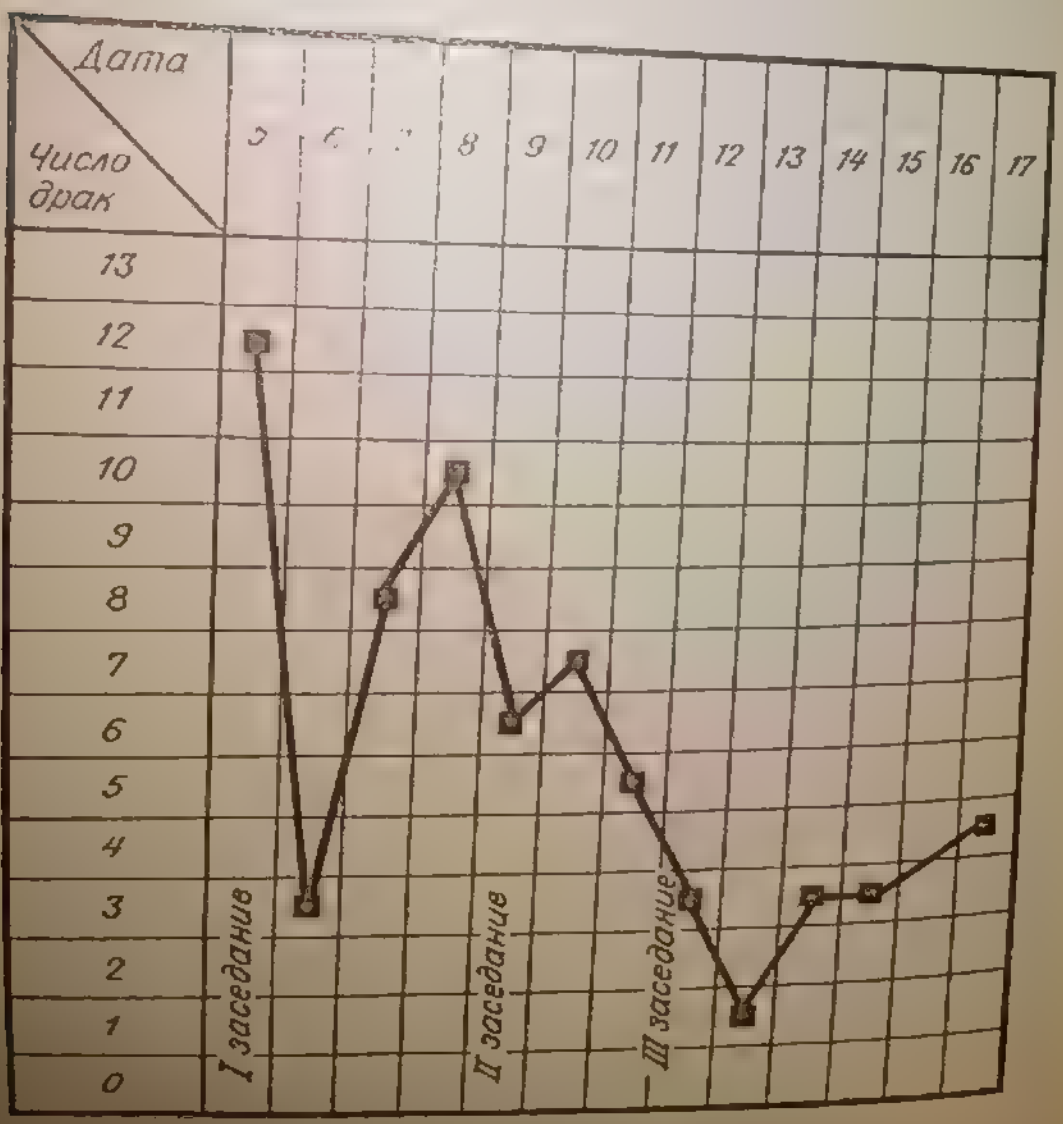
Если на сто пятьдесят ребят один плавает так, что ему ничто не грозит (живет у самой Вислы, по полдня в воде, без труда переплывает реку), то ему можно с согласия ребят разрешить купаться даже одному. Ты должен иметь известную смелость и взять на себя ответственность за его жизнь.

42. Детям свойствен социальный инстинкт. Дети

могут отнестись к известному начинанию настороженно потому, что не доверяют взрослым или не поняли, но быстро одобрят его, если сами примут в нем участие.

Что сделать, чтобы ребята не разбрасывали хлеб по лесу, не опаздывали к обеду, не дрались и не ругались? Если даже подобные обсуждения и не помогут искоренить зло, они наверняка повысят моральный уровень многих ребят, укрепят чувство солидарной ответственности и общественного долга.

ГРАФИК ДЕТСКИХ ДРАК В КОЛОНИЯХ



5 июля на 30 дней 12 драк; общее собрание: не драться; назавтра лишь 3 драки, и опять 8, 10, 6 драк. Второе общее собрание (в лесу) насчет необходимости жить дружно. И опять 7, 5, 3 драки. Третье общее собрание под лозунгом «Один день без потасовок». Как результат коллективного усилия назавтра лишь одна драка.

Записывай, сколько ребят опаздывало и сколько регистрировалось драк в день до обсуждения. Регистрируй после обсуждения, вывеси график, и ты убедишься, что драки стали реже. Драки опять участились — второе обсуждение.

Задача даже самой хорошей речи — вызвать энтузиазм, способствовать начинанию, не останавливаться на достигнутом.

Одни слову приписывают слишком большое значение, слишком многого ждут от него, другие недооценивают, обманувшись. И те и другие заблуждаются. Одними словами ничего не сделаешь, но и без слов работа станет. Слово — всегда союзник, не заместитель.

Ты можешь ждать от слова только такого действия.

43. Общее собрание из-за непорядка в уборной.

«Когда пожар или наводнение, лучшие бегут на помощь, рискуя жизнью. Когда надо сделать что-нибудь трудное или неприятное, всегда впереди лучшие из лучших. Вот и нам надо выполнить трудную неприятную работу, и мы обращаемся к нашим лучшим... Итак, кто из вас берется добровольно дежурить в уборной по полдня каждый?»

Понятно, записываются многие. Но это лишь начало. На первые два дня ты выбираешь энергичных, легко вдохновляющихся, но неустойчивых: труднее всего придется в первые несколько дней, а раз дело новое, ребята выполнят его с большим запалом. Объясни им, почему они первые.

Предложения спорщика не принимаешь, боишься склок, ребята не любят его и станут делать назло.

Отстраняешь и слишком вспыльчивого:

— Еще подерешься, не берись-ка ты лучше за это дело.

Серьезных назначаешь на следующие дни: знаешь, что не остынут.

Тихонького откладываешь еще на позже:

— Тогда уже будет легче, а завтра ты не справишься.

Предупреждаешь дежурного, что найдется такой, который назовет его «говночистом» или «сторожем в уборной»:

— Не обижайся на дуралея.

Предупреждаешь, что должен делать дежурный, когда маленький недотепа загадит уборную нечаянно, и что — когда это будет сделано нарочно, назло, и как быть, если не удастся засечь виновного.

Ты должен снабдить дежурного метлой и тряпкой. Должен сам заходить туда в часы наибольшей посещаемости (утром или после обеда) и подежурить с четверть часика, а в сомнительном случае самому взять тряпку в руки и вытереть.

Ты напрасно сердишься, воспитатель: «Сколько раз говоришь им!» Это не помогает и не поможет. Так зачем говорить? Одни и сами поймут, что данное добровольно обещание обязывает, а недобросовестному я скажу: «А зачем обещал?» Это важный козырь. У ребенка нет цинизма взрослых, которые ответят тебе:

— Обещанного три года ждут.

44. Воспитателю не обойтись без помощи ребят, конечно, при условии неусыпного надзора и частой смены юных коллег (не то заважничают, ведь власть портит!). Надо мягко и осторожно объяснить, что дежурство не дает никаких особых прав, что это должность почетная.

Дежурных по обслуживанию за столом я сменял ежедневно из-за существовавшего обычая накладывать им большие порции. Этим я усложнял работу экономки, но считал, что иначе нельзя.

В летних колониях у меня были дежурные по постелям (по одному на каждый ряд), по подаванию тазов для мытья, по укладыванию на место игрушек, дежурный, следивший, чтобы ребята аккуратно вешали полотенца на спинках кроватей.

Дежурные, задачей которых было подбирать битые

стекла, чтобы ребята, бегая, не порезали себе ноги.

При исполнении этих несложных обязанностей де-ти узнаются легче, чем на уроках в школе: там услож-няют картину способности, подготовка, случай. Здесь ребенок виден сразу: азартный он, непостоянный, са-молюбивый, забияка, добросовестный или нечестный.

45. Если присматриваться в первые дни, как дети знакомятся друг с другом, легко убеждаешься, что положительным элементам группы нужны помощь, поддержка и прежде всего неусыпная и осторожная защита от тех немногих, кому твоя система неугодна.

Если власти обязаны охранять общество от насилия и злоупотреблений со стороны вредных элементов, то воспитатель обязан охранять ребят от кулака, угроз и оскорблений, а ребячью собственность (будь то ка-мушек или палочка) — от присвоения, а также охра-нять ребячьи организации (все равно, играют ли ребя-та в мяч или строят домики из леска).

Раз выполнив эту большую работу, потом доста-точно лишь не допускать отклонений и искривлений.

Все сэкономленное с помощью ребят время мы можем посвятить воспитанию тех, кем мы желали бы особо заняться, потому что мы хотим или должны это делать, так как это ребята стоящие, опасные для кол-лектива или просто выходящие из нормы.

А ведь бывают не только исключительные дети, но и исключительные обстоятельства, которые берут у нас много времени. Вдруг ребенок заболел; стемне-ло, а четверо еще не вернулись из лесу; пожалова-лись, что ребята кидались камнями или шишками в нищего или воровали.

Чем больше ребят, тем больше и исключительных ребят и обстоятельств.

Гнев тут не поможет: так дожно быть. Весь смысл хорошей организации в том и заключается, чтобы, не-смотря на это, все шло своим чередом, мелкие дела делались сами собой и ты мог всегда сказать: «Хозяй-ничайте сами, я занят».

46. Уверенность в себе и разумное предвидение светлы и снисходительны, неопытность капризна и не-уравновешенна.

На тридцать—сорок ребят у тебя всегда будет один ненормальный или безнравственный, один очень запущенный, один злой, антиобщественный, со всем несогласный и всеми нелюбимый, один вспыльчивый, с необыкновенно яркой индивидуальностью и один болезненный или слабосильный.

Так должно быть!

Ты организуешь экскурсию: один заболеет, другой надуется, еще один не хочет идти, раз все хотят идти:

— Подумаешь, экскурсия!..

Один будет искать шапку, другой от возбуждения подерется, третьему в последнюю минуту понадобится в уборную, четвертый куда-то делся.

Дорогой у кого-то заболит голова или ноги, кто-то порежется, кто-то разобидится, кому-то захочется пить.

Рассказываешь сказку. Один обязательно прервет тебя:

— Скажите, пожалуйста, а это какой червяк?

Другой:

— Он мне в ухо тычет соломинкой.

Третий:

— Ой, овцы идут!

Юная обида в тебе грозится:

«Если кто-нибудь еще раз прервет...»

А опытная снисходительность с улыбкой переживает, когда пройдет стадо.

47. Небольшое, но ценное замечание. Если ты трудолюбив, добросовестен и более одарен как воспитатель, не суди товарищей строго. Не давай им почувствовать свое превосходство. Если ты желаешь детям добра, ты должен избегать всяких столкновений с коллегами.

Я был самым усердным воспитателем в колонии, да это и не могло быть иначе. Я стосковался по работе с детьми, другим воспитателям она приелась. Меня привлекала простота деревенской жизни, они не видели очарования ни в набитых соломой матрацах, ни в простокваше.

Как-то раз, когда с одним мальчиком случилась беда и из-за этого вышел спор с прачкой, я сам выстирал у колодца загаженную рубашку и простыню. Я ви-

дел (я на это и рассчитывал) смущение прачки, замешательство экономки, недоумение товарищей по работе. Но сделай это кто другой, он, возможно, услышал бы презрительное:

— И прекрасно. Пускай знает, чем это пахнет. Его мальчишка.

Надо избегать рассчитанных на эффект красивых жестов. Если во внешне очень положительных поступках скрыта фальшь, они раздражают больше, чем слова.

И уж никогда не следует считать своей особой заслугой, если ты в первые дни или недели работы на новом месте усердствуешь или вводишь мелкие улучшения. Будь это иначе, это свидетельствовало бы о тебе как нельзя хуже: новый работник и должен больше всех усердствовать и видеть недостатки, которые усталому и ко всему привыкшему глазу не заметны.

48. Я уже говорил об этом во вступлении, повторял и еще раз повторю: воспитателю приходится быть и санитаром, он не может ни пренебрегать этой обязанностью, ни отказываться от нее; ребенка с ночным недержанием мочи — ребенка, которого рвет, — с нарывом в ухе — ребенка, который обмарался, — с сыпью на теле или на голове — воспитатель должен посадить на горшок, умыть и сделать перевязку. И он должен это делать без тени отвращения.

Пусть воспитатель делает, что хочет, пусть практикуется в больнице, в приюте для раковых больных, в детских яслях, но он обязан закалиться.

Воспитатель детей бедняков должен приучить себя и к физической нечистоте. Педикулез* — постоянное заболевание убогой детворы всего мира, и воспитатель должен время от времени найти вошь и у себя на одежде. Об этой болезни ему не положено говорить с возмущением или отвращением — родители, братья и сестры ребенка относятся к этому явлению спокойно и объективно; также спокойно и объективно следует и заботиться о чистоте ребят.

Воспитатель, которого от грязных ребячьих ног тошнит, который не выносит неприятных запахов и теряет на целый день душевный покой, если — о

ужас! — найдет вошь на своем пальто — пусть идет как можно скорее работать в лавку, контору, куда хочет, только пускай больше не остается в народной школе и интернате, потому что нет ничего унизительнее, чем зарабатывать на хлеб с отвращением.

— Я хороший воспитатель, а грязь ненавижу, — говоришь ты, пожимая плечами.

Лжешь: он у тебя во рту, в легких, в крови — воздух, который испортили дети.

Меня, к счастью, от этого смертного греха воспитателей избавила раз и навсегда моя врачебная практика. «Фи» для меня не существует. Быть может, именно потому мои воспитанники любят чистоту.

49. Гениальный французский энтомолог Фабр гордится, что он произвел свои эпохальные наблюдения над насекомыми, не умертвив ни одного. Фабр наблюдал их полеты, обычаи, радости и заботы. Внимательно присматривался к насекомым, как они резвились в солнечных лучах, сражались и гибли в борьбе, искали еду, строили убежища, делали запасы. Он не возмущался, а мудрым взглядом прослеживал могущественные законы природы в их еле заметных проявлениях. Фабр был учителем в народной школе. Он наблюдал невооруженным глазом.

Воспитатель, будь Фабром детского мира!

ШУТОЧНАЯ ПЕДАГОГИКА

(Беседы Старого Доктора по радио)

Тащи давай, кавалер!

Нет. Вы не подвели меня. Я хочу поблагодарить вас. Вы мне ничуть не мешали. Я обязан вам многими новыми мыслями и воспоминаниями, я многому научился. Минералогия важна, но важен и человек. И книжки, но прежде всего — правда жизни.

Вы жалуетесь на школу? Так. На учителя? Ладно. Вы жалуетесь на товарищей? Пожалуйста. Разные бывают люди. Одному хватает одного хорошего товарища, а другой хочет скопом, шумно да дружно.

Один любит все потихоньку да помаленьку, а другой — быстро, со стуком да громом. Один весел, другой серьезен. Тот робок, этот самоуверен. Этот миролюбив, тот задира. Pardon. У каждого свои достоинства и недостатки. Этот поет, этот рисует, тот мастак на задачи, тот — на сочинения. И хорошо, что все они неодинаковые. А ты сразу: «Такой-сякой, никудышный».

Учитель кричит? Pardon, monsieur. А что ему делать? И он живой человек, и у него есть нервы и недомогания, семейные хлопоты и песок в желчном пузыре. Никто не орет ради собственного удовольствия и хрипоты в горле. Учитель много спрашивает? А разве он составлял программу? Разве его самого не проверяют и не отвечает он перед начальством за успеваемость в классе?

Не объясняет, плохо преподает? Pardon. Не прикажешь ли в одну твою школу согнать со всей Польши всех Коперников, самых что ни на есть отборных ораторов Скарг и поэтов Словацких? Для тебя отобрать по всей стране высокосортное яйцо Колумба? И для тебя лишь и для твоего класса просеять сквозь ситечко отечественных ровесников и выбрать одни школьные марципаны тебе разъединственному в угоду?

А другие школы, другие пансионы? Всюду ежедневно подгорелые котлеты и пригорелое молоко, а в твоей ни разу — потому что ты, ваша светлость, соблаговолил здесь гостить? Pardon. Если ты выковырнешь из ватрушки изюминку, другому достанется меньше. На свете два миллиарда с гаком людей; в Польше пять миллионов людей, алчущих школьных знаний. Каждый имеет право на одного хорошего учителя и на свою порцию малинового мороженого. Так не будешь ли любезен — один хороший соученик, а остальные так себе, поплоше? Что по карману, чем богаты, тем и рады. Не спрашивай слишком многого, не распоряжайся, не лезь напролом — не ты один — ишь, важная персона, милость оказывает, что живет на свете!

На уроке ему скучно, так он, чурбан, другим мешать! Эдакое надутое, раскоряченное «Я» — спесивое, кичливое, чванное — волчий табак, вонючка!

В волейболе бьет, сам мажет, а другому не подает и еще сваливает на других, что проиграли. Он ведь, с вашего позволения, гелиотроп, архичемпион, олух царя небесного, индюк мировой и олимпийский, двуногое и спортивное совершенство — он, ба, он — гораlocerhalus carcinematosus!

(Гм? Что это значит? Сам не знаю. Какая-то болезнетворная бактерия. Я это сказал со зла, по вдохновению. Зачастую прорвет человека — и понес околесицу, «немножко очень» разволновавшись.)

Помнишь, «немножко очень» — это ты так сказала. Взрослые говорят иначе: они точно знают, сколько в каждом отдельном случае следует волноваться.

Я где-то читал.

Путешественник посещает в Африке негритянскую деревню. Глядь — английская вывеска: «Школа». Любопытно, как это учатся черномазые негритята? А они знают, и хорошо знают, английский язык. Он и спрашивает у учителя, дельно ли тот с ними занимается. А учитель, что, мол, год. «Год, всего год — невероятно». — «Да нет, школа уже давно; его предшественник проработал здесь девять лет». — «А теперь где он и что делает?» — «Его нет в живых, съели родители учеников». — «Вы шутите?» — «Нет, не шучу. Ведь это людоеды». — «А вы? Ведь и вас могут съесть?» — «Могут, и департаменту просвещения придется прислать на мое место нового учителя».

Так вот, братец. Ого! Не ты, а дело, работа — дисциплинированный гражданин. Взвесь-ка это на совесть, не лукавя.

Умное это слово: взвешивать. Взвесь, сколько в тебе правды и справедливости, лжи и криводушия, сколько граммов разума, глупости, взвесь, сколько граммов горечи и злодейства, недоброжелательности и злобы, сколько килограммов пшеничной доброты, помощи, одолжения, сколько ржаной честности, труда и доброй воли.

А ты бы хотел по родным полям и нивам легко, удобно, на дармовщинку, чтобы галушки сами в рот прыгали?

Учитель несправедливо поставил отметку? Отно-

сится с предубеждением? Ты заслужил лучшую оценку? Если ты выполнил свой долг, сохрани ясность духа. Учитель ответит перед историей.

Но твои разгильдяйство и лень — это минусы. Ты не сделал уроков; если даже учитель и не вызвал, — минус. Ты думаешь: «Сошло». Нет: минус. Не школьник — гражданин опоздал в школу. В статистике гражданских подвигов твоя клякса и опоздание — минусы.

Pardon. Ты будешь врачом. И тоже: «Больной не заяц, не убежит», — опоздаешь, а он уже умер, не оказали вовремя медицинскую помощь — и минус, в статистике прибыли сироты. Летчик опоздал на аэродром, не успел проверить перед вылетом машину: катастрофа, ты свернул себе шею — и минус, на один самолет оборона страны слабее. Ты запустил математику — катастрофа: твой мост, фабричная труба — обрушились: подводной лодке твоей капут — утонула; взорвался котел.

Спрашивает у тебя твой первенец: «Папочка, сколько будет шестью девять?» — а ты стоишь, как баран («как цап» — в словаре написано, что это такой баран с длинным толстым хвостом). Значит, спрашивает у тебя сын, а ты не знаешь.

Если отец человек неученый — с малых лет на тяжелой работе, в школу не ходил, — то не стыдно, но ведь ты при галстуке, в отутюженных брюках, а потому: «Папочка, сколько шестью девять?», «Папочка, стол — это имя существительное?», «Папа, Миссисипи — это остров или полуостров?» А ты стоишь болван болваном, побагровев от стыда!

Ты говоришь: «У меня еще есть время». Неправда. Там, за границей, учатся, строят шоссейные дороги, фабрики, машины, броненосцы, чистые светлые квартиры. А ты что? Собственное свое ухо не хочешь вымыть, чтобы было чище. Отягощаешь статистику одним грязным ухом. Минус, гражданин!

Ты говоришь: «Это трудно». Морщишься, это, мол, трудно.

Pardon. Дуралей тот, кто хочет полегче и кое-как, лишь бы побыстрее. Радуешься, что учитель захворал

и целую неделю не будет уроков? А ты полюби то, что трудно.

Тащи давай, кавалер...

Вспомнилось мне тут одно. Давно это было.

Электричества еще не знали, и я возвращался домой из школы на конке. Летом конку тащила по рельсам одна лощадь, зимой впрягали — по снегу тяжело — двух. Значит, стою я с ранцем на спине рядом с кучером, а он знай стегает кнутом, подгоняет. Лошади из сил выбиваются, тащат, да снег. Жалко их мне стало. Я и говорю: «Что вы так бьете?» Он на меня покосился с неприязнью и говорит: «А ты, кавалер, тащи давай, помогай, коли такой жалостливый. Слезай, коням будет легче». Мне было страшно стыдно. На всю жизнь наука: не суйся, коли не знаешь, не болтай зря, раз не помогаешь, не критикуй, раз сам не умеешь лучше. Тащи давай, помогай!

И это тебе не нравится, и так не должно быть, школа — так, а ты — эдак. Глупо, мол, плохо. А что делать? Тащи давай, кавалер! Или изобрети что-нибудь, как Эдисон электричество. Или жди — смотри, терпеливо жди — когда у твоей школы вырастет зуб мудрости. За собой следи, вот как! Что беру и что сам даю? И не потом и после, а теперь, уже!

Ты одолжил у приятеля карандаш, резинку. Помни, ты их должен вернуть. Тебе оказали услугу, а ты сейчас же (не обязательно ему) — другому. Берешь — возвращаешь.

Умная игра волейбол. Принимаешь, подаешь, берешь, пасуешь — в общих интересах, — следишь за общим мячом, стараешься подать тому, кто ближе, кто лучше ударит. Хороший гражданин.

А плохой гражданин сломал ветку, запустил кирпичом в курицу; грязна тетрадка халатного гражданина, засвинячил он белейшую отечественную бумагу. Или, наоборот, ты своему будущему сыну пример: «Гляди, вот тетрадь твоего отца с его школьных времен».

Ты не любишь грамматику? Pardon, monsieur, сопляк ты эдакий.

А хлеб ты ешь? Не немецкий Brot, не французский pain, а хлеб. Немцу корова дает Milch, французу —

lait, а тебе молоко. Воздухом дышишь, не l'air'ом и Luft'ом.

Ты за границей. Ничего не скажу: красиво, богато. И солнце нравится, и небо. Но тут тебе вдруг заграничный петух запоет, вроде бы и как наш: старый — «ку-ка-ре-ку», молодой — «ки-ки-ри-ки». Да чувствуешь: не соотечественник, не земляк — чужой!

Экзотическая страна — колибри, бабочки, ароматы, попугаи. Нет: серенький воробушек, незабудка. Пальма — это пальма, чужое у нее лицо, равнодушен взгляд и супротив вербы — она уродка.

Комар, оса, клопище родимый — не цеце, не смертоносный паук.

Или возьми их деликатесы, лакомства, соусы, десерты и щербеты, изысканные вина, фрикасе и красные перцы. Жрешь, упихиваешь — мода, престиж, да тоскуешь: эх, краковская колбаса, зубровка, хрен, торунский пряник и родимый бигос!

Но будь бдителен, гражданин! Силки, ловушка, западня. Это еще не конец. Не только и-их, у-ха-ха и эх-эх-эх-эх; отплясываешь, «виват» на параде и ленточка на лацкане пиджака. Я говорил, один спрашивает: «А что дадут? что урву?» — «Маловато, бедновато», — недоволен; а другой: «Что я сам дам? Не что мне, а что я от себя доложу?»

Мы с вами подобрали битое стекло и папиросные окурки, замусоленные бумажки, сделали мостки — стало удобнее купаться, чисто, ноги не порежешь, не вязнут в грязи; и цветы политы — гражданский подвиг, плюс. На небольшом участке работы, ну да, что по силе, чем богаты, тем и рады.

Нет, нет. Вы мне не мешали, наоборот — помогли... Вот, опять вспомнилось: «Тащи давай, кавалер!» Мне было хорошо с вами и «немножко очень весело». Спасибо...

Поплюй на ладони — не болтай зря — тащи! Тяжело, трудно? Чем тяжелее, тем лучше. Болтология — страшная вещь... страшная!

Примечание. В заключение мне хотелось бы сказать еще... Но оставим это в покое. Заглавие — «Шуточная педагогика». Оно обязывает.

Что происходит с педагогическим факультетом издательства «Знание» в последнее время? Ведь мы всегда так любили эти маленькие книжечки, которые радовали нас каждый месяц. Даже во времена, когда педагогическая литература страдала догматизмом и наукообразностью, они всегда отличались своей гуманистической направленностью, были близки конкретной практике семейного воспитания и так помогали нам в понимании собственных детей.

Сначала они стали выходить раз в 2 месяца, потом цена на них возросла на 30%, а теперь мы за полгода получили всего одну книжку.

Семья Сергеевых из Новосибирска.

Действительно, мы получаем большое количество подобных писем. Дело в том, что Калининский полиграфический комбинат с переходом на новые хозяйственные условия отказался издавать нашу литературу в прежнем виде. И нам от безвыходности пришлось согласиться на их условия — сдвоенные номера, т. е. один раз в 2 месяца. Но, чтобы не разочаровать подписчиков, мы решили компенсировать это нововведение более разнообразным содержанием.

Так, читатели в 1990 году познакомились с идеями и практикой воспитания трудных детей двух всемирно известных психотерапевтов — американцем Россом Кэмпбеллом и австрийцем Бруно Беттельгеймом. Они рассказали о том, как помочь детям с психическими травмами, полученными в результате неправильного воспитания, и как родители должны в реальной каждодневной жизни реагировать на те или иные поступки ребенка. Читателей наверняка заинтересовали тесты по определению одаренности ребенка и предложенные французскими врачами диеты, способствующие зарождению мальчиков и девочек, методики сохранения молодости и долголетия по Залматову.

Разговор о судьбе молодой семьи, начатый на страницах педагогического факультета педагогом и журналистом, продолжают социологи, психологи и сексологи, которые пытаются решить вечную проблему, что важнее для укрепления семьи — овладение техникой секса или постижение искусства любви, основанного на единстве душ.

Открываются несколько новых рубрик. Среди них «Кабинет доверия читателей». Мы познакомим читателей с лите-

ратурой, на которой воспитывались наши дедушки и бабушки. Так, из номера в номер собираемся печатать главы из романов необыкновенно популярной в начале нашего века писательницы Лидии Чарской.

В рубрике «За годом год» будут даваться методики воспитания и развития ребенка от рождения до его совершеннолетия. На страницах педагогического факультета организуется медико-экологический пост, где будут обсуждаться нерешенные проблемы экологии и медицины.

Януш Корчак

КАК ЛЮБИТЬ ДЕТЕЙ

Редактор О. Г. Свердлова
Мл. редактор С. В. Осинкина
Худож. редактор М. А. Гусева
Художник А. И. Сухоруков
Техн. редактор О. А. Найденова
Корректор С. П. Ткаченко

ИБ № 11404

Сдано в набор 27.10.90. Подписано к печати 06.12.90. Формат бумаги 70×100 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура журнально-рубленая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,80. Усл. кр.-отт. 8,12. Уч.-изд. л. 9,35. Тираж 133 956. Заказ 1619. Цена 55 коп. Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 912401. Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфический комбинат Государственного комитета СССР по печати. 170024, г. Тверь, пр. Ленина, 5.